

Что мне до вас, мостовые Белграда?

Виктор КОСИК

Виктор
КОСИК

**Что мне до вас,
мостовые
Белграда?**

эссе

Российская академия наук

Институт славяноведения

В. И. КОСИК

ЧТО МНЕ ДО ВАС,
МОСТОВЫЕ БЕЛГРАДА?

Русская диаспора в Белграде
1920—1950-е годы

Эссе

Москва
2007

Рецензенты:

кандидат исторических наук *А. В. Карсеев*

кандидат исторических наук *А. В. Попов*

В. И. Косик. Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920 — 1950-е годы. Эссе. — М.: Институт славяноведения РАН, 2007. — 208 с.

В книге продолжена обрисовка миров русского Белграда, его жителей, сохранивших и на братской чужбине свой стиль жизни, хранивших ее культуру, искавших новой России. Книга пронизана стихами, помогающими почувствовать настроения русских изгнанников, не забывавших свою Родину. Представлен ряд пестрых сюжетов, вводящих в мир Церкви, печатного дела, военных, спорта, а также сокольских и скаутских организаций, младороссов.

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Моей жене Ольге

Объяснение к тексту

Горе и радость, вина и награда,
Что мне до вас, мостовые Белграда?!

Ольга К.

В отличие от моих белградских очерков о розовой культуре с ресторанным привкусом, написанных достаточно легко, продолжение их далось мне значительно труднее вследствие смешения культуры и политики, которого я счастливо избежал в предыдущей книге. И тем не менее, надеюсь, что мои трудности не будут досаждать Вам, мой читатель. Для Вас я приготовил пять сюжетов из жизни тех, кто был жителем Белграда, молился в церкви Св. Троицы, а также тех, кто ненадолго приезжал туда и был отмечен вниманием «коренных» русских белградцев, ходил по его мостовым, «решая» по пути свои и чужие проблемы. Безусловно, не все здесь блещет новизной. Многие я взял из малодоступных книг и у забытых ныне авторов, обнаружил на ломках от времени газетных страницах, получил от Р. В. Полчанинова (США), добрал из других источников. Есть и неизвестные картины из прошлого, прежде всего сюжет о младороссах с их лозунгом «Царь и Советы». Добавлю, что само сочетание политики и культуры плюс новая информация дают возможность по-новому взглянуть на привычную картину прошлого. Именно это позволило мне написать остальные сюжеты — о Русской Православной Церкви Заграницей, ее иерархах и мирянах, о новой жизни русских военных, в частности, летчиков, успешно осваивавших югославское небо, о просвещении и печатном деле, о прозе и поэзии, об «интимных» вечерах русских литераторов, о спорте, о маршировавших по белградским мостовым «соколах» и скаутах, их песнях и гимнах. Как и ранее, в книге много стихотворений, помогающих острее почувствовать русскую жизнь на белградских мостовых...

Церковь: клир и миряне

Верую

(духовный концерт русского хора в Белграде)

Был жуток сон души. Холодный, безучастный
Весь мир вокруг нес лежал, как мертвый дол,
И в тяжком забытьи, таинственно и властно
Над нею раздался торжественный глагол.
«Я верую», звучал проникновенный
Во Вседержителя и Бога и Отца,
Земли и Неба, видимой вселенной
И всех невидимых единого Творца,
И в Сына Божьего Иисусом нареченна,
Христа и Господа, рождена прежде век,
Единосущного Отцу, несотворенна;
Сошедшего на землю ради человек,
Распятого за нас, страдавша, погребена,
Воскресшего, восшедшего на небеса...
И чудилось душе: со всех концов вселенной
От века «Верую» неслися голоса.
Росли и крепили звуки, чуждые печали
Казалось из земли, умершие от вск
Свой тайный тихий глас в глаголе том сливали,
И пели горы, небо, море, воды рек.
А могучий голос в чудном вдохновеньи
Звучал восторженно и мерно в высоте
О вере в Духа, мертвых воскресеньи,
О жизни будущей, о царстве во Христе...
И слышала душа, как в горних херувимы
На песнь отозвались хвалою без конца,
И «Верую» неслоь победно и незримо
К чертогам вечной славы Вечного Творца

Е. Журавская¹

Не думаю, что найдется человек, особенно русский, кто бывал в Белграде, и не знал бы маленькую русскую церковь, приютившуюся в сени величественного сербского храма Св. Марка, что в центре Белграда, неподалеку от здания Скупщины (парламента). Но далеко не всем известна церковная жизнь Белграда, связанная с ней, ее служителями, прихожанами. Поэтому позволю себе вначале предпослать небольшой экскурс в то далекое время, когда и церковь не избежала смут, потрясений, разделений, появления Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).

Гражданская война практически прервала связи Патриарха в Москве с епархиями, подпавшими под власть Белой армии. Эта ситуация обусловила появление временных высших церковных управлений, как это было на юге России, где властвовал генерал А. И. Деникин. Именно там — в Екатеринодаре — весной 1919 г. было сформировано Высшее временное церковное управление.

После поражения в Крыму вместе с массой населения родину покинули и многие архипастыри. 19 ноября 1920 г. на борту парохода «Великий князь Александр Михайлович», стоявшего в Константинопольском порту, было проведено заседание Высшего церковного управления (ВЦУ) на юге России и принято решение о продолжении его деятельности. В результате переговоров с Константинопольской патриархией, на канонической территории которой находились высшие иерархи, был издан указ, подписанный 2 декабря 1920 г. местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Досифеем, об учреждении Эпитропии — Временного высшего русского церковного управления заграницей под председательством митрополита Антония (Храповицкого). Как пишет протоиерей Вл. Цыпин, «канонический статус ВЦУ был двусмысленным: образовано оно было как учреждение, подведомственное Константинопольской Патриархии, а само себя считало идентичным с Высшим церковным управлением на юге России и оставшимся в подчинении Патриарха Московского»².

Вскоре ВЦУ в Константинополе с признательностью приняло приглашение сербского Патриарха Димитрия переехать в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС, в 1929 г. переименовано в королевство Югославия), ставшее одним из центров сосредоточения российских беженцев. Архиерейский собор Сербской Православной Церкви 31 августа 1921 г. постановил принять под свою защиту Высшее центральное управление Русской Православной Церкви с сохранением ее самостоятельной юрисдикции. Резиденцией ВЦУ стал патриарший дворец в Сремских Карловцах, что свидетельствовало об особом уважении к русским иерархам. В его компетенцию входили: «1. Юрисдикция над русским священств-

вом вне нашего государства, которое не находится ни на гражданской, ни на государственно-просветительской службе, как и над военным священством в русской армии, которое не находится на сербской церковной службе; 2. Бракоразводные дела русских беженцев»³.

Уже 19—21 апреля 1921 г. ВЦУ на своем заседании постановило созвать первый Заграничный русский церковный собор для «объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности».

21 ноября 1921 г. в уютно-провинциальном городке Сремски Карловци и состоялся ожидавшийся Собор, призванный решить и вопросы управления.

В текст соборного послания «Чадам русской православной Церкви в рассеянии и в изгнании сущим» были включены следующие строки: «И ныне неусыпно пламенеет молитва наша — да укажет Господь путь спасения и строительства родной земле, да даст защиту Вере и Церкви и всей земли русской, и да осенит Он сердце народное, да вернет на все-российский Престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из Дома Романовых»⁴. За текст этого послания был подан 51 голос, воздержались от голосования архиепископы Анастасий, Евлогий, епископы Сергей, Аполлинарий, Вениамин, архимандриты Феодосий, Антоний и почти все священники и профессора⁵.

Призыв — хотя и в молитвенной форме — к восстановлению династии Романовых и Обращение церковного собора к Генуэзской конференции (принято задним числом) с предложением о военной интервенции против советской России были осуждены Св. Патриархом Тихоном. За Карловацким собором не признавалось канонического значения, а его действия расценивались как не выражающие официального голоса Русской Православной Церкви. В указе говорилось: «Ввиду того что заграничное русское церковное управление увлекается в область политических выступлений, а с другой стороны, заграничные русские приходы уже поручены попечению проживающего в Германии высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия, Высшее церковное управление упразднить»⁶.

Иначе и быть не могло. Св. Патриарх Тихон еще в 1919 г. в своем послании от 25 сентября запретил духовенству принимать участие в политической борьбе, в частности, с большевиками, чтобы избежать упрека в каком-либо вмешательстве церкви в политику. Разумеется, надо было учитывать и положение церкви в России, ту ситуацию, когда она не только подвергалась притеснениям со стороны ГПУ, но и испытывала внутренние потрясения — достаточно вспомнить активное появление в 1922 г. обновленчества, инспирированного органами власти.

В Сремских Карловцах патриарший указ произвел ошеломляющее действие. Безусловно, указ надо было выполнять, хотя все — в том числе и митрополит Евлогий — были убеждены, что он имеет вынужденный, т. е. политический характер, будучи написан под диктовку советской власти.

Выход из создавшейся ситуации был найден владыкой Анастасием. На основании известного постановления Св. Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего церковного совета от 7/20 ноября 1920 г. о ситуациях, позволяющих организовывать «высшую инстанцию церковной власти»⁷, он предложил вместо ВЦУ создать временный Священный Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей. 31 августа 1922 г. соответствующее постановление Архиерейского собора было подписано «за председательствующего Синода» митрополитом Евлогием. Председателем нового центра стал старейший иерарх владыка Антоний. В отличие от прежней структуры, в которой были и клирики и миряне, в новую входили только епископы. В 1923 г. в Сремских Карловцах вновь было заявлено о том, что все русские православные заграничные епископии являются частью Московской Патриархии и вся полнота власти принадлежит лишь Всероссийской Церкви. Эта во многом формальная зависимость рождала горькие плоды. Так, митрополит Евлогий не считал уже для себя возможным подчиняться Архиерейскому Синоду.

Начались внутренние раздоры, то утихавшие на время, то разгоравшиеся с новой силой.

Аресты, ссылки, казни пастырей в советской России — затрудняли решение вопроса о нормализации отношений с Русской Православной Церковью Заграницей, считавшей, что резкие заявления церковного руководства в Москве в адрес епископов, оказавшихся вне России, инспирированы властями.

Нельзя сказать, что митрополит Сергей, ставший Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, не понимал всей сложности ситуации. В 1926 г. в известном письме к заграничным иерархам, просившим его выступить судьей между Синодом и митрополитом Евлогием, он писал: «Мне думается, польза самого церковного дела требует, чтобы Вы или общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия... не прибегая к нашей поддержке (всегда найдутся основания заподозрить подлинность наших распоряжений или объяснить их недостаточной осведомленностью: одни будут их признавать, другие — нет...), или же, если такого органа, общепризнанного всей эмиграцией, создать, по-видимому,

нельзя, то уж лучше покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская церковь устроить себе не может, и потому всем Вам пришло время встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например, в Сербии — Сербскому Патриарху, и работать на пользу той частной православной церкви, которая Вас приютила. В неправославных странах можно организовать самостоятельные общины или церкви, членами которых могут быть и не русские. Такое отдельное существование скорее предохранит от взаимных недоразумений и распрей, чем старания всех удержать власть и подчинить искусственно созданному центру... Такая постановка дела, по-видимому, более соответствует теперешнему положению и нашей здешней церкви»⁸.

Это мнение поддерживал и «Синод митрополита Сергия» в своем послании (апрель 1927 г.), где указывалось, что управление заграничными православными епархиями «из Москвы в церковном отношении невозможно по отсутствию легальных форм сношений с ними» и церковное руководство в Москве не в состоянии судить зарубежных иерархов уже только по тому, что каноны не допускают церковного суда за политические преступления⁹.

Митрополит Сергей вначале был убежденным сторонником автономии Русской Православной Церкви Заграницей «до возобновления правильных и беспрепятственных сношений»¹⁰. Однако с течением времени его позиция претерпела изменения, ужесточившие требования к Русской Православной Церкви Заграницей, что в немалой степени было вызвано давлением со стороны советской власти. Диссонанс в подходах и оценке деятельности каждой из сторон привел в конечном итоге к разлому. Важнейшую роль здесь, как известно, сыграла Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. с требованием к заграничному духовенству «дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому правительству во всей своей общественной деятельности»¹¹.

Именно с отказа дать подписку о лояльности было прекращено каноническое общение между Русской Православной Церковью Заграницей и Московским Патриархатом.

В 1934 г. Русская Православная Церковь Заграницей была подвергнута прещению: из Москвы шли упреки и критика в нарушении церковных канонов со стороны так называемых карловчан. В Белграде говорили о несвободе, порабощении Церкви в России.

Внутри самой РПЦЗ также имелись сложности: не было единомыслия и по вопросу, связанному с именем и деятельностью Великого князя Кирилла Владимировича. Известно, что Русская Православная Церковь Заграницей поддерживала князя, который в 1924 г. провозгласил себя главою Российского императорского дома в изгнании, хотя в свое время подписал некую бумагу об отречении от всех прав на престолонаследие. Но об этом «инциденте» стыдливо умалчивали.

В Белграде, видимо, не без участия владыки Антония, предпочитали печатать и распространять «Слово пустынножителей афонских к своим соотечественникам, под гнетом жидомасонов и большевиков страдающим, а также в изгнании скитающимся» (1926 г.), в котором были такие слова: «Уразумей, Русский народ, что спасение твое есть Царь. Только Царь может спасти тебя и Русскую землю. Без Царя ты превратился в раба, а русская земля расхищается. Не увлекайся ложными красивыми приманками: братством, равенством и свободой — все это есть дьявольское измышление, ибо нет в окружающей нас природе полной свободы и равенства, а следовательно нет и братства... Русскому народу нужен Царь, это свидетельствует настоящая мученическая жизнь Русского народа и рассеяние русской эмиграции по всему миру... Одно тверди, одно говори, Русский народ: “монархию, монархию желаем; как прежде было, так и теперь да будет, Царя, Царя желаем, и не из другого рода, а из Дома Романовых, Законного Преемника, Которому Сам Бог подает счастье быть Императором. Желаем Кирилла Владимировича, Русского по крови, Православного по вере... Кирилл Владимирович благословенный наш Батюпка-Царь, Ему преклоняем головы наши и Ему, Повелителю и Верховному Вождю, повергаем наши верноподданные чувства”»¹².

И в Белградском Свято-Троицком храме служился молебен о здравии «Его Императорского Величества Государя Императора Кирилла Владимировича». Но, как вспоминал чуждый этому политическому оболещению архиепископ Иоанн (Шаховской), — на том молебне осталась лишь половина прихожан¹³.

Церковные иерархи также не были едины в этом вопросе: монархизм в эмиграции был еще достаточно силен, чтобы посеять рознь в рядах бывших «верноподданных» Российской империи. Например, архиепископ Анастасий (Грибановский) шел наперекор Архиерейскому Синоду, не признавая новоявленного царя¹⁴.

Нерешенность вопроса иной раз рождала необычные планы. Среди иерархов Русской Православной Церкви Заграницей «открыто говорили

о решении митрополита Антония выдвинуть в качестве претендента на российский престол короля Александра»¹⁵. Но эти разговоры так ими и остались. Надо полагать, что и сам югославский монарх был не настолько тщеславен и наивен, чтобы согласиться играть предложенную ему роль.

Теперь коротко о возглавителях РПЦЗ — митрополитах Антонии (Храповицком) и Анастасии (Грибановском), которых можно было видеть в Белграде. А также немного о сербском Патриархе Варнаве (Росиче), неоднократно служившем в русской церкви в Белграде.

Итак. Митрополит Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) родился в 1863 г. в дворянской семье в с. Ватагино Крестецкого уезда Новгородской губернии. Первоначальное образование получил в 5-й Санкт-Петербургской гимназии, которую закончил с золотой медалью. В 1885 г. завершил учебу в Санкт-Петербургской духовной академии и принял монашество. В сентябре того же года молодой иеромонах стал помощником инспектора в Академии, но уже через четыре месяца после отказа выполнить требование ректора о тайном надзоре за студентами, он переводится в Холмскую духовную семинарию на преподавательскую работу. В 1886/87 учебном году после защиты диссертации о. Антоний избирается доцентом Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре Ветхого Завета. В 1889 г. он уже ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии, а спустя несколько месяцев, не успев освоиться на новом месте, получает назначение на должность ректора Московской духовной академии. В 1894 г. вследствие разногласий с представителями старой школы по вопросам воспитания молодежи он был удален в провинцию на должность ректора Казанской духовной академии. В 1897 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского. В 1900 г. становится Уфимским епархиальным архиереем. В 1902 г. переведен на Вольынскую кафедру, которую возглавлял 12 лет. Состоял членом Святейшего Правительствующего Синода и Государственного Совета. В 1913 г. он был поставлен на Харьковскую кафедру, где оставался до 1917 г. Активный сторонник восстановления Патриаршества в России. Во время Поместного Собора Православной Российской Церкви он был возведен в сан митрополита Харьковского и вскоре был назначен на Киевскую кафедру. Был первым из трех кандидатов в Патриархи. В 1918 г. после захвата петлюровскими войсками Киева владыка был арестован и затем отправлен в Галицию в униатский монастырь, где пробыл восемь месяцев. Был освобожден и возвращен в Киев по требованию союзников России в войне с Германией. Во время Гражданской войны возглавил Высшее Церковное Управление на территории, свободной от

большевиков. Покинул Россию в 1920 г. Из Константинополя был приглашен Сербским Патриархом Димитрием в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где прожил 15 лет.

За свою трудную жизнь он написал более сотни богословских, научных, философских и литературных работ. Бытует легенда, что Ф. М. Достоевский писал своего Алешу Карамазова с Алексея Храповицкого. В Сербии нашел радушный прием со стороны Сербского Патриарха Димитрия и короля Александра.

В памяти одного из современников отложилась весьма примечательная сцена, когда сербский монарх во время приезда в Сремски Карловци вначале подошел под благословение к владыке Антонию, а уж потом к главе Сербской Православной Церкви¹⁶.

Близко знавший митрополита Антония В. А. Маевский, автор замечательной книги о русской эмиграции в Югославии, писал о митрополите, что он «понимал очень хорошо православную Русь; но... мало понимал полуправославную Россию предреволюционного времени — и совершенно отказывался понимать то, что произошло с революцией. Он предвидел катастрофу, но остановить ее могло только чудо. А чудо на русской земле не произошло — и потому митрополита Антония не интересовало настоящее, и не было веры в будущее. Он ушел в себя, совершая, если можно так выразиться, обряды и формы жизни; находил утешение в церковных службах и со слезами умиления ждал своего конца. От него истекла благостная теплота и доброта. Он поддерживал правые организации; проводил идеологию чистоты монархизма. Но все это он делал в виде уступки окружающим, — сам же стремился уйти на Афон. Ему в этом помешали и, надо признаться, совершенно напрасно. При таких его духовных устремлениях, при нем можно было делать все, что было приятно и желательно окружающим... Митрополит Антоний, к сожалению, не сумел стать центром всего православного зарубежья, в котором произошел пагубный церковный раскол. Но его духовный авторитет за годы эмиграции вырос необычайно, и он являлся самой выдающейся личностью среди православных иерархов своего времени. Человек на редкость искренний, смелый и решительный, совершенно не считающийся с личными интересами, — он несомненно был как бы совестью в общеправославном мире... Слабость его авторитета среди некоторой части русской эмиграции объясняется тем его окружением, которое по исключительной своей доверчивости к себе допустил, и которое, пользуясь его добротой, принесло много вреда его авторитету»¹⁷.

Труд митрополита Антония и русского духовенства на югославской земле неразрывно связан с именами сербских иерархов. Прежде всего необходимо здесь вспомнить Патриарха Сербской Православной Церкви Варнаву. Все русские учреждения и организации находили в его лице поддержку и покровительство.

Чтобы полнее понять и представить его себе, можно и нужно процитировать выдержку из его слова, произнесенного на великолепном русском языке в Свято-Троицкой церкви в Белграде 22 июля 1930 г.: «Люблю вас не только как русских людей, живущих в моей патриархии, но еще сильнее люблю вас, как представителей великого русского народа, опоры Вселенской Церкви, народа, который принимал всех в свое сердце, особенно же южных славян, среди которых были и мы, сербы.

Взирая же теперь на русский народ, “откуда начнем плакати” или радоваться. Мы плачем о том, что вы потеряли свое отечество, что к вам изо дня в день доносятся вопль и рыдания оттуда, где раньше раздавался непрестанный победный гимн Богу. Мы плачем о том, что в вашем отечестве вселилась вражья сила, отрицающая Бога, убивающая верных Его слуг: иерархов, пастырей и верных сынов Церкви. Это все ниспослано не только за наши грехи, но и как Божье испытание. Только народ, великий по своей душе, народ, из которого вышли великие святые, мученики и исповедники, украшающие Церковь, может перенести такое испытание, и вот мы радуемся, когда слышим, как стоят за Церковь русские мученики. Такое испытание было только в первые века христианства, но и тогда не было такого большого количества мучеников, которых дала теперь Русская Церковь... Я, как сербский Патриарх, как ваш родной брат, горячо молюсь Богу, чтобы Он соединил русских людей в единое целое, чтобы восстала Россия такую, какой она была: во главе с православным самодержавным царем и именем Господа Иисуса Христа и всех Его святых благословляю всех вас благословением патриаршим»¹⁸.

И последнее: настоятель храма Святой Троицы о. Петр Беловидов подчеркнул, что «Святейшего Варнаву по справедливости нужно именовать патриархом сербским по своему высокому положению, но и патриархом “русским” по искренней и сердечной любви к ним»¹⁹.

Преемник владыки Антония митрополит Анастасий (Александр Алексеевич Грибановский) родился в 1873 г. в Тамбовской губернии в семье сельского священника. По завершении обучения в Московской духовной академии работал инспектором Вифанской духовной семинарии (вблизи Троице-Сергиевой Лавры). В 1898 г. принял монашество. В сане архи-

мандрита руководил Московской духовной семинарией. После архиерейской хиротонии, происходившей в Успенском соборе Кремля в 1906 г., был епископом Серпуховским, викарием Московской епархии. Во время Первой мировой войны — епископ Холмский и Люблинский, архиепископ Кишиневский. На Поместном соборе Православной Российской Церкви в Москве был избран членом Священного Синода и Высшего церковного совета. В 1921 г., будучи Управляющим русскими православными общинами Константинопольского округа, принял участие в первом Заграничном русском церковном соборе в Сремских Карловцах и возглавил на нем Отдел духовного возрождения. Весной 1924 г. владыка Анастасий покинул Царьград. Его отъезд был связан с ухудшением отношений Вселенского Престола к Русской Православной Церкви и ее главе Св. Патриарху Тихону, имя которого Константинопольский Патриарх воспретил поминать в русских приходах в Царьграде, и запрещением сношений с Архиерейским Синодом Заграницей.

Как вспоминал известный церковный деятель Г. Граббе, «после I-ой мировой войны в Константинополе возникло модернистское течение, отчасти сродное обновленчеству в России. Вскоре возникло по инициативе Вселенского Патриарха и экуменическое движение с его явным протестантским характером. Созванное в 1923 г. Патриархом Мелетием в Константинополе Совещание Православных Церквей тоже оказалось под влиянием кругов, ищущих реформации Церкви в духе обновленчества (о введении нового стиля, второбрачии духовенства, женатом епископате, сокращении богослужения, об упразднении постов и упрощении одеяний духовенства. — В. К.). На совещании против этого выступил почти без поддержки других представитель Русской Зарубежной Церкви Архиепископ (впоследствии Митрополит) Анастасий. Обращения Митрополита Антония к Восточным Патриархам против обновленчества и намечавшихся реформ нашли благоприятный отклик у Восточных Патриархов. Можно сказать, что в большой мере протесты Митрополита Антония остановили тогда возникшее в Константинополе реформатское движение. Однако это было достигнуто ценой порчи отношений со Вселенской Патриархией»²⁰.

Архиепископ Анастасий был возведен в сан митрополита еще при жизни владыки Антония, написавшего о нем в 1935 г. следующие строки: «...Кандидатом в митрополиты он был провозглашен от лица всего Архиерейского Собора нашего еще три года тому назад... Впрочем, он и тогда не дал решительного ответа о своем согласии воспринять это высокое звание до тех пор, пока Святейший Сербский Патриарх Варнава настойчиво

не предложил ему вместе со всеми русскими иерархами. Только тогда владыка Анастасий принял из его патриарших рук белый клубок... Еще в 1918 г. когда меня спрашивала моя харьковская паства после моего перевода в Киев, кого из иерархов я рекомендовал бы ей в качестве своего преемника, я указал им на Преосвященного Анастасия, но Господь не судил ему быть на Харьковской кафедре, и он был назначен в Кишинев, откуда Преосвященный Анастасий, оставаясь верным своей архиерейской клятве и своей священной Родине, был вынужден выехать за границу, исполнив слово Спасителя: «блаженни изгнани правды ради, яко тех есть царствие небесное». Главная заслуга Преосвященного Анастасия за границей заключается в том, что он упорядочил и сохранил великое и священное достояние Русского народа — нашу православную миссию в Иерусалиме, никому не уступив ни одной пяди Святой Земли, принадлежащей Русской Церкви. Пред авторитетом его там склонялись и местные власти, и греческая иерархия, и еврейское, и арабское население, и насельники св. обителей. За этот великий подвиг Преосвященный Анастасий стяжал себе вечную благодарность и всей Русской Церкви и всего Русского народа. На его же плечи выпала тягостная забота нести главные труды по восстановлению разрушенного нашего церковного единства»²¹.

Итак, владыка Анастасий в 1936 г., после смерти митрополита Антония, возглавил Русскую Православную Церковь Заграницей. Это был совсем иного склада человек. Яркое горение владыки Антония сменилось сдержанностью митрополита Анастасия, что, впрочем, не мешало ему твердо и непримиримо выступать с обличениями большевистского строя, поработившего православную церковь в России.

В сущности история нашей православной Церкви в Югославии неотделима от самой «сербско-русской» жизни со всеми ее горестями и испытаниями славы. И в изгнании русский народ, русское священство заботились прежде всего о пище духовной. Делом первостепенной важности стала организация приходов, устройство храмов.

Первый русский православный приход в Белграде был открыт в 1920 г. протоиереем о. Петром Беловидовым, обладавшим великолепным организаторским даром. Он получил семинарское образование, много лет преподавал Закон Божий в одной из школ Новороссийска. Обосновавшись в Белграде, стал членом Общества взаимопомощи, которое открыло столовую в бывшей казарме французских войск на улице Короля Петра. Именно там и начали совершаться богослужения для беженцев. После пожара, уничтожившего столовую, службы были перенесены в здание 3-й

сербской мужской гимназии, предоставившей свои помещения в 1920 г. только что созданной I-й русско-сербской гимназии, ставшей временным центром церковно-религиозной жизни российского беженства. Но служить на новом месте было крайне неудобно, так как в те дни, когда гимназический зал был занят, приходилось совершать службы в коридоре. К тому времени, как писал биограф митрополита Антония архиепископ Никон (Рклицкий), по инициативе известного славянофила А. В. Васильева было создано «Общество попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве сербов, хорватов и словенцев». Оно «считалось более правого направления» и о полной солидарности с о. Петром, полагавшим, что «общество» вторгается в его сферу и мешает ему, не могло быть и речи. Тем временем Васильев получил разрешение от Патриарха Димитрия перенести богослужения в покойницкий барак на старом кладбище, находившемся в центре города вблизи церкви св. Марка. Одновременно было получено благословение Патриарха Димитрия и владыки Антония на сбор средств для постройки русского храма, месторасположение которого было еще не определено.

Сам Сербский Патриарх тем не менее не видел особой нужды в строительстве именно русской церкви, считая, что «братушки» могут молиться и в сербских церквях. Он не понимал, как писал один из современников, что «своя церковь русская нужна была потому, что сербский церковный быт и сербские службы — чужды русским привычкам. Сербы изредка служат всенощные и сокращают церковные службы; кроме того, особенно дорого русским их чудное церковное пение»²².

Но, думается, что причина строительства русской церкви не в «чудном пении» и т. п., а прежде всего в том, что русские люди, утратив родину, не хотели потерять свою русскую — именно русскую — церковь. Поэтому, во всех странах русского рассеяния главной задачей была постройка русской церкви.

Сформированный к этому времени (1923 г.) белградский причт во главе с о. Петром задумал возвести храм именно на месте барака, т. е. в самом центре города. Был сделан соответствующий проект (архитектор В. В. Сташевский). Патриарх Димитрий, которому было доложено, что речь идет как бы о временном переустройстве, дал нужное разрешение. Началось строительство на глазах изумленного духовенства церкви св. Марка. Сербскому Патриарху «полетела» жалоба, что русские его «обманули» и вместо реконструкции возводят свою церковь. Однако Патриарх не стал принимать каких-либо решительных мер, ограничившись упреком мит-

рополиту Антонию, который, к слову сказать, был совершенно не осведомлен о плане о. Петра. Тем временем стройка шла ударными темпами. Председатель Совета министров Никола Пашич отпустил из казны 40 тыс. динаров, два кирпичных завода поставили бесплатно свою продукцию. За 39 дней здание церкви, выстроенное в псковско-новгородском стиле, было возведено.

Насколько сербские церковные власти были недовольны появлением русского храма в центре столицы, отчетливо видно из истории с небольшим колоколом, пожертвованным Джурджиной Пашич, женой Н. Пашича. Лишь после долгих проволочек Патриарх Димитрий наложил положительную резолюцию на ее просьбе. 5 января 1924 г. в письме на имя митрополита Антония он сообщал о своем согласии по поводу колокола и просил известить русскую церковную общину и о том, что «вместо этой капеллы будет выстроена новая русская церковь в Белграде на другом месте, что и предусмотрено уговором и нашим распоряжением, данным по соглашению с Вами»²³. Но даже и тогда сербское священство храма св. Марка продолжало оказывать сопротивление. Лишь после того как Н. Пашич прислал жандармов, колокол был подвешен без помех²⁴. 28 декабря 1924 г. митрополит Антоний освятил церковь в честь Св. Троицы.

И может быть эти события косвенно повлияли на появление горьких строк в письме митрополита Антония от 8/21 июня 1926 г. редактору белградской газеты «Новое время» М. А. Суворину: «...Если бы вы знали, как ревниво и подозрительно они ограждают себя от русского влияния... Во избежание всяких подозрений, я начал изучать сербский язык еще в 1921 году, через три недели прекратил это изучение и сейчас по-сербски не говорю»²⁵.

Возвращаясь к появлению в Белграде русской церкви, скажу, что в отстроенном храме была помещена чудотворная икона Курской Коренной Божией Матери. Этот образ был перемещен из монастыря Язак, где жил ее «хранитель» владыка Феофан, вывезший икону из России. Там же хранились вывезенные офицерами с Юга России знамена ее армии, под которыми сражались под Полтавой, в Альпах, у Бородино, реявшие над турецкими крепостями и осеменявшие Севастополь. Среди них 19 штандартов кавалерийских полков (среди них — Елисаветградского, лейб-гусарского Павлоградского, Ольвиопольского уланского, Астраханского драгунского, Вознесенского уланского, Киевского гусарского, Новгородского драгунского, Одесского уланского, Ингерманландского гусарского, Чугуевского уланского, Изюмского гусарского, Черниговского гусарского,

Тверского драгунского, Северского драгунского, Текинского конного) и войсковое знамя Уральского казачьего войска²⁶. (В ходе эвакуации в 1944 г. знамена были вывезены из страны. След их потерялся в Европе.) В церкви Св. Троицы были сооружены киоты в память императора Николая II, адмирала А. В. Колчака, генерала Л. Г. Корнилова, мраморная доска — привезенная с Дальнего Востока — в память генерала М. К. Дитерихса. Здесь были, в частности, выставлены серебряные георгиевские трубы и рожки времен Крыма 1920 г.²⁷ Дубовый иконостас был сделан трудами полковника А. П. Редкина (Редькина) и других художников. Иконы писал князь Михаил Сергеевич Путятин, а также архимандрит Антоний (Бартошевич). В то же время надо отметить, что большинство икон — из семейных киотов прихожан, которые, желая украсить свою церковь, дарили ей иконы.

В храме с 1929 г. находится гробница скончавшегося в 1928 г. в Брюсселе генерала Врангеля, о котором можно было услышать, что «в будущей национальной России он будет причтен к числу бесспорных национальных героев и имя его будет свято чтиться в потомстве»²⁸.

С недавних времен там помещена мемориальная доска с именами русских воинов, павших в 1992—1993 гг. в боях за Сербию: Богословский Константин, Ганиевский Василий, Котов Геннадий, Чекалин Дмитрий, Нищенко Андрей, Шашинов Владимир, Попов Дмитрий, Мелешко Сергей, Александров Александр, Гешатов Виктор. Только позволю здесь небольшое примечание: судя по воспоминаниям русского добровольца Олега Валецкого, вместо фамилии Шашинов следовало написать Сафонов, вместо Мелешко — Мережко²⁹.

В Свято-Троицкой церкви служили Патриархи Дмитрий и Варнава, туда приезжал — зачастую без предварительного оповещения, так сказать, запросто — король Александр, бывала королева Мария, там можно было увидеть и других членов королевской семьи, сербских министров и иностранных дипломатов, не говоря уже об архиереях Русской Православной Церкви Заграницей.

Каждый русский священник, приезжая в Белград из глухих сербских приходов, старался хоть раз, но послужить в Белградском храме — этом центре церковной жизни и русском уголке, оживлявшем воспоминания о «далекой и близкой» России.

Состав сестер, певших на клиросе, выполнявших различные работы в храме, был различен: здесь были и простолюдинки и дворянки — служба Богу уравнивала всех. И все же в памяти сохранялись имена дочерей Церкви, таких как Мария Павловна Шатилова и ее дочь Мария, позднее ставшая монахиней Мариа³⁰.

В храме трудились многие из тех, кто, приняв монашество, позднее занял видное положение в церковной иерархии. Окоормление многочисленного прихода шло довольно успешно. Только в 1930 г. одних литургий было совершено свыше 200, общее количество богослужений приближалось к 500. Кроме приюта для безработных при храме было открыто общежитие для студентов. Активно велась и просветительская работа³¹. Материальное положение в то же время было весьма не простым, конечно были благотворители, определенные суммы поступали от треб, но мизерный ежемесячный взнос в два динара уплачивали регулярно далеко не все прихожане.

Причт храма со временем менялся: кто-то уходил в монастырь, кто-то умирал, кто-то уезжал в иные места. Первым настоятелем, как уже упоминалось, был о. Петр Беловидов, не без основания считавший себя «хозяйном» в русском Белграде и ревниво относившийся ко всем, кто мог покушаться на его власть в приходе.

Протоиерею Петру в отправление служб помогал священник Владислав Неклюдов, которого особенно любили прихожане храма. Вторым священником был о. Иоанн Сокаль, выпускник Московской духовной академии, до своего назначения в Белград трудившийся преподавателем в Битольской духовной семинарии в Старой Сербии (нынешней Македонии). По воспоминаниям одного из современников, это был «дипломат английской выправки», отличавшийся склонностью к долгим и «мудреным» проповедям, которые зачастую были утомительны и трудны для понимания. После смерти в 1940 г. настоятеля Белградской русской церкви протоиерея Петра Беловидова о. Иоанн стал во главе прихода.

Русским, вероятно, хотелось более величественного храма. В 1935 г. на страницах «Русского голоса» «был поднят вопрос о желательности постройки в Белграде величественного русского храма памятника убиенных — нашего Государя Императора Николая II и Короля Югославии Александра». Этому проекту горячо сочувствовали Патриарх Варнава и митрополит Антоний, митрополит Анастасий и др. Можно было получить и средства, но разногласия в русской среде помешали реализации этого проекта³².

С историей и жизнью храма Св. Троицы связана и судьба семьи Тарасьевых, представитель третьего поколения которой по сей день окормляет русскую паству. Первым был Виталий Васильевич Тарасьев. Мобилизованный в Добровольческую армию семнадцатилетним юношей, не успевшим закончить Екатеринославскую духовную семинарию, он храбро сражался, был четырежды ранен. От верной смерти спасся только благо-

даря своему односельчанину Владимиру Рудину, сумевшему посадить своего раненого товарища на корабль. Потом был русский лагерь в Галлиполи (Турция), затем — благословенная Сербия. Как и многие русские солдаты, зарабатывавшие на пропитание тяжелым трудом, Виталий пошел на сахарный завод. О продолжении учебы он и не мечтал. На работе получил тяжелый ожог, спасая товарища. В дальнейшем были лесопильный завод, строительство моста через Дрину у городка Байна Башта. И, может быть, его жизнь сложилась бы иначе, если бы он не встретился, примерно в 1923 г., со своим бывшим преподавателем Круликовским из Екатеринбургской духовной семинарии. С запиской к митрополиту Антонию он поехал в Белград, а оттуда в Призренскую духовную семинарию для продолжения учебы. В 1926 г., имея в кармане семинарское свидетельство об окончании курса, поступил на богословский факультет Белградского университета. Благодаря своему благодетелю владыке Антонию, которого он глубоко чтит всю свою жизнь, Виталий Тарасьев — обладатель великолепного и мощного драматического тенора — становится псаломщиком в Свято-Троицкой церкви. Обеспечивать семью было трудно, но о. Виталий был терпелив и ни на что не жаловался. Лишь в 1940 г. он был зачислен на ставку священника³³. Его сын Василий окончил богословский факультет, чтобы продолжить семейную традицию. «Я стал не только миссионером Веры Христовой и охранителем русского духа в Сербии, но и свидетелем балканских событий»³⁴.

Служители церкви крестили, исповедовали, отпевали. Церковь сопровождала человека в радостях и горестях «сей временной жизни», даты которой можно прочесть на памятниках русского участка на Новом Белградском кладбище. «Все это место пронизано русской землей, русским горем и русскими слезами». В Иверской часовне в алтаре вместо мошей небольшая шкатулка с русской землей³⁵.

Не все эмигранты смогли увезти с собой семейные, родовые иконы. Поэтому на новой земле многие русские заказывали себе иконы у различных живописцев. По стилю исполнения их можно объединить в несколько групп. Профессиональные живописцы в своих работах в основном придерживались идеи соединения византийской иконописной традиции с техникой западноевропейской живописи. И конечно, особую ценность представляют иконы, принадлежащие кисти Пимена Максимовича Софронова, ставшего в 1934 г. по инициативе Сербского Патриарха Варнавы руководителем сербской синодальной иконописной школы в монастыре Раковица. Имя Софронова хорошо известно в славянском мире. Он рас-

писывал в свое время усыпальницу владыки Иоанна (Максимовича). Им было написано и отреставрировано множество икон для русских, украинских, болгарских, сербских, греческих церквей. «Софронов стал как бы посредником между религиозной живописью России, Сербии, Болгарии, — писал один из ценителей его творчества. — Он как бы скрешивал многовековые традиции религиозного искусства этих народов, поставив себе целью возрождение византийских и старославянских традиций в новых временах»³⁶.

В Свято-Троицком храме и сейчас можно увидеть писанные им иконы — св. Георгия и Покрова Святой Богородицы. Есть в русской церкви и образ Аксайской Божьей Матери софроновского письма. Он написал его к пятидесятилетию священства владыки Екатеринославского Гермогена (Максимова)³⁷.

Широкую известность на югославянской земле получило русское хоровое искусство. Для его «неумирания» много сделал о. Петр Беловидов: уже в 1922 г. организованный им хор давал концерт в Панчево — произведения Бортнянского, Архангельского, Гречанинова, Кастальского, Ломакина и др.³⁸ Позднее он заведовал регентскими классами в Русском музыкальном обществе в Белграде³⁹. Но самым знаменитым стал русский хор Вознесенской церкви в Белграде под руководством Алексея Васильевича Грипкова. С одинаковым успехом им исполнялись сочинения как русских, так и сербских композиторов. В программе его духовных концертов были сочинения А. Т. Гречанинова, М. М. Ипполитова-Иванова, С. Мокраньца и песнопения многих других авторов, с которыми хор выступал в концертах духовной музыки⁴⁰ в различных городах. Так, 8 марта 1931 г. его пение можно было послушать по радио из Цетинье⁴¹.

Главным было сохранить церковь в душе человека, воспитать детей в православии, любви к Родине своих предков, к славянству. Многое здесь зависело от школы, от ее преподавателей. И везде, вне зависимости от типа учебного заведения, шла работа под девизом — истинное просвещение соединяет умственное образование с нравственным.

Хочу вспомнить здесь историю Первой русско-сербской гимназии, открывшейся в середине октября 1920 г. Уже само название этого учебного заведения свидетельствовало о стремлении ее отцов-основателей (с российской стороны это прежде всего — профессиональный педагог и славянский деятель Владимир Дмитриевич Плетнев, с сербской — Александр Белич, будущий президент Сербской Академии наук и искусств) сделать все, чтобы гимназические выпускники, оставаясь русскими, сохранили

«и понимание и знание и любовь к стране, которая в тяжелые годы проявила себя истинным, бескорыстным другом... эти воспитанники должны были быть залогом будущей тесной связи между двумя народами»⁴².

Первым законоучителем в гимназии стал о. Петр Беловидов, принявший на себя и тяжкий труд руководства над седьмым — выпускным — классом, в котором училась и бывшая фронтовая молодежь, нуждавшаяся в особом попечении. В школе он преподавал с 1920 по 1931 г. и с 1936 по 1939 г. За о. Петром в гимназию пришли и другие священники — о. Владислав Неклюдов (учил Закону Божьему с 1927 по 1944 г.), потом о. Георгий Флоровский (с 1940 по 1944 г.).

В воспоминаниях об о. Владиславе есть такие строки: «Нас, детей, а затем подростков и юношей, покоряла и обезоруживала его безобидность и истинно христианское смирение. Он был воплощением доброты; чем-то напоминал старца Зосиму. В прошлом он был кадровым военным, прошел первую мировую войну, а затем гражданскую. В Белграде закончил Духовную Академию [богословский факультет Белградского университета. — В. К.] и по призванию стал священником. Он любил молодежь, и мы к нему тянулись. Понимал и всегда находил нужное слово, чтобы поддержать в трудную минуту. Уроки, скорее собеседования, проходили оживленно и интересно. Многие запало в наши души навсегда. Наши сомнения и возражения о. Владислав терпеливо и с неизменным доброжелательством выслушивал и рассеивал, приводя примеры из нашей же жизни и делясь своим богатым жизненным опытом. На исповедь мы шли с душевным трепетом, а уходили успокоенные и очищенные. Его слова были особенно убедительны, так как их он подтверждал всей своей жизнью»⁴³.

Навсегда запала в память тогдашней молодежи и личность о. Георгия Флоровского. «Летучий голландец» — так прозвали его гимназисты, постоянно видевшие его фигуру в греческой рясе с развешиваемыми при ходьбе рукавами, — был любим многими своими питомцами. Мало кто знает, что о. Георгий имел и второе прозвище — «Пиноккио». Хотя, надо признать, что для лишенных высоких духовных запросов он был довольно-таки «трудным» преподавателем. Его «воспарения» перед неподготовленными слушателями зачастую оставляли последних в тоскливо-боязливом недоумении. И тем не менее он не был «грозой» для гимназистов, осмеливавшихся иногда на озорные выходки⁴⁴.

В своих воспоминаниях бывшие гимназисты и гимназистки очень тепло и с сердечной дрожью писали о своем учителе и духовнике. «...Отец

Георгий Флоровский! Кто не помнит “Летучего Голландца”?! — Импортантная фигура, высокий, неслучайно широкие рукава рясы, плюс еще увеличивающая его рост лиловая камиллавка, большие роговые очки, а за ними добрые, умные голубые глаза. Умница, высоко культурный, огромной эрудиции, не признававший учебников, он требовал отвечать по его объяснениям, так что приходилось записывать главные пункты заданного урока. Преподавал он интересно, мы его любили. Исповедовал он задушевно, осторожно, не доныгиваясь, располагая душу к покаянию. А на следующий день как хорошо и тихо на душе»⁴⁵.

Вчитываясь в эти строки воспоминаний, можно подумать, какая идиллия — нет ни тревог, ни потрясений, ни интриг. Да, своим детям — в прямом и переносном смысле — духовенство стремилось передать все богатства слова и дела, накопленные христианством.

И в то же время нельзя сказать, что все шло гладко. Из короткой заметки в «Старом времени» (30 марта 1924 г.) можно узнать о намерении комиссии Учебного отдела при Государственной комиссии, занимавшейся русскими беженцами, сократить число часов преподавания Закона Божьего и исключить из программы курс Православного Катехизиса. Как писали в газете, этот проект вызвал решительный протест колонии русских в Крагуеваце, разославшей соответствующие письма в упоминавшийся Учебный отдел, в газеты «Новое время», «Старое время», русскому дипломатическому представителю В. Н. Шtrandману и Патриарху Сербскому Димитрию⁴⁶. Видимо, последовали и протесты из других колоний, которых насчитывалось около 300 в Королевстве. Уже 3 мая Белградский педагогический съезд «без прений принял предложение выделенной съездом комиссии по Закону Божьему о недопустимости проведения изменений в преподавании Закона Божия без благословения Высшей Церковной Власти»⁴⁷.

Широкое распространение получила практика привлечения русских преподавателей в духовные учебные заведения. Опыт, знания, искусство русских богословов служили православной сербской и русской молодежи, решившей посвятить себя пастырству. На богословском факультете университета в Белграде преподавали профессора М. А. Георгиевский, А. П. Доброклонский, С. М. Кульбакин, Ф. И. Титов, С. В. Троицкий и др.⁴⁸

Из русских студентов богословского факультета — воспитанников сербской и русской профессуры — назову тех, чьи имена мне удалось разыскать: Игорь Иванович Троянов, в будущем пастырь в Швейцарии, Леонид Георгиевич Иванов, впоследствии архиепископ Чикагско-Дет-

ройтский и Средне-Американский Серафим, Иван Алексеевич Гарднер, автор книги «Богослужбное пение Русской Православной Церкви», Владимир Михайлович Родзянко, в дальнейшем епископ Американской Автокефальной Православной Церкви Василий, Лев Юрьевич Бартошевич, будущий епископ Женевский Леонтий.

Именно в Сербии, в Белграде, возникло и первое русское церковное сестричество, известное как Мариинское, где трудилось свыше 200 сестер. По желанию государыни Марии Феодоровны и с благословения митрополита Антония оно было открыто 30 декабря 1921 г. княгиней Марией Александровной Святополк-Мирской.

Вспоминая те далекие годы, Любовь Твердохлебова писала: «Эта организация давала возможность многим русским женщинам и девушкам, пережившим кошмарные и неизгладимые страдания Русской трагедии, найти душевное равновесие и духовное удовлетворение в работе при церкви... Ее (М. А. Святополк-Мирской. — В. К.) многообразные труды ценили наши первоиерархи и архипастыри... Я помню ее горячее участие в построении Иверской часовни в Белграде, в устройстве бесплатных обедов для бедных русских эмигрантов, погибавших от нужды. Она посылала нас, сестер, на кружковый сбор, чтобы накормить и одеть неимущих. Направляла нас в больницы, чтобы навестить и помочь продуктами нередко совершенно одиноким, потерявшим надежду на участие. Многих согрела ее ласка. Приходилось хоронить бездомных... Когда в силу обстоятельств разлетелся этот пчелиный улей сестричества, кн. Мирская продолжала служить Церкви в Женеве в постоянном общении с незабвенным еп. Леонтием, не теряя связи с младшими сестрами»⁴⁹.

Кроме благотворительной деятельности, сестричество активно занималось и сбором средств на храмовые постройки, в том числе и на упомянутую Иверскую часовню.

Предыстория создания храма-часовни связана с устройством русского кладбища, где княгиня предполагала воздвигнуть скромную часовню для отпевания усопших. Однако во время переговоров с городскими властями была получена весть о разрушении (в 1929 г.) Иверской святыни в Москве, построенной в 1669 г. (восстановлена в 1995 г.). Тогда и возникла идея о воссоздании на братской сербской земле Иверской часовни⁵⁰.

Однако сбор необходимых средств для постройки затягивался. И когда княгиня, придя за благословением на постройку часовни к владыке Антонию, рассказала ему, что собрана лишь десятая часть денег, митрополит, давая благословение, успокоил ее своеобразно: «Не беспокойся, соберут, русский человек дает на водку, но он дает и на Церковь»⁵¹.

Возможно, кого-то покоробят эти слова, но владыка никогда не терпел позы. Об этом писал и архиепископ Нафанаил (Львов), подчеркивавший неприязнь митрополита к фразе, к экзальтации, фальши⁵².

Строителем часовни, в фундамент которой была положена и горсть русской земли, стал В. В. Сташевский. Пожертвования шли отовсюду, где жили русские люди. Они «посылали ценные вещи, зачастую составлявшие самую дорогую память для жертвователей: матери присылали ордена и разные предметы, оставшиеся от их убитых и умерших сыновей; вдовы — вещи мужей и даже обручальные кольца; сироты — вещи своих родителей»⁵³.

В 1931 г. она была открыта. В ее стенах с внешней стороны в особых нишах были помещены два больших образа: Святителя Николая — в память императора Николая II и Святителя Алексея — в память наследника Цесаревича. Внутри были собраны и святыни главных церковно-исторических центров России: в память Москвы — Иверская икона (список с Афона), в память Киева — икона Успения Божией Матери (из Иерусалима), в память Петрограда — копия образа Нерукотворного Спаса, что был в домике Петра Великого⁵⁴.

В крипте были помещены ящики с останками воинов.

Возле часовни, на русском участке, хоронили своих близких русские белградцы.

Сербская земля принимала в себя и своих и чужих. Так, немцам посвятила свое стихотворение Е. Журавская, назвав его «Кладбище германских воинов в Белграде».

Вот оно:

Прохожу безмолвным строем
Одиноких их могил,
Что невянушей листвою
Бережливо шлюш покрыл.

Сиротливый и негромкий
Поздней птицы робкий свист.
Под ногой сухой и ломкий
Шелестит осенний лист.

Сколько их передо мною!
Счастье, мысль, любовь, талант,
Все сравнялось под плитою
Жуткой речью «Unbekannt».

Может быть забыла Грета
Милый взор забытых глаз,
Может быть и плачет где-то
Мать о сыне по сей час?

Может быть еще порою
Вспомнит друга верный друг?
Ведь оставил за собою
Каждый в жизни скорбный круг.

Все забылось: «брань и лихо»,
Жизнь вокруг кипит опять,
И в земле враждебной тихо
Дремлет мертвая их рать.

Над могильною грядою
Водит время лет черед
И под каменной плитою
Unbekannter ruht in Gott⁵⁵.

Оно было написано в 1930 г. и тогда еще мало кто мог предполагать новую войну, которая одних погубит, других забросит еще дальше от родины.

Но до нее было еще далеко. А пока надо было бороться с тем же атеизмом. В 1937 г. в Белграде стали работать шестимесячные курсы по борьбе с безбожием. Открытые по благословению митрополита Анастасия и при содействии председателя Российского трудового христианского движения А. И. Лодыженского, они должны были дать людям «возможность приобрести необходимые познания и опыт борьбы против современного, порожденного коммунизмом безбожия»⁵⁶.

Программа курсов состояла из теоретического и практического разделов. Вначале слушателям преподавалось краткое богословие, история Церкви и христианской государственности, обществоведение, в частности, сообщались сведения по социализму, марксизму, коммунизму, демократии, славянофильству и западничеству. И уже после этого предлагались занятия по разбору и опровержению всех основных положений атеизма, равно как и по обоснованию и раскрытию положительного идеала христианского общежития⁵⁷.

Выступивший на открытии курсов Б. Р. Гершельман с пафосом подчеркнул, что «неверующая и неправославная Россия не может уже носить

этого имени — это будет какая-то новая страна на развалинах России. Поэтому главной задачей эмиграции является сохранение веры православной во всей ее чистоте и неприкосновенности, ибо только тогда она (Россия. — В. К.) будет почитаться православной и будет источником возрождающейся силы»⁵⁸.

Из десяти тысячной русской колонии в Белграде записалось на курсы лишь двести человек. Следует ли расценивать это как успех или неудачу, определить весьма сложно. Нужно лишь отметить — кроме священнослужителей, к преподаванию были привлечены профессора П. Б. Струве, В. А. Машин, Щербаков. Дали свое согласие читать лекции профессора А. Ю. Вернер, В. А. Розов, А. П. Доброклюнский, Г. А. Острогорский, Е. В. Спекторский, А. В. Соловьев⁵⁹.

В Русском доме будущий архиепископ Аверкий (Таушев) по благословению митрополита Анастасия почти каждую неделю проводил для многочисленных слушателей беседы на избранную ими же тему — «О духовной жизни по учению Святых Отцов Церкви»⁶⁰.

В «Новом времени» печатались статьи Гарднера, связанные с церковью, с историей монастырей, храмов на территории Королевства. Так, 5 апреля 1929 г. в газете можно было прочесть статью «Мысли о церковном пении». В ней автор подчеркивал: «...Природа церковного пения не столько эстетическая, сколько психо-аскетическая... Литургическое искусство отличается от искусства вообще именно в своей теологии. В то время, как искусство вообще существует ради красоты плотской, внешней, человеческой, — литургическое искусство существует ради возглавления и достижения красоты духовной»⁶¹. А 24 октября того же года его статья была посвящена одной из известнейших обителей — монастырю Горняк⁶².

Вопросы веры, единства и гармонии мира и Церкви горячо обсуждались и в русской молодежной среде — в религиозно-философских братствах св. Серафима Саровского, св. Владимира, о. Иоанна Кронштадтского, св. Креста, в кружке студентов богословов имени св. Анастасия и св. Иоанна Богослова.

Здесь можно вспомнить Союз имени преп. Сергия Радонежского. Этот религиозный кружок, о котором сведения чрезвычайно скудны, взял себе девизом слова Ф. М. Достоевского — «Неправославный перестает быть русским». «Мы настойчиво утверждаем, — записано в программном документе Союза, — что самая главная и вместе с тем конкретная, реальная наша задача — быть православными. Мы настаиваем на том, что эта задача первая и более важная, чем всякая другая... И в частности: нельзя говорить

о Царе неправославному человеку, потому что в его представлении Царская власть есть или абсолютизм или конституционализм или просто “образ правления”... наша национальная задача есть в то же время и прежде всего религиозная, упорная борьба с врагом в самом себе, в своем уме, душе, сердце, взглядах, привычках, и не ставши православными, мы не можем поднять знамя “России”... Мы не признаем возможности религиозного исцеления, так чтобы одновременно не устроилось наше национальное переживание... В основе нашего Союза лежит полное, цельное мировоззрение. Мы стали бы партией в тот момент, когда изменили бы нашей Вере, взяли бы от нее лишь часть. Все русские партии — это части некогда целого, которое определялось не политическими лозунгами, а мировоззрением, которым строилась Россия. Когда она созидалась, не было партий правых, левых, прогрессивных и пр. Было одно целое, ибо было одно мировоззрение православное и, вернувшись к нему, мы не можем быть партией — мы Союз православных людей. Мы не ведем борьбу с партиями. Как православие признает верным действительно верное и в протестанте и католике и магометанине и радуется тому, что в них есть верного и доброго, несмотря на ошибки в общем и главном, так и мы признаем все русское верное, где бы оно ни было... Наш Союз собирает в себе людей, готовых отдать свои силы основной, центральной идее русского национального бытия, готовых окончательно и бесповоротно отдать их служению идее “Россия не может быть неправославной”, “Неправославный перестает быть русским”... Наша задача — собирание русских людей, создание между ними внутреннего единства от Него»⁶³.

Замечу, что в этом документе много декларативности и юношеского максимализма с его верой в «царский» путь России и отторжением «политики». Сам поиск гармонии веры и любви к Отечеству вообще был характерен для православной молодежи, настойчиво ищущей и находящей себя в «искривленном» политикой времени и пространстве.

Мир нес в Церковь жар неоконченных и нерешенных споров. Ревнителей православной веры и возрождения России в эмиграции было много, но еще больше — политиков и политиканов. Надо сказать и то, что среди сербских владык были такие, которые считали, что русским незачем иметь в православной Сербии свою церковную организацию.

Здесь надо добавить, что интеллигенция, повернувшаяся к Церкви, но не имевшая церковной подготовки, «засоряла» приходскую жизнь своими дразгами.

Сама Русская Церковь в Югославии нередко сталкивалась с привычками, которые, казалось бы, отнюдь не могли быть названы благочестивыми. Так, в 1932 г. было выпущено «Воззвание русской православной церковной общины в Белграде к русским людям, в рассеянии сущим», в котором указывалось на установившийся обычай устраивать «танцевальные вечера накануне воскресных и праздничных дней и даже во дни Великого поста». Ни с церковно-моральной, ни с русско-национальной позиции такие действия, подчеркивалось в «Воззвании...», не могут быть оправданы никакими «гуманными целями»⁶⁴.

В эмигрантской прессе звучали призывы к подвигу, к очищению, но на практике интеллигенция с гораздо большим рвением предавалась политическим страстям и умозрительным рассуждениям, нежели религиозной жизни. Привыкнув к свободе, она, бывало, достаточно язвительно прохаживалась в адрес иерархов, занимавшихся «политикой». Позволю себе привести здесь отрывок из стихотворения, обнаруженного мною в газете «Русский стяг» № 6, 27/14 декабря 1925 г., за подписью Сергея Терпигорева «Слет белых клубуков» об Архиерейском соборе.

В своеволии дурачком
Спутав цели и детали,
На соборе Карловацком
Иерархи заседали.

Много их собралось вместе
Под старинным сводом зала,
Близких сердцем к лжи и лести
И доступных для металла.

Были здесь: смутьян Евлогий,
И Антоний — сын дворянский,
Феофан святитель строгий
И Платон американский,

Сергий, Тихон из Берлина
Гермоген Новомосковский,
Гавриил — герой мужчина,
Анастасий Кишиневский,

Феофан из Обояни
И Антоний из Аляски,
Плюс немало светской рвани,
Режиссеров свистопляски.

Взяв в Париже бойкость тона,
Густо смазанный валютой
Голос яростный Платона
Так и веял прошлой смутой.

Не стесняясь омофором
Беглый пастырь из Одессы
Угрожал врагам террором
Создаваемой им прессы.

Говорил он очень много
И кричал, волнуя стадо.

...

Что «Законы Основные»
Непонятны и сумбурны,
Что хоть чтут, мол, их иные,
Большинство же жаждет урны.

Что в исканьи светлой были,
Надо брать пример с Европы,
Что Царя давно забыли
Православные холопы;

Что нельзя служить мирянам,
Что без воли Патриарха
Неприлично соборянам
Признавать самим Монарха.

Что неся с Дарами Чаши
Надо всем молить у Бога
Лишь о здравьи Николаши
Как вождя и демагога⁶⁵.

По сути дела «Русский стяг», поддерживавший Кирилла Владимировича, провозгласившего себя главой Императорского Дома, в этом стихотворении обрушился на митрополита Платона, «посмевшего» противопоставить «законному государю» великого князя Николая Николаевича («Николашу»). Отсюда и резкость высказываний, вплоть до оскорблений и обвинений в безбожии.

Церковная пресса, конечно, не могла позволить себе такой тон.

Правда, весьма популярной была газета «Царский вестник», редактор которой Н. П. Рклицкий охотно печатал статьи и материалы на церковно-общественную тематику: одним она нравилась, у других вызывала «изжогу».

Весьма едко на издательскую тему прохаживался известный В. А. Мавевский. В своих воспоминаниях он записывал: «Синодальная канцелярия издавала журнал “Церковная жизнь”. Но издавала его без сотрудников, без руководящих идей. Редкие статьи преосвященных — на темы, интересные авторам, но совершенно не интересные читателям — разбавлялись сообщениями канцелярии и запутанными разглагольствованиями новоявленного “богослова” Лопухина, на которых, помимо их полной сумбурности, всегда лежала печать елейного уныния... Никакого осведомления, никаких злободневно-церковных вопросов, никакого движения мысли — в синодальном журнале вообще не существовало... От времени до времени сон синодальной канцелярии и ее журнала прерывался, и тогда раздавался замогильный голос о “Святой Руси”. Но затем снова все затихало и только скрипели перья, стучала старенькая машинка и разрастался архив в доказательство того, как живое церковное дело можно задунить в ворохе ненужных бумаг»⁶⁶.

В сущности, многое здесь зависело от русского общества, а если быть более точным — от денег, которых, как всегда, не хватало.

Но пастырское благословение на любые начинания, связанные с возрождением православной России, следовало незамедлительно.

Русская Церковь сохранила и старую добрую традицию, устраивая на югославской земле православные братства. Остановлюсь здесь на братстве Святой Руси имени св. Владимира. Учрежденное в начале 1930-х годов и руководимое митрополитом Антонием, оно должно было объединить «все русские национальные организации на общей единой основе — Православной вере». Отделы братства формировались во всех епархиях и миссиях Русской Православной Церкви Заграницей.

Владыка Антоний наивно полагал, что оно сможет ликвидировать раздоры в эмигрантской среде (разногласия была характерной при обсуж-

дении вопросов спасения России, ее будущего правления или управления), но этот грандиозный замысел явно не удался. Один из современников писал, что так называемое «Владимирское движение» провалилось из-за того, «что не было создано надлежащей духовной школы, не подготовлены кадры духовенства», «не были найдены пути к духовным стремлениям эмиграции»⁶⁷. Иными словами, язвы, разъедавшие эмиграцию, были весьма застарелыми, а лечение словесными «припарками» не помогало.

И тем не менее идеал Святой Руси рождал в сердцах сочувствие. Главный совет братства в соответствии с задачей по разработке и распространению идеи церковно-народного идеала Святой Руси проводил свою линию через лекционную работу. Был разработан и читался курс лекций на общую тему «Идея Святой Руси и современные общественные течения». Лекторы в Белграде выступали с такими докладами, как «Церковь и человек», «Сущность идеи монархизма», «Св. Русь в истории России». Ряд лекций был посвящен тогдашним общественным течениям и организациям (фашизм, младороссы, Союз нового поколения) и их оценке с точки зрения идеи Святой Руси⁶⁸.

Сложностей в восприятии России было предостаточно.

В 1934 г. в своем слове при посвящении его во епископа Шанхайского иеромонах Иоанн (Максимович) сказал: «И за пределами Руси мы не перестаем быть ее сынами. Изгнанные из земного Отечества, мы продолжаем быть духовным стадом святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Гермогена. Мы остаемся частью Русской Церкви, страдающей и гонимой, облитой кровью священномучеников Владимира Киевского, Вениамина Петроградского, Гермогена Тобольского, Митрофана Астраханского, Андроника Пермского и бесчисленного множества других новых священномучеников и мучеников. Заветы их — святыня наша, которую мы должны сберечь до того времени, когда Богу угодно будет явить силу Свою и возвысить род христиан православных. А до тех пор мы должны пребывать в духовном единстве с гонимыми, молитвою укрепляя их»⁶⁹.

Прекрасные слова! Но ведь многие гонимые, страдающие по тюрьмам, мучимые во множестве расплодившихся по России «лагов», убиваемые в безвестности православные люди поминали митрополита Сергия.

Известны имена иерархов, возвратившихся в Московскую Патриархию, как и тех, кто остался верен заветам Высокопреосвященных Антония и Анастасия, считавших РПЦ несвободной от власти большевиков. Этот крепко завязанный гордиев узел распутать трудно. Но можно попытаться, по крайней мере, обозначить позиции архипастырей.

Итак. Вошедшие под омофор Московского Патриархата.

Вспомним здесь епископа Вениамина (Федченкова). По определению богослова, философа, историка Н. М. Зернова, это был «самородок, хотя и не интеллектуал, зажигательный оратор, прекрасный регент, поэт, иконописец»⁷⁰. Сюда же присоединим характеристику, данную митрополитом Евлогием: «Его повышенная эмоциональность и воодушевление идеалом монашества оказывали на студентов (Свято-Сергиевского Богословского института. — В. К.) благотворное влияние; в их среде возникали духовный подъем, высокая религиозная настроенность. К сожалению, эта же повышенная эмоциональность обусловила и некоторые отрицательные черты епископа Вениамина: непостоянство, шаткость, противоречие в решениях и поступках. На него нельзя было положиться. Как-то раз я это высказал ему. “Вы мне не доверяете?” — спросил он. “А доверяете ли вы себе сами? Поручитесь ли вы за то, что будете говорить и делать через один-два года?” — в свою очередь спросил я. Епископ Вениамин промолчал. Через год он покинул институт, увлеченный созданием какого-то прихода в Сербии (в Белой Церкви), потом охладел к нему, вновь вернулся к нам, а спустя два года опять нас покинул и перешел в юрисдикцию митрополита Литовского Елевферия, т. е. Москвы»⁷¹.

Горение и метания владыки Вениамина отчетливо видны в его дневниковых записях. В одних он признает правоту позиции епископов во главе с митрополитом Антонием, в других склоняется все чаще на сторону владыки Сергия.

Умеренные, стоявшие в стороне от политической деятельности.

К их числу можно отнести Владыку Иоанна (Максимовича), который говорил о. Владимиру Родзянко, что если ему «кто-нибудь докажет, что клятвopеступление не грех, тогда может быть я не вернусь в Зарубежную Церковь, но я давал присягу на верность митрополиту Антонию». И в ответ на слова своего питомца: «Владыка, я не могу бросать камнями в Русскую Церковь», он сказал — «Господь с тобою, я сам на каждой проскомидии поминаю Патриарха Алексия. Он там делает все, что может, я здесь делаю все, что могу. Я не кричу. Я просто молюсь. У нас не юрисдикция над евхаристией, а евхаристия над юрисдикцией»⁷².

Митрополит Анастасий и его сторонники. В его завещании (1957 г.) есть такие строки: «Что касается Московской Патриархии и ее иерархов, то поскольку они находятся в тесном, деятельном и доброжелательном союзе с советской властью, открыто исповедующей свое полное безбожие и стремящейся насадить атеизм во всем русском народе, то с ними Зарубежная

Церковь, храня свою чистоту, не должна иметь никакого канонического, молитвенного и даже просто бытового общения, предоставляя в то же время каждого из них окончательному суду Собора будущей свободной Русской Церкви»⁷³.

Все это деление крайне узко и схематично, но тем не менее именно пересечение и переплетение церковности и политики на эмигрантской почве и дает понимание, как и кем завязывался гордиев узел.

Обязан здесь напомнить, что 17 мая 2007 г. в праздник Вознесения Господня между Московским Патриархатом и Русской Православной Церковью Заграницей был подписан Акт о каноническом общении внутри Поместной Русской Православной Церкви.

Возвращаясь в рисуемое время, еще раз напомним, что политика в ее широком понимании проникала повсюду, в том числе и в зародившееся в Югославии русское христианское молодежное движение, впоследствии распространившееся по всему Российскому зарубежью. Его начало было связано с деятельностью небольшого кружка, возникшего в 1921 г. из русских студентов богословского факультета Белградского университета и ставшего ядром будущего Свято-Серафимовского братства (1925 г.), в котором возникло два течения. Представители одного больше интересовались вопросами аскетике и молитвы, сторонники другого — православной культурой и миссионерскими задачами христианства. Эта своеобразная разноплановость шла только на пользу, обогащая жизнь кружка и давая материал для дискуссий, обмена мыслями.

В число «кружковцев» входили Михаил Борисович Максимович, Леонид Алексеевич Гринченко, Константин Эдуардович Керн.

О К. Э. Керне — потомке шведов — его друг Н. Зернов писал: «Эстет и поклонник Блока, он был в то же время славянофилом, отвергавшим Запад и прихотливо соединявшим в себе романтизм с трезвенностью православной церковности»⁷⁴.

Потом, много позднее, после войны, уже принявший монашество с именем Киприан (1927 г.), он говорил: «Я очень далек от событий, не читаю газет никаких, не слушаю радио и не интересуюсь современностью. Скажу словами моего любимого Леона Блуа: “Я не современник и никогда не был у себя дома”»⁷⁵.

Ряд членов кружка стали впоследствии видными иерархами: в их числе архиепископ Чикагский и Детройтский Серафим (Иванов), епископ Женевский Леонтий (Бартошевич), епископ Западно-Европейский Константинопольского экзархата Кассиан (Безобразов).

Ревностным членом кружка был и П. С. Лопухин. По словам близко его знавшего Г. Граббе, «он умел вдумываться в мысль своего собеседника и при внешней гордой независимости имел дар кротости и смирения, который давал ему эту замечательную способность усваивать первоначально непонятную ему правду в словах своего собеседника»⁷⁶.

Прекрасная характеристика! Но это говорил единомышленник. Владыка Василий (Родзянко), тоже большой друг Лопухина, дал ему несколько иной портрет: «Есть лица, для которых на английском языке есть характерное слово — *controversial*... Таких как он людей оппоненты называли “нашими новыми староверами”, “старообрядцами” заграничного происхождения... П. С. Лопухин, Н. П. Рклицкий, Г. П. Граббе мыслили в стиле и духе Св. Синода петербургского периода, забыв, что надо иначе. Синодалы утверждали: “Мы центр, все должны нас слушать”»⁷⁷.

Говоря по сути, они стремились осуществлять своеобразный партийный надзор и контроль. И масла в огонь внутрицерковной борьбы подливали именно «синодалы».

На собраниях кружка бывал и митрополит Антоний. Там выступал крупный богослов архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), читал лекции епископ Челябинский Гавриил (Чепур), сочинитель духовной музыки и большой эрудит. Одним из первых прочел свой доклад В. В. Зеньковский на популярную тему «Причины русской революции». По его мнению, разделяемому многими, одна из них заключалась в «стеснительной опеке Церкви самодержавием, лишавшей верующих свободы и самостоятельности. Многие поэтому... смотрели на Церковь, как на послушное орудие в руках правительства и отпадали от христианства. Это отчуждение от Церкви, особенно молодежи, способствовало росту революционных настроений и подорвало жизненные силы империи»⁷⁸.

Да и в эмиграции, как уже подчеркивалось, шла своя борьба — где-то это была простая политическая грызня между различными группами, не успевшими свести счеты еще со времен 1905 г., где-то шел разноуровневый поиск будущего Вертограда. В сущности, интеллектуальная эмиграция продолжала биться над тремя вопросами: кто мы, куда идем, кто виноват? Как правило, ответы были или до обидного традиционно ясными и простыми или тонули в трясине многословия.

А на пороге стояла очередная мировая война. В 1939 г. исполнилось 25 лет со дня начала Первой мировой или, как ее называли, «германской» войны. 30 июля организация «Русское народное ополчение» во главе со своим руководителем М. Ф. Скородумовым устроило торжественную ве-

черною панихиду на русском кладбище по императору Николаю II и его семье, по погибшим офицерам и солдатам. Служил митрополит Анастасий. И в том, что произошло с Россией в 1917 г., многие видели козни Запада. Так, Скородумов в своей речи на открытии памятника русским воинам подчеркнул: «Здесь погребены не только кости русских воинов, но честь и благодарность союзников России».

В целом же отношение эмиграции к памяти Николая II не было единым. Часть ее выступала за канонизацию погибшего императора. Другая была против. Сам владыка Анастасий показал себя ее противником на Втором всезарубежном соборе⁷⁹.

Весьма характерен здесь сюжет, связанный с помещением М. Ф. Скородумовым в усыпальницу русских воинов изображения покойного государя на стекле. Как свидетельствует воззвание Русского народного ополчения: «17 апреля сего 1938 года, в поминальный понедельник, в девять часов утра священник Неклюдов, после панихиды в Иверской церкви, с крестным ходом вошел в часовню-музей Памятника русским воинам... взял бумагу и с помощью восковой свечи залепил изображение Царя-Мученика. Как всем известно, у нас в настоящее время не имеется официальных представителей России — ни гражданских, ни духовных, — которые могли бы защитить честь России. Поэтому, усматривая в этих действиях священника Неклюдова оскорбление памяти Царя-Мученика, самоуправство... русское народное ополчение, являясь хранителем памятника, уведомило священника Неклюдова чрез полицию, что ему воспрещен “навсегда вход в часовню памятника русским воинам”»⁸⁰.

В другом возвании тот же Скородумов, несомненно выражающий взгляды определенной части эмиграции, писал в 1938 г.: «Все удивляются, почему в 1917 году погибла Россия; многие удивляются, почему эмиграция уже столько лет не может объединиться и вернуть потерянную родину. Масса программ, масса новых фантастических путей, масса политических партий, но — России все не видно. Для того чтобы вылечить больного, надо прежде всего поставить диагноз. И, казалось бы, как это просто. Сам покойный Император указал нам путь спасения, поставив при отречении правдивый и точный диагноз: “кругом трусы, лжецы и предатели”... Казалось бы, что эмиграция, находясь на свободе, могла бы очиститься от этих микробов, но, увы, нет врача, и она все больше разъедается этими микробами и уже бьется в агонии...

Начну с духовенства, как главного фактора русского освобождения. Это единственная организация в эмиграции, которая широко признается

властями, пользуется полной свободой, имеет средства, свое помещение (церковь) и вообще все возможности, чтобы вести эмиграцию по историческому пути морали, истины и русской государственности. Но что же мы видим? Духовенство наше, за небольшим, конечно, исключением, прячется в алтарь или сбегает на день в монастырь, лишь бы только не служить молебны о здравии Царя. В Царскую Русскую Православную Церковь, — ибо другой Православной Церкви в России не было, и ее только завоевания революции отделили от государства и Царя, — революционное духовенство вносит раскол и политику, служа прихожанам молебны по политическим симпатиям, т. е. левым служат с удовольствием, а правым — с великопостной grimасой или вовсе не служат... Провозглашать многолетие Русскому законному Императору нельзя, ибо он без территории, — но провозглашать ежедневно многолетие митрополиту Кишиневскому и Хотинскому, который тоже без территории, — можно»⁸¹.

По сути дела, здесь больше горечи и отчаяния, чем злости и морализаторства. И тут монархистов, к которым принадлежал герой Первой мировой войны, инвалид, кавалер многочисленных военных орденов М. Ф. Скородумов, можно понять.

О русских людях духовного звания, оказавшихся волею судеб вне пределов своей Родины, есть различные мнения. Вот одно из них: «Что касается эмигрантского духовенства, то оно носило смешанный характер. Но ядром являлось старое русское духовенство, с течением времени вымиравшее. А к нему присоединились люди разного звания, состояния и происхождения, шедшие в ряды духовенства и по призванию и ради “хлеба куса”. Никаких новых традиций не могло быть создано: старые умирали — и получался какой-то смешанный стиль не то требоисполнителей, не то духовных руководителей эмигрантской массы. Сгруппировавшись возле самого большого прихода св. Троицы, духовенство неохотно пускало новых пришельцев в свои ряды... Занятое требами и службами, а также законоучительством в русских школах и участием в Епископском совете, — духовенство было хорошо обеспечено, но не имело свободного времени принимать участие в общественных делах. Правда, приходский совет в Белграде развивал большую благотворительную деятельность, но все же широкое русло общественной жизни шло вне непосредственного участия духовенства. Устраивались миссионерские курсы и лекции, но они обслуживали небольшой — и все один и тот же — кружок близких Церкви лиц»⁸².

Из этих несколько сбивчивых воспоминаний можно понять, что недовольство автора вызвано, главным образом, слабым участием церкви в об-

шественных делах. Возникает вопрос — в каких-таких делах? Может, в той политической грызне, которую часто отождествляют у нас с общественной деятельностью?

(Кстати, у русских, по меткому замечанию В. А. Маклакова, «поддержка общественности очень часто похожа на тот кол, на который сажают казненного»⁸³.)

Тогда, да: Церковь стояла особняком уже только по той причине, что русская интеллигенция прекрасно справлялась сама в такой привычной для нее атмосфере вечных вопросов. К этому добавлю: конечно, были и интриги и подкопы внутри церковной жизни.

А в итоге — шло смущение душ! Раздоры, споры были характерной чертой церковной жизни, в которую властно вторгались новые веяния «свободного христианства». Так, в 1932 г. во главе с Г. Г. Миткевичем было создано Русское трудовое христианское движение (РТХД), духовником которого стал вначале о. Петр Беловидов. Вера, родина и семья были теми началами, которые легли в его основание. Сама организация сформировалась с целью объединения всех беженских групп на экономической основе и подъема хозяйственного и политического значения русской эмиграции. РТХД предоставляло своим членам правовую защиту, оказывало помощь в подыскании заработка, поддерживало безработных и т. д.⁸⁴

В сущности РТХД было весьма своеобразным профсоюзом — школой христианского социализма. Истоки этого движения вели в Женеву, которая была центром протестантского экуменизма. Некоторые из делегатов Церковного собора 1938 г. находили в этой организации связь с масонством. К подобному выводу наталкивало уже и само название: предназначенное действовать в русской среде, движение подчеркнуто называло себя христианским, но отнюдь не православным. Как писал женевский протопресвитер о. Сергей Орлов, это объяснялось тем, что РТХД желало объединения всех «русских» христиан, независимо от их принадлежности к той или иной конфессии, и даже иноверцев, если они не выступают против нравственных христианских заповедей. Однако эти толкования с акцентом на русскую терпимость не удовлетворяли многих. В частности, в феврале 1937 г. по русским колониям в Югославии было широко распространено особое обращение Земунской колонии. В нем подвергались критике антинациональная позиция РТХД, для которого история России начиналась с Временного правительства, строительство возрожденного отечества — после победы над большевизмом — по западноевропейскому образцу, неправославный и даже в определенной степени нехристианский характер движения и пр.⁸⁵

Но особой полемики не получилось. Для русских эмигрантов на том этапе, видимо, было важнее получить дополнительную страховку в своей жизни, нежели задаваться вопросами церковного характера, тем более что митрополит Анастасий, неприязненно встретивший появление РТХД, в дальнейшем смягчил свою позицию.

В сущности, вся церковно-общественная жизнь русской эмиграции в Югославии в предвоенный период может быть охарактеризована преобладанием в ней политического начала над духовным.

6 апреля 1941 г. немецкие самолеты бомбили югославскую столицу, хотя она была объявлена властями страны открытым городом.

Völkischer Beobachter. Kampfblatt der nationalsozialistischen Bewegung Grossdeutschlands ((боевая газета национал-социалистического движения Великой Германии) вышла 7 апреля с заголовком: «Немецкие солдаты ответили предателям». Под «предателями» подразумевались народы Югославии и их правительство⁸⁶.

Как вспоминал В. А. Маевский: «В перерыве, когда бомбардировка немного ослабела, я побежал в русскую церковь Св. Троицы... На кровле нашего храма было много веток и щепок, которые были заброшены от взрыва огромной бомбы, разорвавшейся неподалеку от алтаря, и пробившей осколками кровлю его... Подошло несколько богомольцев и протоиерей о. Иоанн Сокаль, которого мы стали просить начать воскресное богослужение, т. к. непосредственная опасность для храма устранена; дальнейшее спасение не в руках человеческих — и нам остается лишь молиться. Прибывший в это время митрополит Анастасий сказал, чтобы очередной священник начинал богослужение. Тогда о. Иоанн приступил к богослужению, а уже вскоре подошли о. о. игумен Аверкий, прот. Сергей Ноаров и прот. Георгий Флоровский — и четвером они отслужили божественную литургию. По окончании литургии митрополит облачился в мантию и вышел на молебен пред чудотворной иконой Курской Божьей Матери; затем он пожелал обойти с крестным ходом кругом храма. Но, когда все вышли с чудотворной иконой, была очередная волна немецкого налета: слышался грохот взрывов, жужжание и вой авионосов и снарядов... На другой день было Благовещение и вечернее богослужение было назначено на 4 часа дня, чтобы закончить его засветло, ибо разрушение электростанции, водопровода и начавшаяся анархия в городе могли ночью только усиливаться... служили втроем о. о. И. Сокаль, С. Ноаров и Г. Флоровский; добровольными певцами управлял о. В. Неклюдов, а на полиелей вышел

митр[ополит] Анастасий. Во время всеобщей налеты и бомбардировки продолжались, но уже вдали от храма. Литургию на Благовещение совершали те же трое отцов протоиереев — Иоанн, Сергей и Владислав. А протоиерей о. Виталий Тарасев, как и игумен о. Аверкий, совершали богослужения в других местах города: первый служил на Мокром Лугу (предместье Белграда), где скопилось много бежавших русских, второй — на кладбище (в Иверской часовне) и еще прот. о. Георгий Флоровский — в Русском Доме царя Николая II, где находились мужская и женская русские гимназии, в которых он состоял преподавателем. Следует отметить, что все русские священнослужители, — во главе со своим архипастырем и о. настоятелем храма, — проявили в эти дни незаурядное мужество и полную готовность служить ближнему самоотверженно и бескорыстно, ни на момент не забывая своего пастырского долга. Так же были совершенны богослужения и в остальные дни шестой недели великого поста. Хотя систематическое разрушение города и было приостановлено, но налеты авионов и бросание бомб на отходящие через Белград части сербских войск и отдельные районы города еще продолжались. Пока, наконец, в Лазареву субботу город не был передан германским властям. Русское духовенство беспрепятственно продолжало совершать богослужение во все дни Страстной седмицы, как и на Пасху и в Светлую седмицу... В Великий Вторник из Земуна возвратился митр[ополит] Анастасий и совершал во все дни до светлого понедельника включительно уставные богослужения. Нужно добавить, что и в сербских храмах богослужения совершались доблестными пастырями и в двух храмах, — Вознесенском и Александро-Невском, — от разорвавшихся бомб погибло множество молящихся... Особенно трагический случай произошел в Вознесенской церкви. Бомбардировка началась во время литургии в переполненном храме. Часть народа вместе с священником и дьяконом побежали в убежище, находившееся тут же в ограде, — и все погибли после прямого попадания огромной бомбы, которая разорвалась в тот момент, когда люди только что наполнили убежище. Все же, кто остался в церкви, не пострадали, спаслись. В эти жуткие дни, когда рвались бомбы, разваливались дома и полыхали пожары, — многие русские, в поисках спасения, бросились на кладбище, которое было за городом. Искали спасения и защиты у Иверской иконы Богородицы и у гробницы блаж[енного] митрополита Антония. Там, — у Иверской часовни, где непрестанно совершались моления, и у памятника Русской Славы, среди могил дорогих и близких людей, — нашли тогда приют и успокоение многие русские люди»⁸⁷.

Однако русские иерархи в эти трагические для Югославии дни вражеского нашествия заняли стороннюю позицию наблюдателей. Такое поведение можно объяснить только тем, что многие эмигранты в Гитлере продолжали видеть освободителя их родины. И их надежды, казалось, сбывались: 22 июня 1941 г. — в день памяти Всех святых в земле российской просиявших — Германия вновь напала на Россию.

Антикоммунистические силы были убеждены, что каждый лишний день господства сталинской власти убивает душу русского народа, который без внешнего вмешательства — войны Германии с СССР, не сможет ликвидировать ненавистный режим. Они были убеждены также в том, что Гитлер без помощи самого русского народа не сможет одержать победу: от решения «русского вопроса» будут зависеть судьбы России и Германии. В этой ситуации, по их мнению, задача эмиграции сводилась к тому, чтобы находиться с русским народом и делать все для формирования российской национальной вооруженной силы⁸⁸.

Сами возглавители Русской Православной Церкви Заграницей не спешили выступать с широковещательными заявлениями. Известно, что митрополит Анастасий, несмотря на угрозу интернирования, не пожелал обратиться с воззванием к русскому народу о содействии немецкой армии, мотивируя свой отказ тем, что русским патриотам неизвестны цели и задачи немцев в России⁸⁹.

Но сдержанная позиция владыки не означала некоей перемены в его взглядах на идеологию коммунизма. «Война эта, — писал Маевский, — мыслилась как борьба и ликвидация большевизма, а русский народ должен был пережить неслыханное испытание, как плату за разрушение своего исторического прошлого, за увлечение политическими и социальными фантазиями. В этом случае русская эмиграция оказалась в исключительно тяжелом положении. Она приветствовала бы разрушение советского Карфагена, но она переживала русское горе и русское разорение. В этой трагической обстановке, пред чудотворной иконой Курской Божией Матери в Троицкой церкви, митрополит Анастасий служил молебен всем святым о спасении России»⁹⁰.

Какой России? — может и должен быть поставлен вопрос. Ответ только один — России без большевиков! Выступая в 1941 г. в Свято-Троицкой церкви с осуждением архиепископа Кентерберийского, призывавшего свою паству молиться о победе советского оружия, владыка Анастасий говорил: «Молиться о победе советской власти — значит просить Бога о торжестве и утверждении большевизма, уже 24 года воюющего против Бога,

умертвившего десятки тысяч его верных служителей, осквернившего бесчисленное множество храмов и иных святынь в искони православной России, и причинившего другие неисчислимы страдания и бедствия русскому народу»⁹¹.

К этому времени относится и обращение «к русскому народу и русской эмиграции», подписанное представителями национально-консервативных кругов. Здесь назову только три фамилии: А. В. Ланин, редактор газеты «Партизан» — фактического органа Русского народного ополчения, возглавлявшегося М. Ф. Скородумовым, полковник В. М. Пронин, один из руководителей белградских скаутов, Н. П. Рклицкий, редактор-издатель «Царского вестника», будущий архиепископ Никон. Авторы (11 человек) подчеркивали, что «германские вооруженные силы... объявили беспощадную войну не русскому народу и не России, а ... коммунистическому интернационалу»⁹².

12 сентября 1941 г. был сформирован Отдельный русский корпус, позднее получивший название Русской охранной группы, в ноябре 1942 г. — Русского охранного корпуса, в 1944 г. — Русского корпуса в Сербии, в конце 1944 г. — Русского корпуса, входившего в состав вермахта. Костяк корпуса составляли казаки, солдаты, офицеры, повоевавшие в рядах Врангелевской армии и осевшие в Югославии и Болгарии. Корпус в основном был занят охраной путей сообщения, рудников, мостов, туннелей от нападений партизан.

Как и в царской армии в корпусе была своя церковь, освященная митрополитом Анастасием, и военные священники. Первым корпусным священником был назначен протоиерей Иоанн Гандурин. В полках исполняли свои обязанности о. Антоний Медведев, о. Владимир Ульянов, о. Борис Молчанов, о. Никон Рклицкий, о. Никодим Нечаев, о. Григорий Баранников, о. Владимир Могилев⁹³. Там же был и Сергей Максимов, сын владыки Гермогена. Слушатель военных курсов генерала Головина и выпускник богословского факультета Белградского университета Борис Крицкий трудился псаломщиком.

Оккупация, партизанская война с фашистами дорого обошлись русской эмиграции, которую многие сербы-коммунисты автоматически стали причислять к своим врагам. И немудрено, когда на здании бывшего русского посольства был помещен плакат — «Победа Германии — освобождение России», когда Гитлеру некоторые эмигранты направляли благодарственные телеграммы и заявляли: «Пришло наше время. Да здравствует Гитлер и мощная немецкая армия, с которой мы идем плечом к плечу

в бескомпромиссной борьбе против наших смертельных врагов коммунистов»⁹⁴.

Война кончалась. Близилось освобождение Белграда, чьи жители уже могли слышать раскаты советской артиллерии. Многие уезжали. Один из участников второго исхода писал: «У врат Белграда стоит красный зверь. Медлить нельзя, надо уходить. Бросая имущество, потянулись по дорогам в неизвестность русские беженцы. Иногда удавалось попасть в переполненный поезд, взобравшись на крышу или на буфера с опасностью для жизни... Поезд стоит посреди поля. Ожидается налет... Людей выгоняют из вагонов. У русских одна мысль: отслужить молебен Царице Небесной. Как бы в ответ на их пламенное желание из толпы выходит старичок священник и говорит дрогнувшим голосом: “Отслужим молебен”. Какой-то молодой человек вышел из толпы и, окинув ее взглядом, нерешительно дал тон, и в тот же момент импровизированный хор стройно ответил на возглас священника. Картина была потрясающая. Рыдающая толпа на коленях слушает молитву, которую читает священник, а по пустынной равнине под грохот разрывающихся бомб несется могучая божественная песнь... И так в продолжении всего страдного пути. На дорогах, в поездах, в бараках, всюду звучала божественная песнь, то усиливаясь, то замирая»⁹⁵.

Покинул страну владыка Анастасий, даже не известив о своем отъезде официальным актом Сербскую Патриархию. Отъезжали в иные страны многие пастыри.

Но были и те, кто оставался, не желая бросать свою паству.

Русская церковь в Югославии продолжала окормлять своих стареющих пасомых, для которых храм, приход были прибежищем в трудные годы эмиграции. К осени 1944 г. в список штатного духовенства русской Свято-Троицкой церкви в Белграде входили: о. Иоанн Сокаль, о. Виталий Тарасьев, о. Владислав Неклюдов, о. Владимир Мошин, о. Антоний (Бартошевич), о. Иннокентий (Анисимов)⁹⁶.

Не захотели уезжать в иные страны, в «цивилизованные и законные» зоны и лагеря разделенной Европы и многие священники из других приходов. Русское духовенство, оставшееся в Югославии, выбирало свой путь.

Из осеннего Белграда в Москву на имя Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего престола митрополита Ленинградского Алексия полетело многозначительное письмо, подписанное протоиереем Иоанном Сокалем.

Ввиду чрезвычайной важности приводим его практически полностью.

«Рапорт

На основании постановления Св. Архиерейского Собора Сербской Православной Церкви от 18/31 августа 1921 г. на территории Королевства Югославии русской церкви предоставлены были автокефальные права. С этого времени русская церковь в Югославии имела свою высшую иерархию, Архиерейский Синод, Епископский Совет, священнослужителей, церковные общины и церковное управление.

Но 7 сентября 1944 г. все русские архиереи во главе с митрополитом Анастасием и с канцелярией Архиерейского Синода выехали в Германию, оставив нам указ Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей... который возложил на меня, как на старшего из оставшихся в Белграде протоиереев, возглавление Епископского Совета и управление русскими церковными общинами в Югославии на правах благочинного. Между тем высшая сербская церковная власть, видя ненормальность создавшегося положения, письменно запросила меня, на каких канонических основаниях и в каких условиях предполагается дальнейшее существование русской церкви... Получивши этот письменный запрос, я созвал 18 сент.[ября] 1944 года общее собрание Епископского Совета и церковно-приходского совета, на котором принята была единогласно резолюция: “Обратиться с просьбой Св. Архиерейскому Синоду Сербской Православной церкви, чтобы он принял Русскую церковь в Югославии под свое покровительство и чтобы назначил одного из архиереев для дел, требующих епископской санкции”. На основании этого постановления я обратился письменно с просьбой Св. Архиерейскому Синоду Сербской Православной Церкви... где изложил постановление общего собрания. Сербский Архиерейский Синод, обсуждая каноническое положение русской церкви на территории Югославии, вынес временное решение, так как окончательным разрешением этого вопроса займется в будущем Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви. Временно же Епископский Совет и благочинный русской православной церкви, которые остались без своей иерархии, взяты под покровительство Сербского Архиерейского Собора. Для дел, требующих Архиерейской санкции, назначен преосвященный Владимир (в мире Любомир Раич, окончивший Московскую [Духовную] Академию в 1907 году), епископ Мукачевско-Пряшевский. О своем решении Сербский Архиерейский Синод известил меня письменным актом от 23. IX. 1944 г. ...

Таковы вкратце история и положение русской Православной церкви в Югославии, которая в настоящее время состоит из 11 церковных общин, двух монастырей (одного мужского и одного женского), 20 священнослужителей, 15 монахов, 32 монахинь и около 3 000 паствы.

От имени всех духовных лиц, оставшихся и ныне пребывающих в Белграде, и от лица всех русских церковных людей, поддерживающих тесную и постоянную связь с русской церковью, — выражаю искреннюю радость по случаю славных побед русского оружия, освободивших славянские земли от наших старых поработителей-врагов и давших нам, русским людям в рассеянии сущим, возможность обратиться непосредственно к Вам, **ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО**, с покорнейшей просьбой, исходатайствовать нам право возвращения на родину с тем, чтобы мы вошли в состав Русской Церкви, под непосредственным управлением **ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА** и, честно работая на ниве Христовой, могли бы принести посильную пользу как церкви, так и своей родине.

Испрашивая Ваших Святительских молитв, остаюсь любящим и преданным сыном своей церкви и родины, Ваш смиренный послушник

Протоиерей Иоанн Сокаль»⁹⁷.

Небольшое пояснение: в состав Русского епископского совета, возглавлявшегося владыкой Владимиром, входили: о. Иоанн Сокаль (зам. председателя), о. Виталий Тарасьев, о. Владимир Мошин, Викентий Фрадынский (секретарь)⁹⁸. Практически среди его членов уже не было ни одного русского архиерея.

Письмо-обращение не осталось без ответа. В начале 1945 г. глава Русской Православной Церкви Алексий I в письме к Высокопреосвященному Иосифу (Цвийовичу), митрополиту Скоплянскому писал: «В чувстве братской о Христе любви сердечно приветствую Ваше Высокопреосвященство и полный приятнейшими воспоминаниями о Вашем пребывании у нас (делегация Сербской Православной Церкви была в гостях в России в феврале месяце. — *В. К.*) и молитвенном общении с Вами, желаю углубить и укрепить это благодатное общение посылкой к Вашему Высокопреосвященству делегации в лице Преосвященного Епископа Кировоградского Сергия, управляющего Одесской епархии, Московских Протоиереев Стефана Маркова, Димитрия Цветкова, Проректора Богословского Института в Москве С. В. Савинского и иеромонаха Симеона, которые передадут Вам и в лице Вашем — Сербской Церкви наши чувства братской любви и сердечного сочувствия ей нуждам, а также нашего глубокого соболезнования по случаю продолжительного отсутствия Ея Главы, Святейшего Патриарха Гавриила, томящегося в фашистской неволе...

Нашей делегации мною поручено иметь с Вашим Высокопреосвященством беседу по деловым вопросам, касающимся наших церковных взаимоотношений и, в частности, по вопросу о переходе в наше ведение Мукачевско-Пряшевской епархии, а также тех русских приходов, которые находятся в ведении Протоиерея Сокала»⁹⁹.

Это послание не осталось тайной для русского духовенства в Югославии и прежде всего для протоиерея Иоанна Сокала. Уже 10 апреля 1945 г. на имя Патриарха Алексия I высылается письмо следующего содержания:

«ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО!

Русская белградская церковная община с радостью узнала, что в Белграде предполагается открытие церковного подворья Московской Патриархии. Искренне желая скорейшего осуществления этого решения, сыновне просим ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО использовать для этой цели уже существующий в Белграде наш русский городской храм и кладбищенскую часовню со всем их церковным имуществом и ризницей.

Вместе с тем мы ходатайствуем принять весь русский приход белградской церковной общины в юрисдикцию Русской Церкви, чтобы наша церковная жизнь в дальнейшем могла протекать под непосредственным архипастырским руководством ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА.

Моральным основанием для нашего ходатайства служит то обстоятельство, что мы не принимали участия в общем направлении Карловацко-го Синода и в его деятельности, направленной к обособлению от Московской Патриархии. И как только представилась возможность, мы и проявили свое настроение в том, что решили остаться на местах, дожидаться прихода Красной Армии и ходатайствовать о воссоединении нас с Русской Церковью.

К этому побуждают нас и формальные основания. Священный Архиерейский Синод Сербской Православной Церкви в своем постановлении о положении Русской Церкви от 27/14 — IX. — 1944 г. за № 1428 Зап. 166, вынес... решение: «...Исключительное положение русского прихода и церковной общины имеет лишь в р е м е н н о е значение, пока этот вопрос не регулируется взаимным согласием между Сербской и Русской Патриархией».

Таким образом, открытием в Белграде подворья Московской Патриархии и включением нашей церковной общины в состав ее устраняется временный характер настоящего положения и заменяется прочным каноническим»¹⁰⁰.

В том же апреле в Белград прибыла делегация Московской Патриархии во главе с упоминавшимся уже епископом Кировоградским Сергием (Лариным).

Делегация была принята с огромным почетом и ей, разумеется, ни в чем не отказывали. В частности, храм Святой Троицы подарил тогда и часть своего архива. Кстати, о. Иоанн Сокаль весьма боялся за богослужebные журналы прошедших лет, в которых велись регулярные записи: кто и когда служил, в каком облачении, характер проповеди и по какому поводу она была произнесена и т. д.¹⁰¹ Однако все обошлось.

Московские гости были приняты и на высшем правительственном уровне, включая прием у Тито. Парадные встречи, беседы перемежались с деловыми разговорами.

Отец Владимир Родзянко 3 апреля 1945 г. писал Патриарху Алексию I следующее: «Выражая ВАШЕМУ СВЯТЕЙШЕСТВУ желание послужить Св. Церкви Русской, духовным чадом которой (наравне с Сербской Церковью) я себя считаю, я всецело предоставляю себя в распоряжение ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА, в надежде, что моя работа, как научного церковного работника, будет полезна Матери-Церкви и Родине»¹⁰².

Тем временем, 21 апреля 1945 г., протоиерей Иоанн Сокаль получил от епископа Сергия (Ларина) следующее извещение:

«Священный Архиерейский Синод Сербской Православной Церкви своим актом от 27/14 ноября 1944 г. за № 1428/зап. 166, постановил, что Православный русский приход и церковная община в Белграде остаются в прежнем своем составе и исполняют свои функции по-старому, под наблюдением Сербской Православной Церкви. Причем указано, что такое положение Русской Церковной общины имеет лишь временное значение, до согласования по этому вопросу между Сербской и Русской Патриархиями.

Актом же от 13 апреля 1945 г. ... Св. Синод дает разрешение на канонический отпуск всем священникам заграничной Русской Церкви на территории Югославии, которые находились под покровительством Сербской Церкви.

На основании вышеизложенного и принимая во внимание наши с ВАМИ переговоры по этому вопросу, я, по данному мне полномочию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ, принял причт и общину Св. Троицкой церкви в Белграде в каноническое и евхаристическое общение и подчинение Московской Патриархии и включил их в состав Белградской Церкви Московской Патриархии, о чем 19 и 20 ап-

реля 1945 г. мною послан Указ и даны соответствующие распоряжения Настоятелю Белградской Св. Троицкой Церкви протоиерею Иоанну Сокалю»¹⁰³.

Указ от 19 апреля утверждал протоиерея Иоанна Сокаля настоятелем Свято-Троицкой церкви в Белграде и временно исполняющим обязанности благочинного русских приходов на территории Югославии. В нем же епископ Сергей (Ларин) писал о. Иоанну Сокалю: «Поручаю Вам принимать в общение с Московской Патриархией клириков и монашествующих т[ак] наз[ываемой] “Карловацкой группировки”, через принесение покаяния, о чем составляйте акты и препровождайте в Управление делами Московской Патриархии.

По всем вопросам обращайтесь за указаниями к Московской Патриархии непосредственно.

По вопросам о Св. мире, Антиминсах и утверждению постановлений по бракоразводным процессам, а также по всем делам, требующим архиерейской каноническ[ой] санкции, обращайтесь в Священный Синод Сербской Церкви»¹⁰⁴.

20 апреля епископ Сергей утвердил рапорт протоиерея Иоанна Сокаля о составе клира Свято-Троицкой церкви. В него входили: протоиерей Владислав Неклюдов, протоиерей Виталий Тарасьев, священник Владимир Мошин, протодиакон Александр Качинский, исполняющий обязанности псаломщика А. Д. Охотин, исполняющая обязанности псаломщика В. Н. Лучинская, приписной, вне штата, иеромонах Антоний (Бартошевич), староста церкви — Г. В. Бартошевич, секретарь благочиния — В. Ф. Фрадынский. Равным образом была включена вся церковная община при Свято-Троицкой церкви в состав Белградского подворья Московской Патриархии¹⁰⁵.

Была составлена подробная, хотя и небрежная с историко-церковной точки зрения, опись имущества и утвари храма. Обращает на себя внимание запись о наличии 12 комплектов архиерейских облачений. Однако в Белграде не было уже ни одного русского епископа, кто мог бы их носить.

27 апреля владыка Сергей подписал список священнослужителей, принятых в общение с Московской Патриархией. В него, кроме уже перечисленных лиц, входили: протоиерей Сергей Ноаров, сверхштатный священник в Св. Троицкой церкви; протоиерей Виталий Лепоринский, настоятель церкви в Земуне; протоиерей Иоанн Гандурин, настоятель церкви св. царя Лазаря; протоиерей Алексей Ефремов, иеромонах Иларион (Скляр), игумен Лука, настоятель братства «Св. Креста».

Были приняты в общение и бежавшие из разоренной обители в Белград монахини Леснинского монастыря с игуменьей Ниной во главе. На весну 1946 г. в число инокинь входили: игуменья — Нина Косаковская, манатейные монахини — Есфирь Румса, Илария Голуб, Феофания Слободенюк, Никодима Головки, Горгония Ковальчук, Доротея Мойсеюк, Капитолина Пилота, Варвара Суханова, Анастасия Мосолова, Феодора Львова, Зосима Машкина, Савватия Машкина, Досифея Гусева, Неофита Фурса, Евсталия Лискович, Петронила Пинкевич, Севастьяна Ковальчук, Агнеса Явор, Манефа Шадук, Нектария Кудрякова, Антония Гошко (Гожко), Поликсения Левчук, Ангелина Грачева, Евгения Вишневецкая, Анисия Волкова, Евсевия Пятничук, Еликанида Полещук, Михаила Яковлева, Гавриила Морозюк; рясофорные монахини — Анна Худая (Худан), Елена Воробьева, Нина Граббе, Мария Чаплиц, Августа Гусаковская, Пелагея Попович, Мария Янко; послушницы — Анна Жаркова, Вера Модрах, Варвара Потемкина, Мария Ольшановская, Надежда Левицкая¹⁰⁶. Состав не был постоянным. К февралю 1947 г. в списке уже отсутствовали имена Савватии Машкиной, Нектарии Кудряковой, Ангелины Грачевой, Евгении Вишневецкой, Анисии Волковой, Евсевии Пятничук, Еликаниды Полещук, Михайлы Яковлевой, Гавриилы Морозюк, Августы Гусаковской, Пелагеи Попович, Марии Янко, Анны Жарковой, Веры Модрах, Варвары Потемкиной, Надежды Левицкой. Но прибавлялись новые — Екатерина Кудрякова, Мария Антонюк, Тавифа Михайлова, Сидония Аниховская, Виктория Водолазова, Ксения Колобова, София Бердяева¹⁰⁷.

Здесь трудно судить, не имея должной информации, о причинах такого довольно резкого обновления, особенно о выбытии шестнадцати сестер. Вероятно, одни уходили в сербские монастыри, другие шли в мир, третьи тихо умирали...

Можно сказать, что цель приезда делегации — в воссоединении русских людей в Югославии с Московской Патриархией. Да, это произошло. В храме Святой Троицы был отслужен соответствующий молебен с окроплением церкви и всех прихожан святой водой¹⁰⁸.

Главное было в Победе советского/русского оружия, ставшей знакомой для русской эмиграции, для духовенства.

Потекла новая церковная жизнь. Протоиерей Иоанн Сокаль, о. Владислав Неклюдов, профессор Всеволод Троицкий были летом 1948 г. в Троице-Сергиевой лавре почетными гостями на празднестве 500-летия по случаю поставления собором русских архиереев святителя Ионы мит-

рополитом. Уже упоминавшийся иеромонах Антоний (Бартошевич), ученик Пимена Софронова, в 1949 г. указом Патриарха Московского и всея Руси Алексия I был удостоен сана архимандрита.

В 1949 г. число клириков благочиния Московской Патриархии в Югославии составляли 17 человек: священники Иоанн Сокаль, Виталий Тарасьев, Владислав Неклюдов, Виталий Лепоринский, Алексей Крыжко, Сергей Ноаров, Александр Мирошниченко, Никон Веселовский, архимандрит Макарий (Матвеевко), протоиакон Александр Качинский, архимандрит Антоний (Бартошевич), игумен Лука (Родионов), иеромонахи Тимолай (Пастухов), Никандр (Беляков), Феофан (Шишманов), иеродиаконы Зосима (Йованович), Савва (Ранисавлевич)¹⁰⁹.

Сестры Леснинской монастырской общины, восстановленные в советском гражданстве, пошли под начало Московской Патриархии и были приняты в общение с Матерью-Церковью епископом Кировоградским Сергием. Причисленные к Белградскому подворью, они ждали возвращения в Советский Союз, о чем было подано соответствующее ходатайство гражданским властям¹¹⁰.

По мысли Патриарха Алексия I предполагалось их поселить в Новодевичьем монастыре. В одной из бумаг глава Русской Православной Церкви писал: «В связи с намеченным переводом Богословского института и курсов из Новодевичьего монастыря в Москве в Троице-Сергиеву Лавру, — возникает вопрос о замещении освободившихся помещений... Лучше всего было бы открыть в нем женский монастырь, потребность в котором сильно чувствуется верующими. Однако наполнить монастырь одиночками, хотя бы при наличии опытной игумении, не является желательным. Было бы лучше осуществить перевод туда уже действующего женского монастыря с авторитетной игуменьей.

Таким монастырем, годным к переводу, является Леснинский монастырь в Белграде»¹¹¹.

Однако в Совете по делам религий при Совете министров СССР, контролировавшемся «охранительными» органами, решение вопроса затягивалось, несмотря на тревожные вести из Белграда, отношения которого с Москвой в 1948 г. резко ухудшились. В ноябре 1949 г. о. Иоанн Сокаль в письме к одному из иерархов (видимо к Владыке Сергию) сообщал: «Хоповско-Леснинский монастырь каждый месяц хотят выслать из Белграда, но посольство, слава Богу, отстаивает, ссылаясь на то, что они ждут переезда на Родину.

Американцы, узнавши об их тяжелом положении, уже дважды предлагали перевезти их на казенный счет в Америку, обещая им все выгоды и удобства. Об этом пишут им епископы Никон и Серафим, но матушка-игуменья Нина ответила, что она принадлежит Московской юрисдикции и поэтому не может быть никакого разговора о переезде к отколовшимся от Матери-Церкви... В случае ее смерти сестры вряд ли выдержат долго такую тяжесть жизни. Уже 7 лет они живут как бы на вокзале, не уверенные, что с ними будет завтра... Думаю, что больше года они такого испытания больше не выдержат»¹¹².

Эти слова оказались пророческими.

В 1949 г. на место умершей матушки Нины заступила монахиня Феодора. В самой Югославии наступили тяжелые времена для всех тех, кто каким-либо образом был связан с Москвой.

Тогда же начались гонения властей и на русских, в том числе и на инокинь. «Был изгнан в Албанию русский женский монастырь, составленный большей частью из наших Леснинских сестер, основанный матушкой Диодорой. Изгнан в полчаса без церковных книг и церковного имущества. Его участь боялась разделить матушка Феодора и решила с Божьей помощью перевезти обитель во Францию»¹¹³. И 31 июля тронулся поезд, увозящий насельниц в Париж. Вначале жили в приютившем их женском католическом монастыре в Сен-Клу, потом переехали в здание бывшей католической семинарии в местечке Фурке, расположенном в 17 км от столицы. В середине 1960-х годов французское правительство реквизировало усадьбу, в которой размещалась женская обитель. Новое пристанище монахини обрели в Провемоне, где и сейчас теплится русская свеча.

Судьбы священства были различны — кого-то ждала депортация, кого-то — тюрьма, кого-то — смерть.

В 1949 г. о. Владислав Неклюдов писал профессору Л. Н. Парийскому, с которым познакомился, когда тот приезжал в Белград в составе церковной делегации в 1946 г.: «Вообще же здесь для русских вообще, а для сов[етских] граждан в особенности становится все тяжелее... Вот что здесь происходит.

В связи с резолюцией Коминформбюро (29 июня 1948 года газета «Правда» сообщила об исключении Компартии Югославии из состава созданного Кремлем Коминформбюро, координирующего деятельность национальных коммунистических партий, учрежденного Кремлем в 1947 г. Сталин рвал с Тито, который не желал «слушаться» Москвы. — В. К.) местные власти стали подозрительно смотреть на всех сов[етских] гражд-

дан, подозревая их в неблагонадежности и даже в шпионстве. Многих лишили службы, многих — пенсии и очень много арестованных совершенно невинных людей... 11 мая в Сараево арестован русский протоиерей, настоятель находящейся в ведении о. Иоанна Сокаля, как благочинного, русской церкви. Ему, кажется, пришла виза на выезд в СССР, и он, получив из посольства в Белграде вызов, пошел доставать разрешение. Теперь мы, как “иностранцы”, не можем передвигаться без специальных в каждом случае разрешений. Когда он, пополняя бланк, написал, что едет по вызову посольства СССР, это вызвало неудовольствие. Вечером к нему пришли, произвели тщательный обыск, взяли пишущую машинку, радиоприемник, фотоаппарат и... всю наличность церковной кассы, а также, конечно, и его самого и посадили в узилище, где он безвестно пребывает и по сей день. Имя его — о. Алексей Крыжко... Он писал мне, что больше всего боится, что в последнюю минуту, когда придет так жадно ожидаемая им виза, его засадят и поездка сорвется. По-видимому, так оно и случилось»¹¹⁴. В итоге югославский народный суд приговорил о. Алексея за шпионскую деятельность к 11 годам заключения. Сидевший вместе с ним в тюрьме о. Владимир Родзянко в 1952 г. писал Патриарху Алексию I, что о. Алексей просил всем передать следующее: «Скажите там, что все клевета и никогда я никаким шпионом не был, а только лишь хотел быть верным своей Церкви, пастве и родине»¹¹⁵.

И еще одна жертва раздора Сталина с Тито — священник Владислав Неклюдов.

Он был арестован скорее всего летом 1949 г. по обвинению в намерении, по просьбе о. Алексея, обратиться в посольство СССР, которое могло бы ходатайствовать перед югославскими властями за невинно арестованных в Сараево. Как писал о. Иоанн Сокаль митрополиту Николаю (Ярушевичу), «эта просьба квалифицируется как шпионаж и за это подвергаются оба большой опасности»¹¹⁶.

9 декабря о. Иоанн Сокаль сообщал митрополиту Крутицкому: «В ночь с 29 на 30 ноября погиб о. Владислав. Это случилось накануне суда над ним в Сараево, куда его и переслали из белградской тюрьмы... погиб исключительно благодаря своей честности и доверчивости. Понятно, что такого человека они и не допустили до суда. Он был храбрый, мужественный и бесстрашный; беззаветно любил Родину и преданным ей остался до конца. Его совесть была чиста, и потому он не боялся смерти»¹¹⁷. (По другим данным, он погиб в белградской тюрьме¹¹⁸.)

Солидарного мнения об о. Владиславе был и о. Владимир Родзянко. Сообщая Патриарху Алексию I о гибели своего собрата, он писал: «Известны мне обстоятельства последних минут протоиерея о. Владислава Неклюдова. Он был поставлен в такое положение, что самое его появление на суде должно было бросить тень на Мать-Церковь Русскую и дать повод для вражды к ней Церкви Сербской. Он предпочел “положить жизнь за други своя” и без колебаний это сделал. “Самоубийством” было названо то, что церковь венчает венцом мученическим, потому что это не был акт отчаяния или безверия, но наоборот — сознательная жертва за церковь, веру и истину. Самых последних минут о. Владислава никто из сго тюремных товарищей лично вообще не видел»¹¹⁹.

Другая судьба выпала на долю архимандрита Антония (Бартошевича), ждавшего разрешения на въезд в СССР. Нельзя сказать, что о. Иоанн Сокаль не хлопотал за него перед Московской Патриархией: сохранились его письма к Патриарху Алексию I и митрополиту Николаю. В июле 1948 г. он писал главе Русской Церкви, что архимандрит Антоний «будучи одиноким, без всяких средств к существованию... терпеливо ждет уже 4-й год какого-либо назначения. Не получая ответа на поданные два прошения, он приходит в отчаяние и думает, что его надежда возвратиться на родину никогда не осуществится. В борьбе за существование он может уйти от нас и озлобиться, и мы лишимся хорошего инока и даровитого человека. Молодого монаха очень не хотелось бы подвергать искушению приходской жизнью. Оставить его у нас тоже не следовало бы, так как реакция сочтет его отвергнутым со стороны Москвы и сразу же будет группироваться возле него, как недовольного и обиженного. Это внесло бы расстройство в нашу приходскую жизнь. Самое подходящее для него место — это монастырь, где он мог бы организовать живописную школу, быть полезным и духовно сохраниться»¹²⁰.

В ноябре того же года о. Иоанн информировал митрополита Николая, что Синод Сербской Православной Церкви уговаривает архимандрита Антония занять должность преподавателя в семинарии и дает ему две недели на раздумья. «Если от Вас, — подчеркивается далее в письме, — не последует никакого ответа, то он физически принужден будет согласиться на это предложение. Сербь и сейчас иронизируют над его терпением в течение стольких лет»¹²¹.

Патриархия хранила молчание. В этой ситуации архимандрит Антоний решил вовсе покинуть Югославию, уехав в 1949 г. в Швейцарию.

В произошедшем Московский Патриархат нельзя упрекнуть — право принятия решений принадлежало не ему, а прежде всего Совету по делам религий при Совете министров СССР.

Страну покидали многие. Небольшое примечание: если вместе с немецко-фашистскими войсками покинула страну треть русских эмигрантов, то в начале 1950-х годов из титовской Югославии выехали $\frac{4}{5}$ из оставшихся еще русских людей. Причем 10% выбрали Восток, 90% — Запад¹²². Конечно, это не точные цифры, но тем не менее они дают общую картину происходившего.

Уехал протодьякон Александр Качинский. На чемоданах жила семья о. Иоанна Сокала — жена Мария Софроновна, дочь Нина, сын Анатолий. 14 июля 1948 г. в письме к Патриарху Алексию I он взывал о помощи: «В Белграде все знают, что я несколько лет прошу перевода... Если я не еду, то это объясняют тем, что я сам не хочу, так как нахожу, что на родине живется плохо, хотя я другим советую, или вообще тут священники не нужны, или меня считают недостойным, что унижает меня с моральной стороны. Дети мои советские граждане (многие русские приняли советское гражданство по Указу Верховного Совета СССР от 10.11.1945 г. и 20.01.1946 г. — В. К.) и, при изменившихся политических условиях, как иностранцы, должны будут уйти со службы. Все это расстраивает нашу семейную жизнь и приводит к отчаянию... Еще раз умоляю Ваше Святейшество принять меня на любую должность и в какое угодно место, главное лишь бы в этом году»¹²³.

Однако соответствующие органы не спешили давать «добро». 9 декабря 1949 г. последовал уже отчаянный вопль о помощи к митрополиту Николаю. «После Владислава, — взывал о. Иоанн, — хотят погубить и меня; на днях вызывали дочь и сообщили, что нашу семью считают врагами югославского народа; это за все то доброе, которое мы оказали им, посвятивши лучшие годы нашей жизни, причем еще добавили, что нам здесь места нет. А когда мы сказали, что ждем визы, то на это представитель Мин[истерство] Внутр[енних Дел] — подполковник заявил: “Ее вы подождете в другом месте”. Положение очень тревожное и поспею сердечно прошу принять все возможные меры к ускорению визы»¹²⁴.

В конечном итоге это обращение возымело свое действие. Виза была получена, и в начале 1950 г. о. Иоанн Сокаль с семьей прибыл на родину, получив вскоре назначение ректором в Саратовскую духовную семинарию.

В этой ситуации все заботы о храме и пастве легли на плечи о. Виталия Тарасьева, а затем его сына Василия. Он родился в 1932 г. После войны закончил богословский факультет Белградского университета. Заботился о русских могилах на кладбищах Югославии. Как и его отец, он крестил, венчал, исповедовал и укреплял в вере. Я помню его, как вечно куда-то спешащего, озабоченного вереницей нескончаемых дел, которые при его безотказности только множились. Скончался в 1996 г. и похоронен рядом с отцом у северной стены храма Св. Троицы, своеобразным фундаментом которого стала русская земля, увезенная для памяти смертной и живой изгнанниками. Сейчас в церкви трудится уже третий представитель семьи Тарасьевых, окормляя свою православную паству.

Три праздника русской эмиграции

Бессмертное счастье наше
Россией зовется в веках.
Мы края не видели краше,
а были во многих краях.

Но где бы стезя ни бежала,
нам русская снилась земля.
Изгнание, где твое жало,
чужбина, где сила твоя?
Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы России
незримо сопутствуют нам.

Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных,
за ими внушенную думу,
за каждую песню о них.
Наш дом на чужбине случайно,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен.

В. Набоков

Эмиграция создала три праздника: День непримиримости (7 ноября), День русского просвещения (25 января) и День русской культуры (6 июня). Если с первой датой были споры: тут можно было вспомнить для порядка и февральскую революцию, «породившую» октябрь, и различное отношение к русскому самодержавию и Советам, выступавшим, бывало, преемниками царской России по защите рубежей Отечества, то с просве-

пением и культурой каких-либо расхождений не наблюдалось. Более того — оба праздника объединяла идея служения народу и здесь трудно провести какое-либо резкое разграничение этих феноменов, этих вечных спутников человечества. И в эмиграции суть культуры можно было обозначить через три великих слова: Бог, традиция и свободное творчество. Суть просвещения, как соподчиненного культуре феномена, заключалась в постулате: истинное просвещение должно соединять в себе умственное образование с нравственным.

Начну с Татьянина дня, праздника студенчества Московского университета. В эмиграции славная дата приобрела всеобъемлющий характер праздника русского просвещения. И для этого имелись все основания. За время революции и Гражданской войны за пределы «красной» России были «выброшены» сотни профессоров и преподавателей вместе со своими учениками. В разных странах русского рассеяния оказались десятки тысяч семейств, озабоченных получением или продолжением образования для своих детей. Судьба молодежи волновала практически всю эмиграцию, видевшую в ней строителей нового Отечества. Еще в разгаре Гражданской войны, в мае 1920 г., Константинопольское совещание представителей правительственных и общественных организаций за рубежом под председательством генерала А. С. Лукомского возложило обязанности по организации школьного образования на Всероссийский союз городов, деятельность которого финансировалась правительством П. Н. Врангеля. Помощь оказывал и Американский Красный Крест. В дальнейшем свою лепту вносили другие организации и правительства стран русского рассеяния. В новых условиях первоочередная задача учителей состояла в том, чтобы дать своим подопечным образование, необходимое в бытии вдали от Родины и для жизни в будущей России, свободной от большевиков. При этом преподаватели были прямо заинтересованы в создании дающих им заработок учебных заведений.

В том же Королевстве СХС русские просвещенцы делали все от них зависящее, чтобы вырастить молодежь образованной и любящей свою Родину. 4 июля 1921 г. был основан Союз русских педагогов (Бульвар Освобождения, 8), объединявший несколько сот учителей, состоящих в подавляющем большинстве на сербской государственной службе, в основном по Министерству просвещения. В руководство Союза входили: председатель — чиновник министерства просвещения Королевства Владимир Игнатьевич Гринь, бывший инспектор Дедовщинского высшего начального училища Киевской губернии, первый заместитель — преподаватель Бел-

градской государственной средней технической школы Иван Александрович Аносов, выпускник Харьковского технологического императора Александра III института, второй заместитель — Федор Федорович Балабанов, преподававший, как и Гринь, в том же училище, секретарь — чиновник министерства просвещения Королевства Николай Павлович Успенский, выпускник юридического факультета Варшавского университета¹²⁵.

К середине 1925 г. на югославской земле действовало 17 школ с 2 820 воспитанниками. Причем восемь школ, в которых училось 2 240 детей, содержались полностью на государственный счет, остальные получали субсидии от королевских властей¹²⁶. Педагогический персонал насчитывал примерно 300 человек¹²⁷. В октябре 1923 г. русские школы были подчинены в педагогическом отношении (программы, персонал) министерству народного просвещения. Все русские учебные заведения находились в ведении Государственной комиссии, осуществлявшей руководство через Учебный совет во главе с профессором Н. А. Пушиным.

В наиболее благоприятном положении по многим критериям была Первая Русско-Сербская гимназия в Белграде, открывшаяся в октябре 1920 г.

Педагог И. М. Малинин писал: «Здесь, в земле сербского народа, мы нашли особо благоприятные условия для устройства русской школы: благорасположенность хозяев страны и почти полную свободу действий для нас. И тем не менее тяжелы были первые шаги к осуществлению гимназии. Не просто было найти для этого немалые средства, трудно было отыскать легальный титул в законах, не знавших подобных школ... Нужен был человек неутомимой настойчивости, чтобы преодолеть бесчисленные большие и малые препятствия и трудности. И жизнь выдвинула его в лице Владимира Дмитриевича Плетнева. Человек живой мысли, упорный в осуществлении своих намерений, он целые дни, недели искал, просил, убеждал. Его ближайшим сотрудником, на которого пала тяжелая доля этой тяжелой работы, был Петр Иванович Рудченко, потом преподаватель русского языка и политической экономии; ему приходилось иметь дело с утомительными, мелкими, невыигрышными сторонами организованного большого дела. Но их энергия оказалась бы бесплодной, если бы эту задачу не взял на себя в нужный момент Александр Иванович Белич, профессор Университета, секретарь Королевской Академии наук, ныне Председатель Государственной Комиссии по делам русских беженцев (Державной Комиссии), в то время член этой Комиссии. В прошлом связанный с русскими университетами, прекрасно говорящий по-русски,

знающий Россию и русских, он оказал решительное влияние, и вопрос о гимназии получил благоприятное направление. Державная Комиссия, руководимая ее первым председателем, другом русских... профессором Белградского университета Любомиром Йовановичем, дала материальную возможность осуществления гимназии, и 15 октября 1920 года начался первый урок Первой русско-сербской гимназии в Белграде»¹²⁸.

Перед учителями стояла сложная задача: не только дать знания, но и воспитать детей в православии, любви к Родине своих предков, к славянству. Они стремились не допускать какого-либо разрыва между национальным воспитанием и воспитанием в православном духе. Уже само название учебного заведения свидетельствовало о стремлении ее отцов-основателей сделать все, чтобы гимназические выпускники, оставаясь русскими, сохранили «и понимание и знание и любовь к стране, которая в тяжелые годы проявила себя истинным, бескорыстным другом... эти воспитанники должны были быть залогом будущей тесной связи между двумя народами»¹²⁹.

Если при открытии в ней было 90 учеников, то через десять лет — 250¹³⁰. Состав был поначалу сложным: много переростков в старших классах — 23—25 лет, пять процентов учащихся были нервноболезные (эпилептики, истерички и пр.), страдающие от последствий ранений, имелись и «бездомные» (у одних — родители остались в России, у других — потерялись во время эвакуации, у третьих — отчаянное материальное положение), для которых был создан первым директором гимназии Плетневым интернат в Топчидере¹³¹. Особенностью первых лет было и то, что «в старшие классы приходили юноши, украшенные знаками отличий из воинских русских частей, из рядов сербской стражи на пограничных горах, из рудников и с шоссейных работ. Все они сознательно хотели учиться, все имели большой и тяжелый жизненный опыт. Они первые дали гимназической работе тот характер серьезности и напряженности, который и ныне остается традицией гимназии... Рфераты и семинарские занятия стали естественной частью гимназического учебного плана»¹³². При этом «непреходящие ценности русского творчества» оставались «главным воспитательным материалом, под влиянием которого формировались души ее учащихся». И гимназия не отказывалась от знакомства своих питомцев «с творчеством тех русских людей, которые остались на родине и отражают в своих произведениях неумирающую душу родного русского народа»¹³³.

И, пожалуй, основная задача русских водителей русских детей состояла, повторю, в сохранении в их душах образа Родины. Достаточно выра-

зительно и в то же время профессионально об этом высказался И. М. Малинин: «Наши дети живут либо в небольшой и замкнутой русской среде (в закрытых учебных заведениях), и потому неизбежно однообразной и относительно бедной по содержанию; или, оставаясь при родных, большую часть времени находятся под влиянием, хотя и родственной, но не родной все-таки стихии. Вместо прежнего нормального мощного и непрерывного воздействия родины, которое незаметно просачивалось в душу ребенка и большими и малыми путями, теперь имеют место лишь разрозненные и случайные влияния. Нетрудно заметить и результаты такого положения; они даже внешним образом сказываются на языке детей. В этом отношении мы вовсе лишены оживляющего действия народного языка. Наши дети знают лишь язык литературный (если и его знают), язык взрослых, или окружающих. Русские поговорки, пословицы, меткие народные словечки не вошли в их лексикон. Но есть и иные грозные опасности. Зрительные впечатления от родины заменить ничем нельзя. Русские картины природы, русские народные платья, русская деревня, русский город, просто, наконец, русские лица, — все это неизвестно и, в качестве первых незабываемых детских впечатлений, останется неизвестным. А ведь именно тут-то и ложится глубокий фундамент будущей сознательной любви к родине. Перед нами стоит задача, если мы не хотим потерять наших детей для России, заменить все это недостающее каким-то, пусть искусственным, пусть недостаточным, но планомерным и настойчивым действием. Эту задачу должна взять на себя русская школа и, избавив ребенка от того безобразного переобременения, которое имело место до сих пор, научить его чувствовать себя русским и хотеть быть русским.

Но есть некоторые особенности нашей жизни в изгнании, которые осложняют, казалось бы, ясную задачу воспитания в национальном духе.

Есть педагогическая опасность в том, что в животворящее и бодрое чувство любви к родине вносится и нечто от политики.

Есть опасность в том, что преподаватели, склонные критически и отрицательно относиться к явлениям нашей прошлой исторической жизни, сообщать эти мысли свои умам, еще юным и не могущим в должной мере самостоятельно разобраться во всем сообщаемом. Есть возрасты, когда на первом плане должен быть расцвет и подъем тех или иных возвышенных чувств. И нельзя преждевременно вызывать критические мысли без неоправданного в дальнейшем угасания чувства. Нечего говорить уже о том, что при патриотическом настроении большей части нашей молодежи такой

характер преподавания неизбежно будет производить оскорбительное впечатление на молодую душу, и, конечно, лишит школьные занятия того воспитательного значения, какое столь необходимо придать им.

Но есть и другая опасность, с другой стороны. Не умея отделить самые дорогие свои политические мечтания от чувства любви к родине, преподаватели настолько сливают их в своем изложении на уроках, во всех приемах воспитания национального чувства, что самое понятие родины исчезает за определенными политическими формами, даже порой за определенными именами и лицами, исчезает и подменяется ими»¹³⁴.

Это писал учитель. Теперь предоставлю несколько строк из воспоминаний гимназистки И. А. Иловойской: «Что было замечательно в гимназии, это то, что люди, которые могли искать еще какой-то работы — среди них было немало профессоров университета, — пошли работать за ничтожные деньги в эту гимназию. С совершенно точной и ясной целью: воспитать еще одно русское поколение. Они не знали, будет ли еще, но то, которое было у них в руках, они хотели воспитать как русское поколение. И они это сделали. Если бы не они, во-первых, я бы забыла русский язык, как его забыло большинство, которое не училось в русских учебных заведениях. Кроме того, у меня не было бы чувства принадлежности к России, хотя бы и не существующей. Меня страшно раздражало, когда на каких-нибудь собраниях или торжествах играли царский гимн “Боже, царя храни”. Я каждый раз думала, какого царя, и почему мы должны петь это. И я не пела. Но я вообще не пела, потому что я петь не умела, я совершенно без слуха и неспособна петь. Но независимо от этого. Даже если бы я была одаренной певицей, я бы не пела. Потому что я, будучи очень молодой, считала это полным nonsensom. Но вот это чувство, что все-таки Россия — это то, из чего вытекает моя жизнь и с чем она связана, было очень сильно, и им я обязана гимназии даже больше, чем моей семье. И флаг трехцветный поднимался. Господи, а почему я так всегда готова плакать, когда я вижу русский флаг, даже входя в Кремль»¹³⁵. Вот так старались просвещать детей!

Назову здесь только несколько имен учителей.

Владимир Дмитриевич Плетнев с его знаменитым призывом «думайте!», «проникавшим во все уголки ученической жизни»: «кто не хотел думать добровольно, тех заставляли». «Гимназия — это мы и вы, — говорил он, обращаясь к своим питомцам, — процветание гимназии и ее авторитет зависит от вас самих, а потому относитесь со всей серьезностью к вашей работе»¹³⁶.

В его гимназии размышляли о Чаадаеве, о славянофилах и западниках, о проблеме «Россия и Европа» у Н. Данилевского, К. Леонтьева, евразийстве, о книге А. Салтыкова «Две России»¹³⁷.

Возвращаясь в тогдашнюю атмосферу, один из учеников вспоминал: «Пугали и возмущали мрачные “Письма” Чаадаева, его мысли о какой-то бессмысленности всей русской истории, о нашей оторванности от Запада, “силлогизм которого (будто бы) нам неизвестен”; разделялись мнения — нужно ли нам идти с Европой, по зову западников, или мы этим путем лишь окончательно исказим свою “самобытность”, как учили славянофилы; привлекал Достоевский с его примирительными мыслями о том, что “у нас русских две родины: Россия и Европа”; а вместе с тем какой-то романтической прелестью веяло на нас от евразийского желания уйти прочь от Европы, на Восток, в Азию...»¹³⁸

Михаил Александрович Георгиевский (1888, г. Бежица, Брянская губерния — 1950, Москва) был сыном прачки и рабочего. Учился на «медные гроши». В 1913 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, на котором был оставлен как преподаватель-доцент (1913—1917 гг.). В 1918—1919 гг. — доцент Варшавского университета, эвакуированного в 1915 г. в Ростов-на-Дону. В конце 1919 г. МАГ, так по инициалам называли его в Национально-трудовом союзе нового поколения (НТСНП, сейчас НТС), прибыл в Королевство СХС.

Сама организация «новопоколенцев» была создана в 1930 г. в Белграде. В ее программе были записаны положения, предусматривавшие ниспровержение коммунистической власти, как режима террора, произвола и нищеты, — возвращение стране исторического имени «Россия», защита территориальной целостности Российского государства, свобода и право населяющих его народов на национально-культурную самобытность, освобождение заключенных, установление свободы вероисповедания, политические свободы, законность, право на труд, свобода труда и равенство возможностей для всех граждан, утверждение права частной собственности, «оправданной трудом и ограниченной интересами нации и государства», создание строя, основанного на началах трудового солидаризма и делового сотрудничества, «недопущение» классовой борьбы¹³⁹.

В столице Королевства Георгиевский стал преподавать древнееврейский язык на богословском факультете Белградского университета (1920—1929 гг.), латинский и русский языки, историю и философию в Первой русско-сербской гимназии в Белграде (1920—1939 гг.), был в числе основателей

археологического общества в Королевстве (1921 г.), членом Русского научного общества в Белграде (1928 г.), исследователем памятников ассирийского законодательства и пионером в исследовании так называемого «Винчанского письма». На Втором съезде НТСНП в декабре 1931 г. в Белграде МАГ был избран генеральным секретарем Исполнительного бюро Совета союза. «Вторжение немцев в Югославию крайне осложнило положение Георгиевского. Каким-то образом, вероятно, от немецкого агента в среде русских белградцев, гестапо узнало о его враждебных гитлеровщинах взглядах, — писал в своей статье Р. В. Полчанинов. — После занятия Белграда немецкими войсками М.А. был вынужден скрываться у друзей в Сремской Митровице. Вернулся он в Земун (пригород Белграда. — В. К.) после учреждения самостоятельной Хорватии, вассала Италии. Гестапо уважало эту самостоятельность, но посещать Белград он не мог, его арестовали бы и отправили бы в немецкий концлагерь». При приближении Красной армии он пытался уйти к друзьям в Венгрию, но в Батайнице был схвачен партизанами Тито и передан СМЕРШу¹⁴⁰. В книге Ю. А. Трегунова есть иная картина обстоятельств ареста, изложенных со слов самого Георгиевского: «Жил в Земуне несколько недель после прибытия туда советских войск. Раз поехал на велосипеде за молоком, а его нагоняет, тоже на велосипеде, солдат из комендатуры, и говорит ему: “Вы — товарищ Георгиевский?” — “Да — я” — отвечает Георгиевский. — “Вы к нам на полчаса зайдите в комендатуру”. — “Да я сейчас зайду, только вот за молоком съезжу и домой отвезу”. — “Да нет, — говорит солдат, — вы сначала к нам в комендатуру, а за молоком уже потом”. — “Поехал я в комендатуру”, — рассказывал мне Георгиевский. “В комендатуру-то прибыл, а вот за молоком до сего дня сходить не могу”»¹⁴¹. На закрытом заседании в Москве 25.07.1950 был приговорен к смертной казни и расстрелян 12.09.1950 г.¹⁴²

Иван Михайлович Малинин. До 1917 г. приват-доцент Новороссийского университета. С 1924 г. директор и преподаватель мужской Руско-сербской гимназии в Белграде. Руководитель программной комиссии Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей; председатель Общества преподавателей русских учебных заведений в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Автор книги «Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина. К вопросу о психологии бунта. Психоаналитический опыт» (Белград, 1934)¹⁴³. Какое странное исследование для учителя, не правда ли? А может быть и закономерное у тех, кто хотел понять и даже объяснить «возмущения» души!

Лев Михайлович Сухотин, автор многочисленных учебников и исследований по русской истории. Бывший член Императорского объединения по истории и русской старине при Московском университете. В 1931—1941 г. был директором и преподавателем латыни и истории Русско-сербской женской гимназии, член многих объединений и сотрудник журналов. Написал учебники истории для югославских средних школ. Любитель русской поэзии. Издал за свой счет книгу «Любовь в русской лирике XIX в.» (Белград, 1927)¹⁴⁴. Во время его директорства в школе действовали национальные объединения для средних и старших классов. Для старшеклассниц читались лекции о русской культуре (профессор Б. Велихов), об Иннокентии Иркутском и Стефане Пермском (М. Георгиевский), о русской живописи до XIX в. (г-жа Л. Шрамченко) и др.¹⁴⁵ Они учились великолепно русскому на спектаклях «Горе от ума», «Ревизор», «Бедность не порок», «Волки и овцы», «Гроза», «Дворянское гнездо», «Вишневый сад», на выступлениях Н. В. Плевицкой, слушая духовные концерты хоров Кузьменко, Гринкова¹⁴⁶. В его школе девицы учились мыслить в сочинениях на такие темы: «Самопожертвование и себялюбие», «Служение родине», «Как развить в себе силу воли», «Русская женщина», «Современные искания вождей человечества», «Жизнь есть непрерывное испытание», «Нужна ли нам русская школа»¹⁴⁷. Результат? Девочки в старших классах зачитывались «Толстоевским» (Толстым и Достоевским), при этом победу одерживал певец «всемирного духа». Из современных писателей — Димитрием Мережковским¹⁴⁸.

Много ли это или мало, не так уж важно: главное — дать взойти в своей душе прекрасному, доброму, вечному. Каждый старался растить свой душевный цветник, учащие и учащиеся стремились создать атмосферу не музейной России, а живой, чтобы можно было сказать — «здесь Русью пахнет».

А все же, можно и нужно задаться вопросом, а какие мысли бродили в головах самих детей? И здесь будет, я думаю, уместно привести выдержку из воспоминаний выпускника философского факультета Белградского университета Н. М. Февра (06.03.1907, Харбин — ?), редактора знаменитого журнала «Бух!!!»: «...20 января 1920 года английский угольщик “Вотан”, стоявший на одесском рейде, принял меня в свою неуютную утробу для того чтобы сделать из меня политического эмигранта, в моем ученическом билете значилось, что я был кадетом Киевского Кадетского Корпуса и имел двенадцать с половиной лет отроду. Таким образом, в момент оставления мною родины, мое отношение к большевикам исчерпывалось

лишь чувством благодарности за то, что они оторвали меня от скучной школьной парты и бросили на огромный английский корабль, который повезет меня не то в Турцию, не то в Африку, и может быть даже в саму Америку, родину Всадника без головы, Кожаного чулка и Ястребиного когтя. То обстоятельство, что корабль привез меня не в Америку, а на Балканы и забросил в недра Боснии, в течение всех лет, отданных средней школе, не изменило моего отношения к большевизму, тем более, что боснийские минареты, фески и чадры, до некоторой степени вознаграждали за отсутствие майн-ридовской экзотики. Позже— университет и затянувшийся на несколько лет жестокий поединок с жизнью за право занять в ней какое-то место, тоже мало способствовали вдумчивому освоению того, что произошло на моей родине и выяснению собственной позиции в этом вопросе. А еще позже, читая советскую и эмигрантскую литературу о революции и гражданской войне, а равно советские и эмигрантские газеты, отражавшие, каждые по-своему, нынешнюю жизнь на родине, я одинаково не верил полностью ни тем, ни другим, предполагая, что правда находится где-то посередине... Я был представителем того поколения русской эмиграции, которое выросло и сформировалось на чужбине. А это обстоятельство не могло не сказаться на нашем поколении. И оно сказалось по-разному. Молодое эмигрантское поколение в общем делилось на три неравные по количеству группы. Первая группа, к чести нашего поколения самая малочисленная, состояла из тех, кто совершенно отрекся от всего русского и растворился в новой среде, стараясь сделаться хорошим французом, немцем или сербом. Вторая, более значительная группа, двинулась по старым проторенным политическим тропам, пытаясь установить на них какие-то новые вехи и варилась в эмигрантском соку, внося немного оживления в унылую сутолоку серых будней. И, наконец, третья, самая многочисленная группа, состояла из тех, кто не забыл, что он русский, но и не пристал ни к одной из эмигрантских группировок, не веря чужому опыту, в столь важном жизненном решении, как определение своего отношения к происходящему на его родине. Представители этой группы росли какими-то дичками на пестром эмигрантском поле, бессознательно ожидая какого-то своего момента, когда они сами, без посторонней помощи, смогут занять ту или иную позицию к происходящему на их родине. И, если бы в этот момент, они убедились, что большевизм хорош и необходим русскому народу, то так же легко стали бы его искренними сторонниками, как убевившись в противном, сделались бы его заклятыми врагами»¹⁴⁹.

Только одно замечание: в третью группу входили не только «дети», но и «отцы», принимавшие охотно после 1944 г. гражданство освободительницы и победительницы фашизма советской России.

Но это рассуждения уже взрослого человека, мужчины. А с какими чувствами выходили дети из стен гимназии? Пожалуй, лучше иных выкладок и «скучной прозы» прозвучит здесь стихотворение «Прощание со школой», прочитанное летом 1934 г. выпускницей Мариной Франк:

В последний раз мы в нашей милой школе,
Такой родной и памятной для нас,
И столько слез, и столько жгучей боли
В простых словах: «мы здесь в последний раз»...

Мы родились и все растем чужие,
Без родины, без светлых русских снов,
Не знаем радостей неведомой России,
Не знаем запаха своих родных лесов...

Но здесь, вот в этой милой-милой школе
Вошла любовь в открытые сердца.
Нас научили в нашей горькой доле
Россию ждать и верить до конца,

Что все пройдет, что мощь России вечна,
Что в мире нет прекраснее страны,
Что русский дух нам дорог бесконечно,
Что мы для Родины растем и рождены...

... Прощай же, школа — уголок России,
И наша церковка, и милый старый класс,
Прощайте все, нам близкие, родные,
Кто нас учил и так взлелеял нас...

В своей душе, во всех ее изгибах
Мы унесем с собой в огромный свет
Одно святое, детское «Спасибо».
Да сохранит Вас Бог на много, много лет¹⁵⁰.

Если о гимназистах и гимназистках помнят стены Русского дома, то о русских студентах хранит память Белградский университет. Многие его питомцы пришли на студенческую скамью уже имевшими за плечами Гражданскую войну, кадетские корпуса. Быть студентом в то время было тяжело. Но... платилась стипендия в 400 динаров, немногим меньше заработка чернорабочего. Предоставлялось общежитие, правда, весьма мало напоминавшее жилье. Картинку барачков, предоставленных молодежи, на Делиградской вблизи всем белградцам знакомой гостиницы «Славия» спишу из воспоминаний А. Росселевича: это были постройки «с прогнившим полом, двери были поломаны, окна без стекол, крыша с большими дырами... Под полом были крысы и масса тараканов». Правда, к весне 1922 г. бараки снесли и студентов переселили в более приемлемое для жилья строение¹⁵¹.

Для русских студентов были устроены четыре общежития примерно на 300 коек, имелись столовая, амбулатория¹⁵².

К 1925 г. в Белграде действовало и три женских студенческих общежития, а также два смешанных, где жили и не студентки. Первые три субсидировались Державной комиссией, а последние действовали на деньги самих проживавших и с помощью Клавдии Андреевны Адамовой, «попечительницы и создательницы всех женских общежитий в Белграде». При общежитиях была и своя кухня, где за 200 динаров студентки, которым платили стипендию, могли питаться¹⁵³. Кроме удачливых «студизусов», получавших стипендии, в университете училось, не получая никакой помощи, еще около 300 человек¹⁵⁴.

Был и свой Союз русских студентов, начавший деятельность 28 февраля 1921 г. В 1925 г. в нем состояло 470 человек: на техническом факультете — 180, философском — 100, медицинском и агрономическом — по 80 на каждом, богословском — 20, юридическом — 10. Все они занимались еще и в своих кружках по специальности для более прочного усвоения знаний, получаемых на лекциях¹⁵⁵. Но путь к образованию у некоторых был тяжел: сказывался недостаток знаний, да и перерыв на революции и Гражданскую войну давал о себе знать. Соответственно, у таких студентов были «хвосты» и, как следствие, лишение некоторых льгот, положенных успевающим их сокурсникам. Сложившаяся ситуация стала причиной появления в 1923 г. любопытного воззвания к «Русскому студенчеству Белграда». Его суть видна из сохранившегося в ГА РФ ответа на него студента Ростислава Павловского, писавшего: «... Вы протестуете против того, что не занимающиеся и не учащиеся студенты лишаются права

пользоваться столовой, библиотекой, кассой взаимопомощи, общежитием и т. п. и забываете основное положение государства, Вас приютившего и на средства которого Вы здесь живете (ибо никто из Вас не отказывается от стипендии, выдаваемой Державной Комиссией) и благотворительных организаций Вам помогающих — давать это право только студентам, удовлетворяющим академическим требованиям. Вы оказываете медвежью услугу неимущему, наиболее нуждающемуся русскому студенчеству, отстаивая безответственную, безымянную группу лиц, стесненных вопросом о сдаче учебного минимума»¹⁵⁶. Здесь интересен не закономерный финал этой истории, а то, что известная в царской России студенческая взаимопомощь в новых условиях давала сбой. На первое место ставилась учеба для той же будущей России, о которой так мечтала молодежь.

Немного цифр. В 1928/29 учебном году получили высшее образование 1 409 человек, в 1929/30 — 1 263, в 1930/31 — 1 216, в 1931/32 — 1 086, в 1932/33 — 832, в 1933/34 — 702, в 1934/35 — 607, в 1935/36 — 512, в 1936/37 — 520, в 1937/38 учебном году — 517¹⁵⁷. В 1937/38 уч. году в Белградском университете было больше всего студентов — 456 (326 мужчин и 130 девиц).

Теперь коротко о распределении по факультетам: на юридическом обучалось 65 студентов, на философском — 93, на медицинском — 52, на техническом — 200, сельскохозяйственном и лесном — 38, богословском — традиционные 20, ветеринарном — 19, экономическо-коммерческом — 17, в музыкальной академии — 10, в академии искусств — 3 учащихся¹⁵⁸.

При этом надо добавить, что для выпускников кадетских корпусов имелись ограничения. В 1921 г. их не принимали на агрономический факультет, а на технический — вообще никого из русских. Русская молодежь могла быть зачислена на философский, физико-математический факультеты, химическое отделение, и только через год можно было перейти на технический или агрономический факультеты¹⁵⁹. И здесь, видимо, ничего не могла сделать и Державная комиссия, прозванная в студенческой среде грозным именем «Чека»¹⁶⁰. Запрет можно объяснить массовым наплывом именно на эти факультеты, и сербы, замедляя поступление туда, возможно по причине национального протекционизма, предполагали, что определенная часть студентов в течение года отсеется вообще, а другая задержится на том же философском.

И тем не менее в университет текла русская река из желавших учиться. От руководства, судя по опросным листкам Союза русских студентов, они

просили немного: кто-то ботинки, кто книги и учебные пособия, кто общежитие, кто моральную и материальную помощь¹⁶¹.

Среди студентов были и полковники и даже один генерал-майор, а офицеров низших чинов было несть числа¹⁶².

Особенно было много галлиполийцев. В сентябре 1922 г. с албанской границы Королевства прибыла в Белград для поступления в университет первая значительная партия галлиполийцев (35—40 человек), образовавшая «Группу студентов-галлиполийцев при Белградском университете», председателем которой был полковник Лихачев. Вначале они ютились на чердаке одного из студенческих общежитий, потом при поддержке правления Белградского студенческого союза могли занять две комнаты в старой казарме на Неманьиной улице. В ноябре 1923 г. прибыла новая партия студентов-галлиполийцев. К 1924 г. их было уже около 200 человек, из которых на техническом факультете училось 85 человек, на философском — 31, на медицинском — 14, на юридическом — 9, на агрономическом — 36, и на богословском — 1 человек. Все они мечтали вернуться в дорогую Россию «полезными и деятельными работниками и, чтобы поскорее восстановить измученное отечество, вернуть ему былую мощь и славу»¹⁶³. Но жизнь судила иначе. И у многих она напоминала авантюрный роман.

Здесь можно назвать Ольгу Николаевну Кабанову (1898—21.08.1985, Сан-Франциско), внучку профессора медицины. В мировую войну, подобно кавалерист-девице Надежде Дуровой, под именем Олега Кабанова пошла на фронт, воевала, была ранена. Награждена за проявленную доблесть Георгиевским крестом. Воевала в Гражданскую войну. В эмиграции, обосновавшись в Королевстве СХС под именем Олега, училась на медицинском факультете. В середине 1920-х годов открылась своему другу П. Н. Завадскому, вышла за него замуж. Впоследствии оба стали специалистами, известными в Югославии людьми. Можно назвать еще и врача-отоларинголога из донских казаков — Александра Васильевича Дьякова, окончившего в 1926 г. медицинский факультет и работавшего в Российском обществе Красного Креста в Панчево.

Не могу не сказать и об академике Сербской Академии наук и искусств Константине Петровиче Воронце (30.01.1902, Киев — 19.10.1974, Белград). Питомец Белградского университета (1921—1925 гг.), он зарабатывал в студенческие годы тем, что дробил камень для укладки Авальского шоссе, разносил воду для жителей городских районов Сеньяка и Топчидера. Потом, уже после окончания университета, он пробовал себя и жизнь проверяла его на разных местах. Вначале была работа преподавателем ма-

тематики в гимназии в провинциальном Крушевце, потом, в 1931 г., уехал в Париж, где по рекомендации знаменитого Дмитрия Павловича Рябушинского, стал трудиться в технической дирекции министерства воздухоплавания, в Институте механики флюида. Именно с этой научной областью К. П. Воронец свяжет в дальнейшем свою научную деятельность, принесшую ему мировую известность. В 1935 г. он защитил в Парижском университете докторскую диссертацию и возвратился из охваченной экономическим кризисом Европы в Белград. Но в университете места для него не нашлось, и он стал работать в страховом обществе «Феникс», руководителем математического отделения. Только после войны он смог заняться вплотную наукой, будучи зачисленным в штат университета, где к тому времени прошла «чистка» ученых, не внушавших доверия новой власти. В 1947 г. он стал и сотрудником академического Математического института. Свой вклад он внес и в основание и развитие югославского Общества механики. Стремительный взлет в науке был отмечен избранием в 1958 г. в академики. Учебники профессора Воронца, его научные труды продолжают служить студентам, специалистам. К этой «справке» добавлю, что он был любим студентами, к которым не придирался на экзаменах, всегда помогал тем, кто обращался к нему за консультацией, даже в тех областях, которые не входили в сферу его научных интересов, умея «приоткрыть дверь» для нахождения правильного решения. Был блестящим игроком в бридж и в шахматы, играя на четвертой доске в составе университетской команды¹⁶⁴.

Среди русских выпускников были и такие, которые получили известность в иных сферах, отличных от полученной специальности. Чтобы не утомлять читателя перечислением, назову только одного: в университете слушал лекции потомок по материнской линии пиита и воспитателя Александра Благословенного Василия Жуковского и родственник по отцовской линии братьев Киреевских Михаил Дмитриевич Каратеев (1904, Фрейберг, Германия — 24.10.1978, Монтевидео), прошедший Гражданскую войну, трижды раненый, отмеченный Георгиевским крестом. В Королевстве СХС закончил в 1921 г. Крымский кадетский корпус, потом, уже в Болгарии, Сергиевское артиллерийское училище. В 1924 г. стал студентом Белградского университета. Завершил образование в 1933 г., находясь в Бельгии. Защитил диссертацию, получив ученую степень доктора химических наук. Был командиром роты на русских военно-училищных курсах, созданных по инициативе Врангеля. Произведен в чин штабс-капитана. Потом в числе первых переселенцев уехал в Южную Америку,

куда перенаселенная русскими Европа «сплавляла» «лишних людей». Там обосновался в Уругвае, стал известен своими историческими романами из серии «Русь и Орда», а также романами из жизни эмиграции на Балканах и в Парагвае¹⁶⁵.

Не все могли стать студентами университета. А «выбиться в люди», иметь хорошую и надежную специальность, получать приличные деньги хотелось всем. И спрос рождал предложение. 16 марта 1922 г в здании Белградской мужской гимназии по улице Пуанкаре открылся возглавляемый А. К. Имшенецким Русский высший коммерческий институт, работавший по программе Белградской торговой академии и находившийся под покровительством министерства торговли и промышленности. Большинство его студентов (около ста человек) составляли бывшие офицеры, решившие пойти в торговлю в надежде на быстрое обогащение¹⁶⁶. Но насколько оправдались эти ожидания, неизвестно: лавочки открывались, бывало, на несколько дней, чтобы прогореть и оставить хозяина на мели.

Но многие офицеры все же предпочитали торговле овладение техническими специальностями на появившихся в 1921 г. различных курсах. Полученные там знания давали возможность найти неплохой заработок. Одновременно курсы позволяли «подготовить для будущей России кадр технических работников, нужда в каковых будет огромна, когда Россия начнет возрождаться»¹⁶⁷.

К 1924 г. только в Белграде работали курсы — педагогические, домостроительных десятников, высшие коммерческие, межевые — пользовавшиеся наибольшей популярностью, так как позволяли легко найти уважаемую крестьянами работу. Правда, свободный вначале прием на курсы потом был ограничен по возрасту (не свыше 35 лет к моменту поступления), так как успеваемость резко падала у тех, кто был старше. Насколько материальные условия у великовозрастных студентов были тяжелы, можно судить по тому факту, что учащиеся одних из курсов установили «очередь на хождение на похороны в качестве факельщиков, т. к. такой заработок считался завидно легким»¹⁶⁸.

Все это относилось к тем кто начинал работу на благо Королевства, которое давало им и заработок, в основном за пределами Белграда.

Теперь совсем немного о русских выставках творческих работ русских талантов, нерегулярно устраиваемых в столице. О них я уже писал в первой части. Но считаю своим долгом коснуться этой темы и здесь, полагая, что эта сфера связана с просвещением, знакомством прежде всего сербского общества с русскими мастерами. Не желая утомлять читателя пере-

числением имен, работ, областей искусства, в которых трудились русские, ограничусь стихотворением Е. Журавской о русской выставке, открытой в здании университета 24 августа 1924 г.:

Со всех концов земли любезной
Мы принесли сюда вчера
И тяжкий труд кирки железной,
Иглы и кисти и пера,
И наших дум и наших знаний
Плоды, созревшие в тиши,
Средь терний долгого изгнания,
Средь грустных сумерек души,
И вот смотрите: в строгой зале
Цветут гирлянды пышных роз
И бледно-палевых азалий
И ветви трепетных мимоз.
Там кружев нежных паутина,
А вот работы наших школ,
Эскизы, книги и картины,
Тут слон из мыла, улей пчел
И детских кукол ряд забавный,
Шелками вышитый павлин,
Вот на стене в борьбе неравной
Со змеем бьется исполин,
Резьба по дереву ручная,
Иконы древнего письма
И фотография цветная,
И карт узорная тесьма,
Попытка первая малютки —
Рисунок робкий и простой
И милый облик институтки
С наивной девичьей косой...
И все напомнит, что в лишениях,
Терпя обиды едкий дым,
Обломки грозного крушенья,
Мы живы, мыслим и творим¹⁶⁹.

Теперь о тех, кто свою деятельность связал с журналистикой, издательским делом, писательством для своих соотечественников.

Первую как и последнюю книгу установить трудно, но одну упомянуть необходимо. Это посмертная книга стихов поэтессы Елены Велимирович «Несжатая полоса», которую в 1956 г. издал ее отец М. Велимирович. Дочка учившегося в России сербского студента и воспитанная в русском духе прибыла в Сербию в общем потоке беженцев вместе с семьей через Китай. И само название книги символично для русской эмиграции в Югославии с очередным исходом из нее после Второй мировой войны¹⁷⁰.

В самой сфере по выпуску разнообразной типографской продукции, по данным И. Н. Качаки, было занято свыше двухсот различных организаций. Перечислю тех, которые входили в первую десятку по печатанию в Белграде непериодических изданий: Русский научный институт, Белград, 1920—1941, 116 названий; Издательская комиссия Русского культурного комитета (РКК), Белград, 1928—1936, 56; Краевой союз русского сокольства в Королевстве СХС (Югославии), Белград, 1926—1939, 43; Русская охранная группа в Сербии, Белград, 1942, 42; Национально-трудовой союз нового поколения, Белград, 1935—1940, 31; Русское археологическое общество в Королевстве СХС (Югославия), Белград, 1921—1940, 29; издательство «Святослав» Михаила Григорьевича Ковалева, г. Сремская Митровица, Новый Сад, Белград, 1921—1938, 22; газета «Новое время» М. А. Суворина (бывший главный редактор одноименной петербургской газеты), Белград, 1921—1930, 16 названий¹⁷¹.

Добавлю, что Издательская комиссия выпустила три серии книг: Русская библиотека — книги современных и известных русских писателей эмигрантов (40 выпусков); Детская библиотека — в основном иллюстрированные сказки (9 выпусков); Библиотека для юношества — вышли только две книги¹⁷². Благодаря помощи РКК издательская комиссия работала над изданием «произведений наиболее известных русских писателей, дабы русское подрастающее поколение могло получить добрую и хорошую книгу, по возможности дешевую, которая содействовала бы заложению в русской молодежи здоровых национальных, моральных и чисто человеческих начал». При этом не ставился вопрос прибыли¹⁷³, т. е. отсутствовала та коммерциализация, которая больше занимается чтивом, а не чтением. Успешно продвигалась работа по организации издательской деятельности. Напечатан сборник изумительных по своей свежести и оригинальности сербских народных песен, опубликовано несколько выпусков русских сказок. Довольно быстро были изданы произведения таких знаменитостей, как Д. И. Мережковский, Е. Н. Чириков, З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцев, А. В. Амфитеатров, А. И. Куприн, И. С. Шмелев, А. М. Ремизов, И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт.

Видимо, издатели в монархически-военном Белграде не были осведомлены о таких стихотворениях последнего, как «Наш Царь — Мукден, наш Царь — Цусима», «Царь— ложь», «Русскому офицеру»¹⁷⁴ со строками, чтение которых было способно взбесить тех, кто носил военный мундир, почитал себя защитником самодержавия.

Дальше. В первой десятке типографий по количеству названий изданных книг были и белградские: Русское отделение при Банковской типографии, Русская печатня, Русская типография, Белград, 1923—1937, 102 названия; «Светлост», Бслгад, 1933—1941, 49; «Меркур», Белград, 1921—1941, 48; «Слово» Попова и Большакова, Белград, 1928—1940, 30; «Орао», Белград, 1926—1938, 24; М. Карич, Белград, 1925—1930, 18; М. Г. Ковалева и К., Нови-Сад, Белград, а также его «Уметност», Белград, 1923—1932, 16; Павленко и Попов, Белград 1928—1929, 14 названий¹⁷⁵.

Наиболее печатаемыми, а следовательно и читаемыми белградцами, авторами были: глава РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий) (35 названий), второе место занимал М. С. Аркадьев (наст. имя Михаил Аркадьевич Сопощко-Сырокомля) (ок. 1869 — 15. 05. 1938, Белград), «врач—миссионер и натуралист, подпоручик артиллерии и проповедник единой Святой Соборной Апостольской Церкви», 29 названий. За свой счет печатал в основном религиозные и моралистические памфлеты. Вел постоянную полемику с Церковью, штабом Добровольческой армии и эмигрантскими вождями. Всю зарплату врача трагил на публикацию своих творений. Был организатором и главой Братства семи Св. Архангелов, состоящим, очевидно, только из одного человека — самого Аркадьева. Писал хлестко, необычно, что видно из такого названия, как «Гибель Володьки Ленина и предстоящая гибель Лейбы Троцкого, Зиновьева и Дзержинского. Опыт уничтожения Духовной Силой на расстоянии» (Сремские Карловцы, 1923). На третьем месте Николай Васильевич Краинский (1869—1951), 20 названий за 1929—1940 гг. Преподаватель Киевского университета. Стал вначале профессором Загребского, потом Белградского университета. Психиатр, интересовался математикой, физикой. По политическим взглядам — монархист и антикоммунист¹⁷⁶. Свои убеждения мог и умел талантливо и со вкусом отстаивать. Автор глубоко трагичной книги «Без будущего» о революции, ее жертвах... Часто вызывал раздражение у студентов-коммунистов на юрфаке Белградского университета. Они даже организовали забастовку, требуя его увольнения, но она, как и следовало ожидать, была безрезультатной. В первые месяцы оккупации был активен

в Русском бюро (немецком марионеточном комитете русских беженцев), но быстро отошел. Всю оккупацию провел в изоляции. В сентябре 1944 г. вместе с другими уехал в Германию. Умер в Харькове в 1951 г.¹⁷⁷

Всего в Белграде издавалось на русском языке около сотни разнообразных газет, журналов и иных информационных материалов. Примечательно, что около трети в своих названиях имело слово «русский». Назову здесь только некоторые газеты, которые не потеряли своего значения для современных историков. «Луч» — орган монархистов, ценен своими портретами членов императорской семьи, иерархов Церкви, политических деятелей в эмиграции, приближенных к Двору в изгнании. «Голос верно-подданного», издававшийся графом Ю. П. Граббе, содержит интереснейшие материалы по истории церковной смуты в РПЦ. «Партизан» или «Усташа», «независимый национально-политический и информативный орган», выходящий в 1930-х годах «по мере надобности и наличия материальных средств». Интересен своими «взрывчатыми» материалами в связи с защитой русского имени, раскрытием советских агентов, критикой деятельности церковнослужителей и пр. В нем хорошо был представлен глава и организатор Русского народного ополчения М. Ф. Скородумов, личность честная, открытая, прямота которой нередко приводила к скандалам в «благородном эмигрантском семействе». Сюда добавлю издаваемое сыном знаменитого А. С. Суворина М. А. Сувориным «Новое время», читатель которого всегда мог найти для себя интересные сведения по международной проблематике, жизни в СССР, новостям эмиграции, информацию о событиях в Королевстве, отлично был представлен раздел культуры. Добавлю, что печатавшийся в газете публицист В. Х. Даватц характеризовал ее как «национальная, консервативная, но не черносотенная», типа парижского «Возрождения»¹⁷⁸. По моему мнению, это была самая интересная газета, рассчитанная на широкий круг читателей, в основном из интеллигентской среды. Она издавалась примерно десять лет, что представляет собой своеобразный рекорд, так как многие из-за недостатка средств закрывались весьма быстро, не принеся ни дохода издателю, не успев завоевать читателя. Та же скудость средств заставляла М. А. Суворина искать деньги везде, в частности в июле 1926 г. газета получила солидную субсидию на девять месяцев от получившего еще до революции всеславянскую известность русофила К. П. Крамаржа¹⁷⁹, отзывчивость которого была хорошо известна русской эмиграции.

«Новое время» было известно всему русскому зарубежью: его читали в Риге и в Риме, в Париже и Софии, в Африке и в Америке. Как и всякая

уважающая себя газета она имела и врагов. В архиве газеты есть открытка с весьма грубыми выражениями в адрес редактора и его сотрудников¹⁸⁰, но гораздо больше писем от тех, кто хотел сотрудничать, верил газете.

Отдельно отмечу и «Русский стяг» — орган «железного союза долга и чести», издававшийся в 1920-х годах. Его основателем и редактором был известный всем монархистам С. С. Бехтеев.

Название газеты, ее «направление», ее задача, ее суть выражены им отчетливо в одноименном стихотворении, посвященном Владимиру Востокову, духовнику и проповеднику корпуса Императорской армии и флота:

Поднят стяг над воинством Христовым
Как монахи в сумерках, постом,
Мы идем по торжищам терновым,
Осененные хоругвями с крестом.
Всюду нас встречают лица злые,
Искаженные от ярости уста,
Нас не много, но и в дни былые
Не двенадцать ли их было у Христа?
Не двенадцать ли пришли к Нему на пир?
Не двенадцать ли о Нем повествовали?
И любовью победили мир?
Пусть же зло кружит за нашим шагом,
Пусть толпа глумится над Христом,
Мы идем под старым русским стягом,
Озаренные сверкающим Крестом.
Не страшат нас ненависть и злоба,
Ни угрозы мщенья и обид,
Ни лишенья, ни безмолвье гроба,
Где страданье непробудно спит.
Что нам козни рабского навета
Подлый друг и вероломный враг,
Наше сердце верою согрето,
С нами правда, с нами Божий Стяг!¹⁸¹

Имя С. С. Бехтеева связано и с известнейшим стихотворением «Молитва», посланным в Тобольск в октябре 1917 г. великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне.

Вот оно:

Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепости нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кроткостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и унижение
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной,
В невыносимый, смертный час...

И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов¹⁸².

Добавлю, что стихотворения Бехтеева публиковались отдельными изданиями в Мюнхене («Песни русской скорби и слез», 1923), в Ницце («Два письма», 1925, «Царский гусяр», 1934, «Святая Русь», 1949—1952). В 1927 г. в Белграде были напечатаны его «Песни сердца». Его трогающие душу стихи переписывались, заучивались наизусть, читались с высоких трибун, слушались в домашнем кругу¹⁸³. Позволю себе привести еще один из таких «стонов русской души»:

Конец русской былины

То не ветер в поле стонет,
То не вьюга горько плачет:
То народ себя хоронит.
Горе пляшет, горе скачет.

В грустном гуле перезвонов
В даль несутся панихиды
Бесконечных русских стонов,
Полных скорби и обиды.

Пала Старшая Держава!
Пал Орел мечты славянской!
Пали наши честь и слава —
Вера Церкви Христианской.

Блещут стаи волн Босфора;
Блещет месяц на Софии;
Но в Стамбуле дверь собора
Вновь закрыта для России.

В грязь затоптан бархат стягов;
В поле сечи — смолкли тризны;
И... опять мы ждем варягов
Для измученной отчизны!¹⁸⁴.

От «Русского стяга» перейду к поэтическому «Старому времени» с его милыми русскому сердцу историческими анекдотами, афоризмами, ежемесячным церковным календарем и другими «мелочами» из старого доброго времени. Читатель в нем почти всегда мог найти вкладыш с нотами и текстом русских песен, романсов, цыганских песенок, арий из опер, например, «Соловья», «Помолись, милый друг, за меня», «Варяжскую балладу» из «Рогнеды», «Хор девушек» из «Псковитянки», «Как хороши те очи». Любитель поэзии всегда мог надеяться на встречу со стихами Е. Журавской, изумительной поэтессы Белграда. Я не удержусь, чтобы не привести здесь два ее грустно-чистых стихотворения:

Милый Сон-Чародей

Милый Сон-Чародей,
Обними, пожалей,
В свой чертог золотой
Уведи, успокой.
Пусть мгновенье одно
Лишь мне будет дано,
Чтоб забыть, улететь,

Обмануть, умереть!
В царство сказок и грез
От страданий и слез
Защити, отогрей,
Приласкай горячей!
Ты раскинь жемчуга
По узорной парче
И раздвинь берега
Темной жизни душе,
Пусть забвеньем полна
Вся утонет она
В твоих ясных лучах,
В твоих зыбких волнах,
Светом ярких огней
Ты зажгися скорей,
Обними, пожалей
Милый Сон-Чародей!¹⁸⁵

О Русь моя!

В гоненьях, нищая в заплатах,
Стеная от кровавых слез,
В поту, в пыли, в руках Пилатов,
О Русь моя! Где твой Христос?
Твой Кремль седой — жилище Хама,
Символ проклятья и стыда,
Там багровеет пентаграмма —
Пятиконечная звезда.
Твои поля молчат уныло,
Бесплодны от кровавых рос,
О Русь моя! Где твоя сила?
О Русь моя! Где твой Христос?
Услышь! Проснись! Еще не поздно!
И, содрогнув небесный свод,
Скажи им всем, скажи им грозно:
«Настал мой час и Вождь идет!»
И сгинет жуткая година,
И ты увидишь пред собой
Крест лучезарный Константина
Над закатившейся звездой!¹⁸⁶

Возвращаясь к «скучной» прозе, замечу, что первым органом периодики стал двуязычный сербско-русский Билтен/Бюллетень (издатель Русское телеграфное агентство «Русаген» в Белграде). Это был текст на пишущей машинке или рукопись на шапирографе (множительный аппарат, изобретенный инженером Шапиро). Первый сохранившийся экземпляр имеет № 39 от 8 марта 1920 г. Последний — № 90 от 18 мая 1920 г. В них можно было прочесть известия с фронтов Гражданской войны, общие политико-экономические вести, информацию о жизни русских беженцев в Сербии.

Какое печатное издание завершило собой эмигрантскую периодику, трудно обозначить. Беженская периодика возродилась в 1987 г. и связана с именем строительного инженера Владимира Тимофеевича Соболевского (1917—1996), бывшего воспитанника кадетского корпуса в Белой Церкви. Его издававшийся в Белграде «Бюллетень» (20 номеров) тиражом примерно в 300 экземпляров рассылался бывшим кадетам по всему миру. Первый номер вышел в связи с инициативой строительства памятника русским кадетам, похороненным на кладбище в Белой Церкви¹⁸⁷. Каждый, кто доберется до этого банатского городка, затерянного среди наводящей жуткую тоску кукурузной равнины, может прогуляться по нему, осмотреть то небольшое, что связано с русскими, умудрившимися и там создать «русский уголок».

Значительную роль в жизни русских эмигрантов, в том числе и живших в Белграде, сыграло Объединение российских земских и городских деятелей (Земгор), созданное как неполитическая организация в начале 1920-х годов. Известна его обширная деятельность на ниве просвещения. В частности, он издавал в Белграде журнал на сербохорватском языке (кириллицей и латиницей) «Русский архив», посвященный политике, культуре и экономике России. Согласно решению министра по делам вероисповеданий (1929 г.), журнал рекомендовался всем школам для большего знакомства учеников с «братской Россией» и «укрепления любви нашего народа к России». Редакции «Русского архива» удалось привлечь к сотрудничеству многих талантливых авторов — ученых, публицистов, политических обозревателей, таких известных писателей и поэтов Русского зарубежья, как Алексей Ремизов, Марина Цветаева, Евгений Замятин, Марк Слоним. Одним из ведущих разделов журнала был «Политический обзор», где помещались комментарии о событиях в СССР. В качестве источников использовались в основном советские материалы. Отдельные статьи посвящались рассмотрению отношений между партией и интеллигенцией, крестьянством. Много внимания уделялось темам культурной жизни: театру, музыке, просвещению.

Одним из инициаторов издания «Русского архива» являлся Федор Евдокимович Махин (15.04.1882, Николаевск, Сибирь — 03.06.1945, Белград), фигура во многих отношениях примечательная. В прошлом полковник царской армии, выпускник императорской академии Генерального штаба, участник боевых действий на Балканах, кавалер многих наград, в том числе и высшей военной награды Сербии — ордена Белого Орла, он успел побывать и в эсерах, у «красных» и у «белых». В 1924 г. после Китая, Англии, континентальной Европы он прибыл в Белград, где продолжил политическую деятельность, нападая на монархистов, рисуя их германофилами и восхваляя эсеров, как реальных защитников славянства¹⁸⁸. По некоторым сведениям, был связан с советской разведкой. В годы Второй мировой войны находился в рядах армии Тито. Именем генерал-лейтенанта Махина была названа улица в Белграде, но в конце XX в. в связи с пересмотром истории улица получила другое название.

Русские люди всегда или почти всегда уважали печатное слово. Оказавшись в новой стране в непривычном для себя положении эмигрантов, они в число первоочередных задач включали издательскую деятельность, тем более, что, к примеру, в Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыло и обосновалось немало журналистов, издателей.

На страницах русской периодики, в частности, уже упоминавшегося «Нового времени» регулярно помещались материалы из культурной сферы — от «допотопных» времен до современных дней. Строки о борьбе Креста и Полумесяца, Косовской битве и ее отражении в сербских народных песнях соседствовали со стихотворениями известных поэтов. Для примера можно назвать стихотворение Джуры Якшича «После смерти» в переводе князя Федора Касаткина-Ростовского. Оно настолько перекликалось с настроениями многих русских эмигрантов, что позволю себе привести его на языке оригинала:

Ножеви кад ми срце поделе,
Над гробом звекне крвави мач,
Слатке девојке, ружице беле,
Нећу да чујем ваш горки плач!

Немојте рећи: «Овде почива
Љубави наше увели струк!»
Не кун' те земљу, није вам крива —
СТИШАЈТЕ ЈАДА ЛАСКАВИ ЗВУК!

Немојте трошит', руже убаве,
 Китећи њима мој вечит дом!
 Реците само: «Доста је славе —
 Веран је био народу свом».

Мой подстрочник:

Когда мне сердце ножи разрежут,
 над гробом звякнет кровавый меч,
 милые девушки, белые розы,
 я не услышу ваш горький плач.

Не говорите: здесь почивает
 Любви нашей увядший куст!
 Не кляните родину — она невиновна
 Умерьте горечи ласковый звук.

Не стоит тратить красивые розы,
 чтобы украсить мой вечный дом!
 Скажите только: «Хватит со славой —
 Верен он был своему народу».

Продолжая разговор о просвещении и сербо-русских связях, следует вспомнить 1923 г., когда на русском и сербском языках был напечатан в Белграде первый и единственный номер литературно-художественного журнала под весьма экстравагантным названием «Медуза» — «орган пропаганды русского искусства в Югославии и ознакомления с сербским творчеством русских». Наряду с публикациями о современных поэтах Королевства, в нем было представлено творчество таких мастеров слова, как А. Ахматова, А. Блок, А. Ремизов, художник Л. Браиловский¹⁸⁹.

Практически все периодические и непериодические издания так называемого гуманитарного направления на своих страницах рассуждали о России, строили ее будущее, мечтали и тосковали... Только один пример — «Наше будущее», литературный и общественно-политический журнал, первый номер которого вышел в Белграде в 1925 г. Идеал его создателей — старая государственность, закон и порядок. Девиз — «Вера, Царь и Отечество». От знаменитой триады графа С. С. Уварова — «Православие, Самодержавие, Народность» его отличал только последний компонент, когда «ненадежную» «народность», выбросившую их в эмиграцию, заменили

благородным «отечеством». Именно последнему в первом номере были посвящены стихи Бориса Соколова «Кровавый терем». Приведу только 12 строк:

В темном тереме кровавом,
На семи больших замках
Русь — великая царица,
Как преступница, блудница
Изнывает в кандалах...

...

Степь дымится вся пожаром,
И народ, подвластный чарам,
Спит под игом палачей.
И доносится лишь дальний
Стон протяжный и печальный
И бряцание мечей...¹⁹⁰

Познание славянства, его историю русская интеллигенция излагала не только на страницах своих изданий в Сербии, Югославии, Белграде, но и в журналах, печатавшихся в иных странах. Так, в 1930 г. в Париже в элитарном альманахе «Числа» выходит статья белградца Ильи Голенищева-Кутузова «Русская культура и Югославия». Говоря о силе влияния русской школы, представленной именами Максима Суворова и Эммануила Козачинского, известный славист проводил ту мысль, что к концу XVIII в. в Сербии «выработался так называемый славено-сербский язык, пестревший церковно-славянскими речениями и насыщенный русскими оборотами. Несмотря на лингвистическую реформу Вука Караджича... во многих выражениях современного литературного языка заметны следы русских и церковно-славянских форм»¹⁹¹. Рассуждая о творениях Орбини, Крижанича, Джорджича и других деятелей, задумывавшихся над идеей славизма, автор полагал, что именно в южном славянстве лежит начало славянофильских идей. Но здесь не столь уж важно, кто первый и где истоки, сколь тогдашнее сознание общности славянства.

Именно это чувство, можно полагать, было одним из мотивов при создании по инициативе журналистов А. И. Ксюнина и Е. А. Жукова в 1925 г. знаменитого Союза русских писателей и журналистов Югославии с центром в Белграде. Он стал культурным центром, вокруг которого объединялись не только писатели и журналисты, но и профессора, артисты, художники. В него, в частности, входили: А. В. Амфитеатров, И. А. Бунин,

И. Н. Голенишев-Кутузов, А. И. Куприн, И. И. Толстой, Досифей, митрополит Загребский, Бранислав Нушич, Никола Пашич, К. П. Крамарж, не менее известный П. Б. Струве¹⁹².

За десять лет членами Союза побывало свыше 200 человек. В течение этого времени было проведено 187 публичных собраний: из них 68 — открытых собраний, 77 — «интимных», 42 выпуска «устной газеты»¹⁹³.

Активное участие принял Союз, да и весь Белград, в подготовке и проведении Съезда русских писателей и журналистов за рубежом (25—30 сентября 1928 г.). По распоряжению руководства города (от 24 сентября) на улицах столицы был расклеен плакат, адресованный «Белградскому населению» и гласивший: «В Белград прибывают 24-го и 25-го числа с. м. писатели и журналисты братской нам России. Пусть Белград покажет, что в нем не иссякло чувство благодарности, как долг нашей нации, за свое существование и преуспеяние вековой мощной защитнице, славянской матери — России, и носителям русской культуры, нашим дорогим гостям. Белград должен возможно большей сердечностью и гостеприимством окружить работу их конгресса, который открывается 25 числа с. м. в 11 ч. дня в торжественной зале Нового Университета. Посему население приглашается в знак проявления симпатий к русскому народу украсить в этот день свои дома флагами и быть всюду предупредительными к нашим дорогим гостям и этим сделать им как можно приятнее пребывание в братском Белграде»¹⁹⁴.

На съезде, запланированном к столетию со дня рождения Льва Николаевича Толстого, были представлены доклады о защите авторского права, о правовом положении русских писателей и журналистов, о положении на местах, о создании Литфонда, о литературной этике и защите профессиональной чести, о положении советской печати, о положении и задачах зарубежной военной литературы и журналистики, о Центральной книжной палате, о Русском архиве в Праге и пр.¹⁹⁵ Белградский союз представляли Ксюнин, Глуздовский, Тарановский, Ракитин, Чубинский, Челишев, Сухотин, Жуков, Елачич. Трое из них выступили с докладами: «Об авторском праве в Югославии» (В. Челишев), «О положении русской печати в Югославии» (А. Ксюнин), «О положении печати в Советской России» (Ю. Жуков)¹⁹⁶. Персонально были приглашены З. Гиппиус, Б. Зайцев, А. Куприн, Д. Мережковский, Е. Чириков¹⁹⁷. В числе почетных участников был ветеран русско-турецкой войны 1877—1878 гг., получивший ранение под Джунисом, Вас. Немирович-Данченко. На Белградском вок-

зале его встречал сам владыка Досифей, что было особой честью и уважением к летам и заслугам¹⁹⁸. Прибыли делегаты из Парижа, Берлина, Праги, Варшавы, Ужгорода. Белградцы могли на своих мостовых увидеть и лидера народных социалистов, историка С. Р. Мельгунова, лидера крестьянской партии А. Аргунова, профессора Карлова университета А. Л. Бема, литератора М. Вишняка, К. Парчевского, оставившего живые записки о Южной Америке и русской эмиграции¹⁹⁹.

Всего было на съезде 111 делегатов.

Вечером 25 сентября Союз белградских писателей и журналистов устроил банкет для участников, представителей власти, духовенства. Среди спичей, тостов, здравиц, прозвучали напоенные искренностью и любовью слова Е. Чирикова: «Помните ли вы красивую сказку о граде Китеже? Во время татарских набегов на Россию Бог не хотел допустить, чтобы татары уничтожили град Китеж. И создал озеро, на дне которого Китеж продолжил жить... И часто со дна доносился звон китежских колоколов.

Мы, русские писатели и журналисты в изгнании, сегодня жители того Китежа. А колокольный звон наших церквей есть победоносная поступь нашей культуры. Да, господа, мы побежденные, все же побеждаем. А озеро из древней легенды для нас сегодня суть славянские народы»²⁰⁰. Не были обойдены делегаты съезда и королевским вниманием и наградами. Ряд участников награжден орденами св. Саввы, среди них были и белградцы — Ксюнин, Жуков, Спекторский.

Но не все было так гладко и усеяно розами. В ноябре 1928 г. монархисты Н. В. Чухнов, бывший редактор газет «Наше будущее» и «Словен», А. В. Лапин, бывший редактор журнала «Восход» и «Вестника союза русской национальной молодежи в Германии» выступили в печати с заявлением «Когда действительно нельзя молчать!» Пройдясь для начала по русской литературе, неліцеприятно отозвавшись о творчестве Гоголя, Куприна, Толстого, Андреева, авторы констатировали, что «вся наша отечественная литература... была прибрана к рукам революционных партий. Это с ее помощью обрабатывалось общественное мнение всего света. И разве не было пособничества в потрясении основ государства в ряде произведений Горького, Арцыбашева, Короленко? А Герцен, Бакунин, Чернышевский и другие крупнейшие имена человеческой мысли?»²⁰¹

Придя к выводу, что эмигрантов ничему не научила ни революция, ни годы изгнания, авторы горько писали: «И напрасны попытки Яблоновского (сотрудник парижского «Возрождения». — В. К.) расшевелить собра-

ние; даже его заявление о том, что писатели и журналисты ответственны не только за то, что они говорят, но и за то, что умалчивают»²⁰². Подвергнув критике Мережковского, открыто признавшегося в своем участии в развале России, не пощадив даже почтеннейшего Вас. И. Немировича-Данченко, посмеявшего сказать королю Александру, что «если бы в России был такой монарх..., то у нас не было бы революции»²⁰³, тем самым как бы принизив фигуру царя-страстотерпца, Ланин и Чухнов восклицали: «Настанет час и воскреснет Великая Императорская Россия. Беспристрастная история найдет виновников ее страданий и в первую очередь в громадном свитке будут значиться имена тех, кому было много дано, но кто все свои таланты растратил на ложь, клевету и разрушение того, что всем русским народом почитается священным»²⁰⁴.

Все эти слова, в которых было много личного и мало взвешенного, не произвели должного впечатления. Эмиграция уже давно привыкла к таким выступлениям и мало какое-либо общественное собрание обходилось без скандалов, обвинений, интриг. И белградский съезд также не был свободен от них. Но там была и свобода, позволявшая тому же Мережковскому сказать: «Я тот русский интеллигент, который много содействовал падению царского режима. Для нас русские славянофилы были реакционеры. Достоевский был славянофил. Сам я полностью связан с Достоевским. Я, так сказать, вышел из Достоевского и получил его благословение. Но в то же время я враг его славянофильства. По моему пониманию, оно связано с рабством, из-за чего мне было очень тяжело. В славянофильстве Достоевского омрачено все то, что есть у него пророческого.

1. Достоевский, вставши сейчас из гроба, не понял бы как это Мережковский решился провозгласить здесь, в Белграде, свое понимание реальной силы славянофильства. Это другое славянофильство... Понимаю славянофильство как реальную, активную и живую силу, соединенную со свободой. Славянофильство нужно понимать и оценивать не только с национальной точки зрения, но и брать шире.

2. О вас говорят, что вы, сербы, патриоты. Но вы больше. Мы никому не сможем помочь, если будем только патриоты. Мы не выживем, если будем только ими, так как в мире существует и большая сила, а она и есть тот роковой, грозный... интернационализм. Национализм и патриотизм не в состоянии вести борьбу с ним... Я верю, что эта страна вся в славянстве. Она ему верна и через эту верность приходит верность чувству всемирности... Неизмеримы наши муки, русские муки. Никто не может по-

нять до конца, увидеть их глубину. Еще никто в мире так не мучился, как мы... но вы сотворили нечто великое, нечто несказанно красивое, шедшее из души. Ваша страна делает меня славянофилом в настоящем значении этого слова. Я утверждаю, что в Европе никто не понял грозную опасность, которая приближается. Мы их предупреждаем. Возможно, что большевизм падет раньше, чем мы думаем, но опасность мировой катастрофы все еще налицо. Славянофильство, основанное на дружбе и взаимопонимании народов, должно защитить против всех опасностей»²⁰⁵. Что же здесь можно сказать: много правды и веры в почти недостижимое.

После завершения работы съезда с его многочисленными приемами, выступлениями многие участники разъехались по Югославии знакомиться со страной, а Союз продолжил свою «рутинную» деятельность.

Одной из основных своих задач он считал работу против коммунистической пропаганды и идейную борьбу за освобождение России. С этой целью он сотрудничал с Объединением национально-прогрессивной и демократической эмиграции, с местным комитетом Фонда спасения России, с Фондом свободной печати, сформированным для помощи писателям в СССР, контактировал с Лигой Т. Обера, с Всероссийским крестьянским союзом и с Национально-трудовым союзом нового поколения. Он оказывал помощь в распространении материалов «вскрывающих сущность большевизма», как например открытого письма графини А. Л. Толстой «Не могу молчать»²⁰⁶. (Сестра милосердия во время Первой мировой войны, награжденная тремя георгиевскими медалями, испытавшая арест и заключение в первые годы большевистской власти, не могла молчать, узнав о расстреле в 1932 г. 1 200 восставших кубанских казаков.)

В 1926 г. Союз опубликовал под общим заголовком «Словенски класици» книгу Н. С. Лескова «Гора» (перевод К. Цветковича) и сборник М. Е. Салтыкова-Щедрина «Приче» (Рассказы) (перевод Зорки Велимирович). На русском языке был напечатан сборник рассказов В. Н. Челищева «Алешка Чураков». В 1933 г. Союз издал на русском языке «Антологию новой югославянской лирики» в переводах И. И. Голенищева-Кутузова, А. П. Дуракова и Е. Л. Таубер.

В 1926 г. Союз выпустил пять сборников литературно-общественного журнала «Призыв». Тогда же — в 1926—1927 гг. — он издавал еженедельную беспартийную газету «Россия», под редакцией А. И. Ксюнина, Е. А. Жукова и В. Н. Челищева²⁰⁷.

Чтение авторами своих произведений осуществлялось на «интимных» вечерах, а публичные лекции и собрания, вместе с «Устной газетой», привлекли публику и «вызвали подражание не только в самой Югославии, но и за границей»²⁰⁸. Открытые собрания устраивались в залах и аудиториях Белградского университета, в Коларчевом университете, в Русском доме, в Русском офицерском собрании, в Русско-сербском клубе и в залах 2-й и 3-й мужских гимназий.

Так, Ю. Л. Ракитин рассказывал «Об успехах русского искусства за границей»²⁰⁹, М. П. Чубинский выступал с докладом «Правая идеология в русской литературе», А. А. Кизеветтер делился своими мыслями «О роли катастрофических элементов в развитии России и ее культуры»²¹⁰, П. Б. Струве читал доклад «От Карамзина до младороссов», А. Л. Погодин — «Мужчина и женщина большого города»²¹¹.

Об «интимных» собраниях почти ничего не сохранилось, кроме перечня «мероприятий». Но и даже эта скупая информация свидетельствует об их неформальном характере. Так, устраивались вечера Александра Блока, Михаила Зощенко, Ю. Л. Ракитин выступал с «Рассказами из жизни старого Петербурга», Л. М. Сухотин рассказывал о «Любви в произведениях русских авторов», А. К. Елачич — «О сербской эмиграции в России по русской мемуарной литературе», В. А. Эккерсдорф представлял на суд публики свои размышления на такую острую тему, как «Автор и актер», Н. В. Краинский докладывал «О психологии речи в связи с современными социально-филологическими экспериментами», Н. М. Чекмарев говорил о «Тайных религиозных учениях и происхождении масонства», И. Н. Голенищев-Кутузов — о современной литературе в советской России, В. В. Хомицкий читал пьесу Н. Н. Евреинова «Витамин “Х”», А. Л. Погодин «раскрывал глаза» слушателям на «Подложность издаваемой большевиками мемуарной литературы», а Е. В. Аничков ставил вопрос «Что такое сюжет?»²¹²

И теперь об «Устной газете». На ее вечерах с 1925 по 1935 г. было прочитано свыше 240 статей, рассказов, фельетонов и т. д.²¹³ Немного дат, фамилий и названий. В Русском офицерском собрании 19 мая 1930 г. выступали: Ф. В. Тарановский на тему «Славянство и Россия», В. Х. Даватц — «Активизм в эмиграции», Е. Э. Месснер — «Жизнь красной армии», С. С. Страхов — «Политический фельетон»; в 1931 г. 7 ноября в помещении своего Союза Н. В. Краинский — «Психические заболевания в современности», В. П. Глуздовский — «Где находится русское золото», Е. М. Журавская читала стихи, Н. З. Рыбинский обрисовывал «Беженские

силуэты», Ю. Л. Ракитин делился театральными воспоминаниями, С. С. Страхов «язвил» злободневной сатирой²¹⁴.

Присутствовала и высокая проза. Так, в связи с празднованием в 1929 г. дня памяти св. Владимира был издан в Белграде солидный труд, скромно озаглавленный — «Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира». В нем приняли участие митрополит Антоний («Всенародное новое прославление Святого Равноапостольного Великого князя Владимира»), профессор Е. Спекторский («Св. Владимир и русская культура»), М. А. Георгиевский («Дело Св. Владимира»). В весьма интересном и живом предисловии, напоенном духом преданий, с одной стороны, и современной жизни, с другой, подчеркивалось: «Многие писатели земли русской лучше и глубже понимали Россию, издали глядя на нее. Так и нам на чужбине в праздновании дня св. князя Владимира, в его русском православном образе, открылись с особой яркостью и полнотою сущность и пути духовно рожденного им русского народа... Почтить память св. Владимира — это значит идти его путем так, как прошел его он. Для этого нужно прежде всего понять его путь и затем идти по нему в его духе и настроении... В тяжелом испытании нам открылось, что мы потеряли путь русского народа. Дети св. кн. Владимира разрушили его дом. Видя и чувствуя надвинувшееся зло, но смутно сознавая его сущность, мы начали с ним неравную борьбу и, борясь, мы отступили за пределы России. У нас нет нашего дома... Организация общественной жизни русского народа настроена сейчас на началах борьбы со Христом. Царствует “князь мира сего”, и этот кесарь, собирая свое кесарево, обращает его на борьбу с Богом. Русская действительность так далека от православного идеала отношений государства и Церкви, что осуществление принципов этого идеала, даже не очень слабым людям, кажется невозможным... Начинают соблазнять не русские и не православные идеалы. Зарождается стремление найти новые принципы общественной жизни, которые хоть отчасти освобождали бы от тяжести укора совести... Св. кн. Владимир властно зовет нас к подвигу признания вечного значения Церкви и построения всей жизни, частной, семейной, общественной, государственной на принципе признания этого Ее значения»²¹⁵.

Однако для многих святая Русь осознавалась как культурно-исторический феномен, отдаленный во времени и пространстве. Оставалось лишь непреходящее чувство гордости за свою русскость, любовь к Отчизне, роду, родине. Е. В. Спекторский писал: «От Владимира святого пошла не

только русская эстетика, но и русская этика. Чем тревожит эта этика не только русского, но и познакомившегося с нею западного человека? Тем, что она заставляет, сурово совесть допросив, с отвращением читать жизнь свою. Тем, что она, не довольствуясь удобными и благополучными мериллами поведения и идеалами технического благоустройства, требует от человека святости как действительного, а не воображаемого исполнения христианского долга и христианского призвания. И в этом отношении основоположником был князь Владимир, ставший святым не только потому, что он повторял равноапостольное дело Константина и Елены, а потому, что, принявши “закон крестьянский”, он переродился... Прежняя варяжская Русь становится Святой Русью, для которой, как выразился Хомяков, “возможна только одна задача: сделаться самым христианским из человеческих обществ”... Такая Русь умеет преодолевать сословные, племенные и национальные перегородки, ибо она отзывчива и к близким и к дальним и для нее все равны, поскольку они едины во Христе»²¹⁶.

В 1938 г. русские люди в Югославии торжественно отметили 950-летие крещения Руси. Этому историческому событию был посвящен специальный «Владимирский сборник» со статьями видных ученых. Как подчеркивал историк И. И. Лаппо: «Держава Владимира Святого, его “Россия” заложила основы национального и конфессионального единства всех восточных славян, как славян русских. И это сохранило свое значение не только для того времени, когда они были лишь племенами, но и для того, когда они сложились в три ветви русского народа — Великороссов, Малороссов и Белорусов»²¹⁷.

Осталось теперь сказать слово о «празднике» непримиримости. Трудно рассуждать на эту трудную и провокационную тему. Я уже писал в первой книге о «пораженцах» и «оборонцах», буду писать здесь дальше о революции и эволюции, о непримиримости и сменовеховстве. Здесь же предлагаю вниманию читателя два сюжета.

Первый. Некий Ив. Трегубов в своем недатированном обращении к М. А. Суворину писал: «Я несколько лет читаю вашу уважаемую газету “Новое время” и судя по постоянному направлению основная задача вашей издательской деятельности — скорейшее освобождение России от власти большевиков и восстановление ее в прежнем величии.

Русская эмиграция очень мало предпринимает для достижения этих целей и в газете вашей очень часто помещаются статьи как об этом, так и о крайней необходимости... всеобщего объединения эмиграции с лозунгом “один за всех, все за одного”.

Но очень мало данных, дающих основание думать, что такое всеобщее объединение не будет достигнуто до полной гибели России. Вместе с тем, если я не ошибаюсь, в истории всех народов не было еще примера, чтобы интеллигенция их действовала так дружно и делала какие бы то ни было серьезные перевороты, единомышленно. Обычно это всегда было дело отдельных и немногих лиц, умевших покорить своей воле дух народа... Точно так же и теперь настал момент, когда усилиями только небольшой части лиц, честных и непременно религиозных, хотя бы и не принадлежащих к духовенству, власть большевиков может быть легко и быстро свергнута...

Я нарочно приехал из другого города с целью найти несколько таких вполне надежных людей и сделать им подробное исчерпывающее сообщение на эту тему для всестороннего обсуждения представленных мною данных и для немедленной организации дела. Мое предложение совершенно не легкомысленно, так как это единственно верный старинный способ защиты нашей Родины... Организация этого дела спасения нашего отечества будет только комбинированным завершением всего уже сделанного и делаемого в этом направлении, причем почти наверно найдется очень солидный источник достаточных материальных средств до полного достижения цели, если только найдется несколько человек, заслуживающих делового доверия»²¹⁸.

И таких мечтателей было немало в эмиграции, равно как и тех, кто стремился поставить на серьезную основу подготовку эмиграции к освобождению России. Достаточно вспомнить многие организации, занимавшиеся этим делом.

Второй. Лет десять тому назад я как-то в Москве попал на встречу бывших кадетов с нынешними воспитанниками и преподавателями кадетских училищ. Тогда совсем недавно был провозглашен властью новый праздник «День примирения». Присутствовавший на встрече участник Гражданской войны поручик В. В. Гранитов сказал запомнившуюся мне фразу о том, что не может быть примирения между «красными» и «белыми», сражавшимися за «свою» Россию. Для него, видимо, была жива память о тех жестоких боях, в которых гибли его друзья. Таких в эмиграции было много. Они вступали, например, в известный Российский общевоинский союз (РОВС), ставивший своей целью борьбу с большевизмом. В годы Второй мировой войны записывались в Русский охранный корпус, в ряды вермахта. Расселившись по другим странам после войны, оставались непримиримыми к СССР, ведя борьбу с ним прежде всего словом через печать, средства массовой информации.

В то же время в эмиграции насчитывалось немало тех, кто был настроен против большевистской власти на родине, но полагал, что судьба отечества важнее формы власти, что потом, в предвоенные и военные годы, вылилось в активное оборончество, защиту родины, укрытой буквами СССР.

Непримиримость к «красной России» естественно сочеталась с любовью к отечеству, будущее благо которого требовало учиться, учиться и учиться...

Завершить свой экскурс в мир трех «праздников» я хочу банальной сентенцией, что в этих трех взаимосвязанных областях человеческого духа и знания, страстей и расчета, патриотизма и славянофильства русская эмиграция в славянском Королевстве воссоздавала свое прошлое, жила настоящим, строила будущее.

О Русском военном промолвлю я слово

За Веру и Царя

За Веру и Царя, храпя обет священный,
За честь своих знамен, за то, чтоб Русь жила,
Костями готовы лечь в борьбе с врагом презренным,
Мы все под сенью крыл Двуглавого Орла.
Господь! Прости нам грех неслыханной измены,
К Тебе припали мы, раскаяньем полны;
Пусть слава вновь придет бесчестию на смену,
Пусть смоеся позор с истерзанной страны.
И снова прежнего величья и победы,
Взойдет над Родиной желанная заря.
И снова в бой пойдем, как в бой ходили деды,
Чтоб с честью в битве пасть. За Веру и Царя.

Глеб Боткин.

Владивосток, 1920²¹⁹.

Справка

После проигранной войны армейские части были расформированы, вернее, по выражению П. Н. Врангеля, стали жить в «полускрытом виде». Армия становилась трудовой и сохранялась в форме разнообразных союзов, объединений, командных институтов, кадрового состава отдельных частей. Армейские командиры должны были искать и заключать договоры с хозяйственными структурами на выполнение различных работ силами своих подчиненных. Для недопущения нестроений в военной среде главнокомандующий П. Н. Врангель приказом № 82 от 8 сентября 1923 г. зачислил в состав армии все созданные к этому времени офицерские союзы и общества и запретил своим подчиненным состоять в каких-либо партийных и иных организациях, преследовавших политические цели. 1 сен-

тября 1924 г. генералом Врангелем был создан упоминавшийся Русский общевоинский союз, включавший в себя всех солдат и офицеров, оставшихся верными идеям Белого Дела, будущего освобождения Родины. Основной девиз РОВС — «Все для Родины, ничего для себя». Идеология — «Беспредельная преданность вечным ценностям веры и духа, нетерпимость к коммунизму и советской власти».

С 1924 до своей смерти в 1929 г. верховным главой РОВСа был великий князь Николай Николаевич. Королевство сербов, хорватов и словенцев было единственной страной, где русскому воину при погребении отдавались все воинские почести. «Только тут за гробом русского офицера, везомым на лафете (если он участник войны), следует наряд югославянских офицеров, рота солдат с хором военной музыки и только тут вы услышите последнее братское прости из залпа югославянских винтовок»²²⁰.

В русском военном Белграде действовало наибольшее количество военных организаций, обществ, союзов, объединений и пр. Столица Королевства была известна как крупнейший центр по изданию военными организациями газет, журналов, книг и другой печатной продукции.

Русская Югославия, русский Белград по количеству военных и полувоспитанных институций и по их активности занимали ведущее положение среди стран русского рассеяния.

* * *

Пожалуй, труднее всего в эмиграции приходилось людям в военной форме императорской армии России, ушедшей к большевикам. Они умели воевать, умели командовать, но время больших войн кончилось... и Королевство больше нуждалось в рабочих руках, нежели в воинской силе. Некоторые военные не выдерживали и кончали жизнь самоубийством. Но большинство все же не только «держало удар», но и свято хранило память о своих боевых товарищах, погибших в Первую мировую войну. Я уже писал в первой книге о памятнике-часовне русским воинам на кладбище в Белграде. Здесь добавлю, что действовавшее в столице Русское народное ополчение (РНО), состоявшее в основном из офицеров императорской армии, устраивало кружковый сбор, как это было в 1938 г. для «содержания и охранения» этого знаменитого монумента-усыпальницы. Ежегодно требовалось собрать 9—10 тыс. динаров²²¹, сумма небольшая, но если РНО шло на кружковый сбор, то это свидетельствовало о том, что с деньгами было туго у вчерашних защитников России, славянства.

Среди эмигрантов насчитывалось много и инвалидов. Соответственно было сформировано Объединение русских военных инвалидов с центральным органом в Белграде (ул. Шумадийска, 35), которое находилось под покровительством его королевского высочества князя Павла. В зависимости от степени инвалидности, пишет современный исследователь А. Стерьовски, денежная помощь оказывалась от 50 до 200 динаров, т. е. весьма скромная сумма (чернорабочие из русских получали по 500—600 динаров в месяц). Те, кто мог еще работать, пытались найти место, дававшее хоть какие-нибудь деньги²²². Возможно, положение могло быть лучше, но мешали некоторые обстоятельства, которые перечислены в акте ревизионной комиссии Центрального правления Союза русских инвалидов в Королевстве СХС и за границей (февраль 1924 г.). Итак: «При рассмотрении книг и отчетности (Центрального правления) наблюдается полная бессистемность, безалаберность, преступное хозяйничанье суммами, жонглирование цифрами, разбрасывание статей расхода, их маскировка по счетам... произвол в расходовании сумм... ревизионная комиссия признала незаконными около 70 выдач денег на общую сумму в 110 938 д. (инаров). 45 п. (ар)».²²³ Какие-либо комментарии здесь не нужны.

«Выручали» периодически устраиваемые всевозможные благотворительные вечера, разовые акты помощи со стороны государства, и конечно, помощь Церкви, общин сестер милосердия...

Можно задаться вопросом, а что же делал РОВС, одна из задач которого заключалась в трудоустройстве офицеров? Вопрос риторический — королевская армия не располагала значительным количеством вакансий, тем более, что надо было в первую очередь зачислять своих выпускников военных заведений.

Основополагающая задача РОВСа заключалась в сохранении, обучении и воспитании кадров для будущей России, в непрерывности процесса осмысления и развития военных знаний. Именно эти цели органически входили в уставы, программы, положения различных военных организаций, действовавших в Белграде, в целом по Королевству. Прежде всего это основанный в 1921 г. в его столице Совет объединенных офицерских обществ в Королевстве СХС. К концу 1923 г. в него входили следующие общества: русских офицеров в Королевстве СХС — 225 человек, офицеров Генерального штаба — 318, офицеров-артиллеристов — 290, военных юристов — 33, военных инженеров — 121, офицеров инженерных, технических и железнодорожных войск — 652, бывших воспитанников Николаевской инженерной академии и училища — 306, офицеров Корпуса

военных топографов — 88, военных интендантов — 63, гвардейской артиллерии — 55, георгиевских кавалеров — 150, морских офицеров — 709, пажей — 129, бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища — 51, офицеров Корпуса военно-воздушного флота — 200, а также — Союз полковых объединений гвардейской пехоты и сапер — 190, включавшие в себя 3 580 человек²²⁴.

Рисуя картину русской военной эмиграции, не могу не коснуться георгиевских кавалеров, получивших эту знаменитую награду за подвиги во имя России, и теперь отторгнутых от нее, изгнанных, но сохранивших ей верность в далеком, но близком Королевстве. В 1921 г. в славянской стране жили, надеялись, верили 107 георгиевских кавалеров, из них 20 в Белграде, «штабе» военного присутствия²²⁵.

Однако прежние звания не сулили каких-либо особенных преимуществ кавалерам одного из высших военных отличий их семьям, разве что платные должности в офицерских обществах (зав. съестной лавкой и пр.)²²⁶.

Пожалуй, наиболее цельное и красочное впечатление возникает о русских летчиках, поставивших, можно сказать, югославскую авиацию на крыло. Все они бывали в Белграде, некоторые жили, работали, многие похоронены. Поэтому я считаю необходимым воздать здесь честь русским авиаторам, составившим славу русской и югославской авиации. Но вначале стихотворение Елены Савеловой «Пилот»:

Один в высоте купаюсь, словно птица
 В сиянии дневном,
 И только облаков прозрачных вереница
 В эфире голубом...
 И я несусь вперед, вперед, один — беспечный,
 Сквозь золотой туман...
 Вокруг, со всех сторон, безбрежный, бесконечный,
 Воздушный океан...
 Там, где-то далеко, темнее подо мною
 Туманная земля,
 И с этой высоты далекою, чужою
 Мне кажется она...
 Ни звука, ни теней, лишь ветра колыханье
 У моего лица...
 И хочется лететь, без мысли, без желанья,
 Так вечно, без конца...²²⁷

В 1923 г. капитан Николай Милетич писал в редакцию русского журнала «Наша стихия» о русских пилотах, инженерах, организаторах королевских ВВС: «Мы видим их в мастерских, этих выдержанных офицеров гордой русской армии, обыкновенными рабочими; они не считаются с тяжестью этого труда, с грязью, которой запачканы их руки... мы видим их пилотами, любящими свое дело и с готовностью летающими ежедневно.

На русских пилотах, вы сами знаете, держатся наши школы; они наши учителя, заслуживающие похвалу и благодарность не только своих учеников, но и всех граждан нашей Державы.

Они готовят нам защитников нашего Отечества. Тут же мы видим известных русских инженеров... и других специалистов: фотографов, топографов и чертежников, приносящих неизмеримую пользу нашему воздухоплаванию»²²⁸.

А сколько же их было, хотя бы приблизительно? Здесь опять я привлеку информацию из вышедшего в Нови-Саде под редакцией В. М. Ткачева журнала «Наша стихия» — органа организованного в 1922 г. Общества офицеров Российского военно-воздушного флота в Королевстве СХС. Итак, к весне 1923 г. в общество входило 137 действительных членов. Задачи традиционны — прежде всего принятие мер к устройству на работу и службу своих членов. В состав Центрального правления входили: председатель — генерал-майор Ткачев, полковник Антонов, полковник Шебагин, подполковник Кованько, поручик Легат²²⁹. В Белграде нашли вечный покой авиаторы Лев Васильевич Холодовский — летчик-наблюдатель, подполковник, Владимир Константинович Шимкевич (1883—1964), инженер.

А теперь о тех, кто вошел в историю югославской авиации, кто летал на французских бипланах, получивших у военных русских летчиков название «этажерка». Об этих самолетах в военной среде была даже придумана частушка:

Легче плавать в табакерке
Чем летать на этажерке²³⁰.

И тем не менее русские летали!

Свой вклад в развитие королевской авиации внес и герой германской войны, участник Гражданской войны георгиевский кавалер полковник Вячеслав Матвеевич Ткачев (24.09.1885, станица Келермесская Майкопского отдела Кубанской области — 25.03.1965, Краснодар). Потомственный дворянин Кубанского казачьего войска, выпускник Константиновского артиллерийского училища (1906 г.) закончил в 1911 г. частную авиа-

школу Одесского аэроклуба, а в 1912 г. — Офицерскую школу авиации Отдела воздушного флота. В середине 1917 г. герой германской войны, участник Гражданской войны В. М. Ткачев исполнял должность начальника Полевого управления авиации и воздухоплавания при Штабе Верховного главнокомандующего. В том же году издал первое в истории русской военной авиации пособие «Материал по тактике воздушного боя».

Награды: золотой жетон Киевского общества воздухоплавания с надписью «За наиболее выдающийся в России перелет в 1913 году» — Киев—Одесса—Керчь—Тамань—Екатеринодар протяженностью в 1 500 верст; ордена: Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 3 ст., Св. Георгия 4 ст., Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 2 ст. с мечами, Св. Станислава 2 ст. с мечами, французским Военным крестом, орденом Св. Николая Чудотворца; награжден золотым Георгиевским оружием.

Начало 1918 г. Ткачев встретил рядовым в «белом партизанском отряде полковника Кузнецова», а весну 1920 г. — начальником авиации Русской армии П. Н. Врангеля. В июне 1920 г., «действуя в тесном взаимодействии с сухопутными частями... сумел полностью деморализовать ударную группу Д. П. Жлобы, результатом чего явилось почти полное ее уничтожение».

После эвакуации он обосновался в Королевстве, работал редактором авиационного журнала «Воздухоплавни Гласник», в частной пароходной фирме, был консультантом при инспекции Королевской авиации. В. М. Ткачев написал ряд «наставлений» и «пособий» для югославских пилотов. В 1921 г. опубликовал в «Военном сборнике» статью «Вопросы тактического применения авиации в маневренной войне».

Жил вначале в Нови-Саде, затем в Земуне, близ Белграда. В годы Второй мировой войны он был начальником внеклассного воспитания русской молодежи мужской и женской гимназий в Белграде.

С вступлением Красной армии в Югославию был арестован органами НКВД СССР и этапирован в Москву и передан в ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР. Обвинен в «сочувствии мировой буржуазии, терроризме и участии в антисоветской организации». В августе 1945 г. В. М. Ткачев осужден Особым совещанием при НКВД СССР на 10 лет ИТЛ. «Прошел» лагеря — Сиблаг, Озерлаг, Лагерное отделение Мордовской АССР. Выпущен 5 февраля 1955 г. «с поражением в правах» и без права жительства в больших городах.

Трудился переплетчиком в артели инвалидов имени Василия Ивановича Чапаева. Автор книг «Русский сокол» о П. Н. Нестерове и «Крылья России» о начале пути русской авиации²³¹.

В белградском «Новом времени», а потом в других изданиях я нашел заметки еще об одном герое — поручике Леониде Ивановиче Байдаке (23.02.1894 — 16.09.1970, Сан-Франциско). Выпускник Чугуевского военного училища и высшей авиационной школы в Гатчине в марте 1917 г. (за день до отречения императора) отличился на Северном фронте в армии генерала Миллера: в 1918 г. в небе под Архангельском, где летал вместе с английскими пилотами и был награжден Георгиевским крестом. Потом была армия Врангеля на юге. Участник июньской операции 1920 г., когда, как следует из наградного листа, «шесть самолетов белых полностью разбили трехтысячный корпус Жлобы, прорвавшийся через фронт и совершавший рейд по тылам врангелевцев. Только во время одной этой операции Л. И. Байдак совершил десять вылетов и сбросил 135 бомб общим весом 85 пудов». За боевые заслуги он был награжден орденом Св. Николая Чудотворца 2 ст. Потом было Королевство и привычная служба. В 1927 г. его имя не сходило с газетных полос. Вместе с учившимся летному делу в России Тацием Сондермайером (второй пилот) на самолете «Потез» («Движение») совершили перелет Париж—Бомбей—Земун. За 11 дней и 18 часов — не считая 7 дней на остановки — они пролетели 14 860 км! Это было крупное достижение не только в истории Королевской авиации, но и в мире. Во время Второй мировой войны командир авиаполка полковник Байдак вступил в Русский охранный корпус (РОК). Но так как там не было ВВС, перешел в Русскую освободительную армию (РОА) А. А. Власова, где возглавил I полк ВВС РОА. Потом, после 1945 г., было переселение в США²³².

Еще одно обязательное имя для истории югославской авиации — Стрижевский (Стрижевский) Владимир Иванович (13/26.12.1894, Могилев — 28.08.1940, Белград). В 1911 г. окончил реальное училище в родном городе. Потом поступил в Политехнический институт имени императора Петра Великого в Санкт-Петербурге. В 1914 г. выпускник теоретических курсов авиации им. В. В. Захарова при институте. В первую мировую пошел добровольцем на фронт. Во время войны направлен в авиационную школу в Севастополь. 8 мая 1915 г. Стрижевский выполнил свой первый полет. В июле завершил обучение и в августе слетал на первое боевое задание — разведку. Летал на французских истребителях типа «Ньюпор». Имел около 30 боевых вылетов, в основном, выполняя задания по сопровождению и защите тяжелых транспортных самолетов.

Первую награду получил за разведку под обстрелом врага 19 сентября 1915 г. — Георгиевский крест 4 ст., после чего переведен в отряд истреби-

телей. Георгиевским крестом 3 ст. был награжден за успешную разведку и бомбежку противника 29 сентября 1915 г. Георгиевским крестом 2 ст. — за успешную разведку, проведенную 25 ноября 1915 г. в сложных условиях. Позднее получил Георгиевский крест 1 степени. В 1917 г. отмечен за сбитый 4 марта самолет орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость». За свою третью победу 17 июня 1917 г. в воздушных боях получил Св. Георгия 4 степени. В 1917 г. награжден орденом Св. Владимира с мечами и бантом. Выполнил 206 боевых вылетов (413 часов) в основном над вражеской территорией. Несколько раз был ранен.

В царской России имел чин капитана 2 ранга, в годы Гражданской войны был повышен до 1 ранга.

После октября 1917 г. В. И. Стрижевский был призван в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА) как авиационный специалист. Был начальником 1-й Воронежской авиационной группы.

4 ноября 1918 г. перелетел в расположение Донской белой армии. Воевал у Врангеля вплоть до эвакуации в 1921 г. в Королевство СХС.

На славянской земле все приходилось начинать сызнова: знания и опыт в расчет особо не принимались. Стал «контрактным низшим военнотехническим чиновником II класса» в авиашколе в герцеговинском Мостаре. С 1925 г. переселился в Нови-Сад, а с 1927 г. в Земун. Там мастерство русского летчика было оценено по достоинству. Он стал испытателем, дал путевку в небо свыше 200 самолетам разных типов, имел свыше 4 тыс. вылетов на военных и учебных самолетах. Защищал цвета флага Королевства на спортивных соревнованиях Малой Антанты. В 1927 г. победил под «несчастливым» № 13 на самолете «физир-майбах» на маршруте Белград—Варшава—Белград. С 4 октября того же года работал шеп-пилотом в «Аэропуте»: отбирал и тренировал экипажи, учил летать на новых типах самолетов, открывал новые линии. Перед войной переселился в Белград. На пассажирских аппаратах Стрижевский налетал свыше 1 200 000 км, став 30 июня 1938 г. первым в Королевстве «миллионером». 22 августа 1940 г., пилотируя «Локхид» по линии Загреб—Сплит, попал в грозу и разбился недалеко от Госпича. Похоронен 28 августа 1940 г. на новом кладбище в Белграде со всеми почестями, отданными ему как видному гражданину, воину, летчику и человеку²³³. При погребении председатель правления «Аэропута» Р. Пильц сказал: «Владимир Стрижевский был наш первый сотрудник. Он был столп, вокруг которого организовалась, развилась и усовершенствовалась наша летная служба»²³⁴.

Судьбы русских людей, связавших свою жизнь с авиацией, различны как сами полеты.

Военный летчик Королевской армии капитан Константин Николаевич Буссов (1904, Малая Чернявка, Киевская губерния — 21.02.1971, Нови-Сад) после Второй мировой войны был этапирован в СССР, где 12 лет отбыл в концлагере в Воркуте. После освобождения вернулся в Югославию полным инвалидом²³⁵.

Выпускник военной школы пилотов Олег Вячеславович Окшевский (05.08.1915, Евпатория — 08.10.1998, Лорел, близ Вашингтона) служил в Королевской армии. С оккупацией страны в 1941 г. он и его брат Лев (тоже пилот) ушли в авиацию Хорватии. В 1942 г. оказались на Восточном фронте. Попали в плен. В 1944 г. были отправлены в титовскую Югославию. Благодаря связям, избежали лагерей. Потом был обычный для многих путь — Италия, Канада, США²³⁶.

Автор «Краткого очерка русской истории XX века», изданной в 1967 г. в Нью-Йорке, воевавший в Гражданскую войну на канонерской лодке «Терец» Николай Зотикович Кадесников (13.11.1895, Вятка — 12.08.1971, Нью-Йорк) служил в югославской авиации инженером-механиком²³⁷.

В Королевском воздушном флоте летал и обладатель Георгиевского оружия, кавалер орденов Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 3 ст., Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 2 ст. с мечами, Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, отмечен мечами к имевшемуся ордену Св. Станислава 2 ст. Борис Александрович Горн (05.07.1889, Павлоград, Екатеринославская губерния — ?)²³⁸.

Назову еще несколько имен летчиков, обосновавшихся в Королевстве.

Кавалер орденов Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст., Св. Георгия 4 ст., обладатель золотого Георгиевского оружия поручик Борис Васильевич Легат (04.04.1892, Санкт-Петербург — 03.02.1959, Париж)²³⁹.

Кавалер орденов Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Георгия 4 ст., Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами Мстислав Николаевич Плонский (13.01.1895 — 17.08.1969, Сиэтл, США)²⁴⁰.

Кавалер орденов Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава с мечами, Св. Георгия 4 ст. Владимир Николаевич Осипов (10.07.1889 — 30.01.1923, Великая Кикинда), убитый «при невыясненных обстоятельствах»²⁴¹.

На сербской земле жил и работал герой германской войны и участник Гражданской войны поручик Григорий Федорович Фомагин (22.09.1890, с. Антоновка, Больше-Янасальской волости Тетюшского уезда Казанской губернии — ?).

Он был кавалером Георгиевских крестов всех четырех степеней, орденов Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2 ст. с мечами. Награжден был и Георгиевским крестом 4 ст. с лавровой веткой, золотым Георгиевским оружием.

В 1918 г. Фомагин был призван в РККА и назначен командиром 9 авиаотряда.

В 1919 г. он перелетел в расположение Добровольческой армии. 30 июля 1920 г. был назначен исполняющим должность руководителя Военной авиашколы Русской армии П. Н. Врангеля.

После эвакуации из Крыма Фомагин был принят на службу в королевскую авиацию. Был начальником авиационных мастерских в Земуне, близ Белграда²⁴².

Военный пилот Александр Александрович Кованько (17.06.1889, Санкт-Петербург — 27.09.1926, Нови-Сад) окончил в 1906 г. 1-й кадетский корпус, в 1909 г. — Николаевское инженерное училище, в 1911 г. — Офицерскую воздухоплавательную школу, в том же году — Офицерскую школу авиации Отдела воздушного флота, в 1912 г. — авиационную школу «Нью-Йорк» во Франции.

Великую, т. е. германскую или, как позднее стали говорить, Первую мировую войну начал в 11 корпусном авиаотряде.

Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. приказом от 28 октября 1911 г. «за отличное окончание авиационной школы». Потом последовали ордена Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, орденом Св. Анны 2 ст. с мечами — «за разведки». Награжден Георгиевским оружием «за то, что 22-го ноября 1914 г., управляя аэропланом при обстоятельствах исключительной атмосферной трудности, подвергаясь сильному и действительному огню артиллерии противника, проник в глубокий тыл неприятельского расположения, чем дал возможность наблюдателю подпоручику Дзезицо произвести разведку, выяснившую наступление противника около 2—3-х корпусов в направлении Суха—Рабко—Тымбарк».

В декабре 1914 г. А. А. Кованько был сбит и попал в австрийский плен, откуда возвратился 24 мая 1918 г.

Вступил в Добровольческую армию. «С 20 июля по 31 июля 1920 г. во главе боевого звена 1-го авиационного генерала Алексеева отряда прикрывал десантную операцию на Кубани, во время которой совершил 12

разведок и три групповых бомбометания». 12 августа за боевые отличия произведен в капитаны.

В ноябре 1920 г. покинул Россию и после тоскливого Галлиполи обосновался в Нови-Садском авиацентре, в котором стал служить инструктором.

А. А. Кованько погиб 27 сентября 1926 г. во время испытательного полета (аппарат типа «Бранденбург», мотор «Даймлер») вместе со своим механиком Мухаремом Ахметом Салиновичем. На высоте 150 метров во время выполнения упражнения у самолета отказало управление²⁴³.

Освоение новой техники унесло жизни нескольких российских авиаторов.

Выпускник Севастопольской летной школы, полковник царской армии и капитан Королевской армии Николай Анатольевич Кутейников (1888— 18.03.1927, Нови-Сад), преподававший в Нови-Садской школе авиаторов, погиб во время испытательного полета близ этого города²⁴⁴. Поручик Анатолий Петрович Лычев (25.03.1913 — 27.09.1940, Белая Церковь, Сербия), сын героя Первой мировой войны есаула Петра Ефимовича Лычева. В 1932 г. закончил в Югославии 1-й Русский кадетский корпус великого князя Константина Константиновича. Два года проучился на машиностроительном отделении технического факультета Белградского университета. Потом была Королевская Военная академия и служба в чине подпоручика в 18 артиллерийском полку, а затем вновь учеба в авиашколе офицеров-разведчиков и служба в авиации. Погиб во время испытательного полета²⁴⁵.

И еще одна удивительная жизнь: герой германской войны, участник Гражданской и Второй мировой войны Сергей Константинович Шебалин (02.09.1890, г. Остроленка, Ломжинская губерния, Польша — 22.05.1964, Сан-Франциско). Выпускник 2-го Московского кадетского корпуса (1909 г.), Константиновского артиллерийского училища (1912 г.), Одесской авиашколы (1916 г.).

С 23 мая 1916 по 5 августа 1917 г. — начальник 2-го армейского авиаотряда, с 13 августа 1917 г. — помощник командира 2-й боевой авиагруппы.

С. К. Шебалин награжден орденами Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Георгия 4 ст., Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, золотым Георгиевским оружием.

Во время Гражданской войны кавалер ордена Св. Николая Чудотворца.

После революции, в июне 1918 г., вместе с группой летчиков С. К. Шебалин сумел при помощи английского дипломата уехать в Мурманск, занятый оккупационными силами союзников. Как доброволец вступил в Сла-

вяно-Британский авиакорпус. Получил звание лейтенанта Королевских ВВС Великобритании. Принял участие во всех операциях авиакорпуса на севере России.

Потом был бросок на Юг. С 1 августа 1919 г. — командир Донского авиадивизиона. В сентябре того же года эвакуировался в Англию, но 3 октября вернулся вместе с группой офицеров и чиновников, состоявших ранее на службе английской короны. Через четыре дня был зачислен летчиком в Вооруженные силы Юга России (ВСЮР). За боевые отличия произведен в полковники.

В ноябре 1920 г. Шебалин покинул Россию. Обосновался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Служил офицером-инструктором Высшей школы летчиков-истребителей и 3-й пилотской школы в г. Ниш. В 1940 г. командовал 5-м авиационным истребительным полком ВВС Королевства. Потом занимал некоторое время должность заведующего личным составом авиации. С мая 1942 г. являлся командиром 6-й роты 5-го полка Русского охранного корпуса. Произведен в чин майора вермахта. С декабря 1944 г. был начальником штаба 1-го авиационного полка ВВС Комитета освобождения народов России (КОНР), входившего в состав Русской освободительной армии А. А. Власова. 30 апреля 1945 г. сдался вместе с военным составом ВВС КОНР частям 3-й армии США. После окончания войны С. К. Шебалин уехал в США²⁴⁶.

Летчики не только летали, осваивая новое воздушное пространство, но и любовно собирали все, что относилось к летной работе. Авиационная белградская группа, руководимая полковником В. И. Тихонравовым, организовала в одной из комнат «Русского Соборания», небольшой музей, где были собраны редкие фотографии из жизни и работы русских авиаторов²⁴⁷. Но где они сейчас, неизвестно.

Приют в Белграде нашли и генштабисты, входившие в основанное в 1921 г. Общество офицеров Генерального штаба.

Нельзя обойти вниманием и деятельность учрежденного русскими офицерами в Белграде в начале 1921 года Общества военных знаний в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, в которое входило не менее ста человек. Именно это общество издавало знаменитый военно-научный журнал «Военный сборник».

Назову еще входившее в РОВС Общество галлиполийцев, образованное 22 ноября 1921 г. в Галлиполи и имевшее разветвленную сеть филиалов. В столице Королевства действовал его Издательский отдел, одним из

редакторов которого был офицер, математик, преподаватель, талантливый публицист, ярко и горько писавший о «роковом времени» России, монархист Владимир Христианович Даватц, погибший в годы Второй мировой войны. Эмблемой общества стал учрежденный 15 ноября 1921 г. особый знак в форме черного креста с надписью «Галлиполи» (для бывших на о. Лемнос — с надписью «Лемнос») и датами вверху и внизу «1920», «1921».

Жизнедеятельность русского офицерства в эмиграции проявлялась не только в организации корпоративных сообществ, но и в сфере военно-теоретической мысли, в осмыслении уроков прошлого, в издании исторической литературы, чему служили многочисленные русские военные издания, в которых публиковались статьи по самым разным вопросам²⁴⁸.

Добавлю, что близким к РОВСу органом можно считать еженедельную газету «Русский Голос», печатавшуюся в Белграде²⁴⁹ с 1931 г. под редакцией полковника Пронина; но ее нельзя считать чисто военным изданием. И еще: при Корпусе императорской армии и флота (КИАФ), издавался сначала «Военный листок», потом «Штандарт»; к концу 1930-х годов он уже не имел своего специального печатного издания²⁵⁰.

И все же главная задача русского офицерства заключалась не в разработке проблем военного искусства, его истории, а, как я уже говорил, в подготовке и переподготовке кадров для будущего освобождения России, для ее армии и флота.

В конце 1926 г. в Белграде были организованы систематические курсы современного военного дела, входившие в ведение особого учебного комитета под председательством генерала А. М. Драгомирова. Вследствие недостатка средств они через год закрылись. Но через три года, в конце 1920-х годов при РОВСе стали действовать в Белграде «Военно-Училищные Курсы» под начальством полковника Дрейлинга «для подготовки молодых людей, окончивших корпуса и гимназию, к офицерскому званию». После 27-месячной работы был произведен первый выпуск в количестве 10 человек, получивших «особые свидетельства», что им предоставляются «все права младшего офицера» и право на ношение особого нагрудного знака. (Судя по литературе, в Белграде почти нельзя было встретить мужчин без какого-либо ордена, медали, креста, на худой конец некоего знака, значка.) На исходе 1930-х годов курсы РОВСа сделали четыре выпуска (8—10 человек в каждом). Занятия в них вели полковник Дрейлинг, полковник Гордеев-Зарецкий, подполковник Вахрушев, подполковник Тро-

ицкий, подполковник Эггер и капитан Румянцев. Юнкера, учащиеся на военно-училищных курсах РОВСа, их выпускники, а также молодые люди, учащиеся в средне-учебных заведениях (по их желанию), составили роту юнкеров, командиром которой стал Гордеев-Зарецкий. Строевые и военно-спортивные занятия роты — владение оружием, верховая езда, фехтование на саблях, штыковой бой, гимнастика, джиу-джитсу — проводились «в зале Русского Дома, во дворе Русского Посольства, в поле в окрестностях Белграда»²⁵¹.

В конце 1920-х годов были созданы унтер-офицерские, а фактически — военно-училищные курсы при Корпусе императорской армии и флота под руководством полковника Эвенбаха. В 1933 г. состоялся первый выпуск — семь человек, получивших чин прапорщика²⁵².

Несколько раньше при Обществе артиллеристов были организованы и действовали около года артиллерийские курсы под руководством генерала Аккермана.

Широко известными считались работавшие по программе курса академии Генштаба вечерние Высшие военно-научные курсы, действовавшие до 1940 г., под общим руководством генерал-лейтенанта Н. Н. Головина. С 29 января 1931 г. они открылись в Белграде в качестве филиала Парижских курсов. Во главе Белградского отделения стоял генерал-майор Генштаба Шуберский. Задача курсов была поставлена четко: «С одной стороны, дать высшее военное образование возможно большему числу русского молодого поколения за рубежом, а с другой — подготовить молодой кадр военных ученых для будущей работы в возрожденной России». Из профессорско-преподавательского состава курсов назову следующие имена: профессора, генералы — Свищев, Полянский, профессора — Пушкин, Трегубович, Струве, генералы — Шуберский, Колюбакин, Тараканов, Батюшин, Гернгросс, полковники — С. И. Лашков, Дрейлинг, Сергеевский, Михеев, Пронин, Балцар, Краснов²⁵³.

Только одна биография из названных здесь офицеров. Виднейший деятель разведки и контрразведки Николай Степанович Батюшин (26.02.1874 по ст. ст., Астраханская губерния — 1957, Брюссель). Службу в разведке начал перед Первой мировой войной с должности старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа. Затем произведен в чин генерала для поручений при главнокомандующем армиями Северного фронта. В начале 1917 г. возглавил комиссию по борьбе со шпионажем при штабе Северного фронта, куда входил и Петроград. Получила известность его опера-

ция по разоблачению коррупционеров из окружения Григория Распутина. Весной 1917 г. генерал был арестован Временным правительством, вскоре бежал из тюрьмы, затем покинул и большевистский Петроград. С 1918 г. участник Белого движения. Во время Второй мировой войны выехал из Югославии в Бельгию, где и скончался в доме для престарелых в Брен-ле-Комт.

20 октября 2004 г. Н. С. Батюшин перезахоронен в Москве на Николо-Архангельском кладбище при прямом участии *Общества изучения истории отечественных спецслужб и Регионального общественного фонда содействия социальной и правовой поддержки ветеранов и сотрудников ФСБ России*. Он автор книги «Тайная военная разведка и борьба с ней» (София, 1939, переведена в России в 2002 г.), а также ряда статей по истории разведки во время Первой мировой войны. Имеется информация о существовании рукописи книги генерала под названием «Контрразведка против Распутина»²⁵⁴.

Возвращаясь к курсам, подчеркну, что их программа была распределена на три класса и изучалась примерно за пять лет. Классные занятия проводились два раза в неделю, остальные вечера предоставлялись слушателям для работы на дому. В первом наборе курсов (1931 г.) было 79 слушателей, но окончили их (1936 г.) 28 человек. Во втором наборе (1932 г.) числилось 44 курсанта, но на выпуске было в четыре раза меньше. В 1939 г. на курсах было 65 слушателей, на заочном отделении числилось 25 человек²⁵⁵. Общее число выпускников в офицерском звании составило 77 человек²⁵⁶.

Весьма интересным заведением был открытый в 1936 г. для подготовки военных ученых Военно-научный институт, насчитывавший в своем составе 39 человек из числа окончивших Головинские курсы и 15 руководителей. Во главе института стоял Головин, его заместителем был Шуберский, генеральным секретарем — ротмистр Ковалевский. Институт издавал свой журнал «Осведомитель».

В 1938 г. при нем открылись прелюбопытные специальные курсы «для широкой подготовки... интеллигентного класса на роль вожаков народа», под общим руководством генерала Шуберского со сроком обучения около года. План занятий примерно соответствовал программе младшего класса Высших курсов. «Спецкурсы» были открыты в 15 местах в Югославии, Болгарии, Чехии, Германии, в Греции и Албании, при общем числе слушателей свыше 600 человек²⁵⁷. Их деятельность было бы интересно исследовать, но, к сожалению, у меня о них нет больше никакой информации.

Примерно с середины 1930-х годов при Обществе офицеров инженерно-технических и железнодорожных войск уже несколько работали военно-технические курсы (Радио-Школа и Авто-Школа) под руководством военного инженера генерала В. Ф. Баумгартена²⁵⁸. С 1935 г. при РОВСе в Белграде действовала двухлетняя возглавляемая инженер-полковником Л. А. Прокоповым Радиотехническая школа имени профессора А. С. Попова, готовя военных радиотехников, которые должны были участвовать в будущем освобождении России от большевиков. В состав ее руководства входили, помимо начальника, инспектор классов инженер-полковник С. А. Петров, руководитель практических занятий инженер-электрик полковник Я. Н. Решиков. Читали лекции инженер Ю. М. Баскевич, радио-конструктор А. Л. Орехов и инженер-электрик полковник Д. М. Краснописцев. В 1939 г. в ней обучались около 20 слушателей²⁵⁹.

Готовились к войне и другие.

С мая 1937 г. при Обществе артиллеристов действовали артиллерийские курсы стрельбы. Курсантов по теории готовили генерал-майоры Добророльский, В. М. Тараканов, полковники С. И. Лашков, В. К. Чернявский, Н. Н. Краснов, Бальцар и капитан Румянцев. Весной 1939 г. был произведен первый выпуск: из 27 приступивших к занятиям окончивших оказалось 8 человек. Причина столь резкого снижения объяснялась «отсутствием руководств, на печатание которых нет средств»²⁶⁰. Но, по моему мнению, дело было не столько в деньгах, сколько в угасании интереса молодежи, не испытывавшей желания учить таблицы стрельбы. Тем более, что в Белграде было чем заняться!

В том же 1937 г. по инициативе генерала И. В. Семенова стали действовать предназначенные для кадровых офицеров повторительные курсы Союза участников Великой войны под руководством генерала Генштаба В. А. Тараканова. Лекции читали руководители с Высших военно-научных курсов, со стороны были приглашены профессор Краинский (военная психология) и генерал Агапеев (кавалерия). Обучение длилось около двух лет, выпускниками курсов стали 19 офицеров, в том числе 5 генералов²⁶¹.

Однако общая картина весьма грустна — выпуски всех вышеназванных курсов составляли примерно сто-двести человек, может несколько выше. Эта цифра могла быть значительно больше, но немногие могли сочетать учебу с работой. Молодежь, стремившаяся к военному образованию, могла и получала его в Королевских военных заведениях. Тем не менее в конце 1930-х годов высказывалась «кавалерийская» мысль, что «сотни-

другой эмигрантов, закончивших эти курсы, будет достаточно, чтобы при определенных обстоятельствах преобразовать Красную армию в Белую, заменив всех старших командиров»²⁶².

Нужно здесь упомянуть, что в Русском научном институте в Белграде много лет действовала под руководством В. Баскакова и И. Свищева военная секция, в рамках которой разрабатывались свыше пятидесяти тем. В работе секции принимали участие не только «военспецы», но и «шпаки», т. е. гражданские, из числа русской университетской профессуры, что свидетельствует о постоянном интересе русских — будь они военные или гражданские — к армии, важнейшему фактору в деле освобождения и защиты Отечества.

Неплохо обстояли дела с выпуском научных трудов. Назову только несколько. Работавшая в Белграде Донская историческая комиссия (ул. Милоша Великого, 49) напечатала в 1924 г. объемный труд С. Г. Сватикова (1880—1942) «Россия и Дон (1549—1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону»²⁶³. В 1925 г. Н. Н. Головин издал в Белграде свое исследование «Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной Силы»²⁶⁴. В 1929 г. Н. А. Пушкин (1875—1947) напечатал в «Военном сборнике» статью «Химическая война и мирное население»²⁶⁵. В 1931 г. в Белграде вышла книга полковника А. А. Байдака «Участие Белгородских улан в Гражданской войне 1917—1920 гг.», изданная штаб-ротмистром 12-го уланского Белгородского полка И. Л. Сарнавским²⁶⁶. В 1932 г. полковник Генштаба А. В. Шавров (ок. 1874—1946) опубликовал в Белграде труд «1932-ой год. События на Дальнем Востоке и их мировое значение» (обложка художника И. И. Шеншина)²⁶⁷. В 1933 г. генерал В. А. Тараканов напечатал в Белграде лекции «Тактика броневых войск», читанные на Зарубежных высших военно-научных курсах генерала Головина в Белграде²⁶⁸. В 1933—1938 гг. в Белграде известный А. А. Керсновский выпустил в свет «Историю Русской Армии» в четырех частях²⁶⁹. В 1936 г. В. Н. Боголюбский издал в Белграде книгу «Прикладная радиотехника. Лекции, прочитанные автором на Технических курсах имени Проф. А. С. Попова»²⁷⁰. В 1942 г. Штаб Русской охранной группы в Сербии напечатал в Белграде труд Бородина и Спиридонова «Топография в применении к боевой обстановке»²⁷¹.

Это на первый взгляд скучное перечисление фамилий и названий трудов все же при внимательном рассмотрении позволяет высоко оценить широту и глубину исследований, будь то история, современность, даже обращенность в будущее, в войну.

И время войны, о приближении которой говорили все, наступило для Европы и мира в 1939 г., а для России в сорок первом.

«В то время, — вспоминал один из современников, — особенно после начала войны, когда выяснились цели Германии, русский человек не мог сочувствовать ее планам, то есть порабощению России, уничтожению ее культуры и сведению русских людей на положение батраков для германской расы. Но и тогда можно было слышать среди русских людей за границей относившуюся к Гитлеру такую фразу: “Вот бы нам такого вождя!”, т. е., Германия нам-то враг, но хорошо бы нам было иметь вождя, который бы нас повел по пути русской исторической России»²⁷². «Многие из них читали “Майн Кампф” и отлично знали истинные цели и намерения “Фюрера” в отношении России. Они верили в Россию и ее светлое будущее, не допускали мысли о возможности завоевания России Германией и мирились даже с временной победой Германии, считая большевизм-коммунизм Сталина более опасным. Поэтому “хоть с чертом, но против врага №1”»²⁷³.

Но не все так решали. В годы войны полковник Русской императорской армии Виктор Мищенко был заподозрен в связях с югославскими партизанами. На допросе у немцев русский офицер смело заявил, что «он русский офицер и лояльности к оккупантам не приемлет, т. к. Брест-Литовского мира с ними не подписывал!..»²⁷⁴

Еще один пример, раскрывающий сложность восприятия германской экспансии и роли эмиграции. Один из видных деятелей эмиграции М. Ф. Скородумов 6 августа 1941 г. на банкете в Русском доме в Белграде в присутствии представителей немецкого командования, в своей речи сказал немцам: «Если Германия пойдет в Советскую Унию без русской эмиграции, то проиграет войну и побежит обратно». И как результат: немецкое командование сместило его с поста начальника Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии (создано 22 мая 1941 г.), а гестапо арестовало. Скородумов вспоминал, что на 21 сутки отсидки с него взяли подписку «что я русский генерал (такой-то) даю честное слово русского генерала, что буду молчать и ни слова не скажу о германской политике на Востоке»²⁷⁵.

12 сентября 1941 г. М. Ф. Скородумов отдал приказ о формировании упоминавшегося ранее Отдельного русского корпуса, воины которого давали следующую присягу: «Клянусь свято перед Богом, что я в борьбе против большевиков — врагов моего отечества и сражающихся на стороне большевиков неприятелей Германской армии, буду оказывать Верховно-

му Вождю Германской армии, Адольфу Гитлеру, всюду, где бы это ни было, безусловное послушание и буду готов как храбрый воин во всякое время пожертвовать мою жизнь за эту присягу»²⁷⁶.

Главный штаб корпусников располагался на Баньнице, где добровольцы проходили трехмесячную подготовку. Обмундирование вначале было коричневое, русского покроя, только с 1943 г. была введена немецкая униформа²⁷⁷.

Через корпус прошло около 17—20 тыс. человек. Только из русской Сербии (на 12 сентября 1944 г.) в корпусе воевало 3 198 человек, из русской Хорватии — 272²⁷⁸. По состоянию на 1944 г., 48% были в возрасте 17—30 лет, 47 % — от 41 до 60 лет²⁷⁹. В составе корпуса были представлены «практически все сохранившиеся в эмиграции объединения полков Императорской и белых армий и военно-учебные заведения»²⁸⁰, около 40 офицеров флота²⁸¹. В его рядах сражались представители трех поколений: наряду с юношами 16—18-ти лет в корпусе можно было увидеть и семидесятилетних ветеранов, служивших простыми солдатами, надеявшихся вместе с товарищами по оружию «посчитаться» с коммунистами, «укравшими у них Родину», с партизанами Тито, убивавшими русских эмигрантов и их семьи. (До 1. 09. 1941 г. было зарегистрировано свыше 250 случаев одиночных и групповых убийств²⁸².)

В то же время в истории боевых действий корпуса были примеры спасения сербов. Самый известный из них относится к лету 1942 г., когда было «спасено от верной смерти около 10—12 тыс. сербских православных беженцев, гонимых усташами в рску (р. Дрина служила естественной границей между Хорватией и Сербией. — В. К.) и расстреливаемых... В июле—августе 1944 г. перевезено через Дрину свыше 1 000 сербских детей»²⁸³.

Один из «корпусников», П. Тихонов, в своих воспоминаниях писал: «...Русский корпус критиковали за то, что он пошел вместе с немцами. На это наш командир, генерал Штейфон... ответил: “Хоть с чертом, но против большевиков”. И правильно ответил. Что еще отвечать? Не все ли равно с кем? Хоть с абиссинцами — так мы всегда говорили на фронте. Мы же не поступали в Русский Корпус свою шкуру спасать... Когда в 44-ом году, после покушения на фюрера, был приказ по Вермахту употреблять приветствие “Хайль Гитлер”, то мы вообще эти слова не повторяли. Хотя были остряки, которые вместо них издевательски говорили “Хальб Литер” (поллитра). И не присягали мы ему (здесь у автора или изменила память о присяге или он по-своему ее понимал. — В. К.)»²⁸⁴. (Несколько слов об авторе. Выпускник кадетского корпуса (1936 г.), Королевской военной

академии (1940 г.) Леонид Борисович Казанцев (1918—1974) служил в противовоздушной артиллерии. В чине капитана попал в немецкий плен. По собственному желанию отправился на Восточный фронт, но «неудовлетворенный» поведением немцев в России перешел в Русский охранный корпус. Небольшое добавление: лейтенант Леонид Борисович Казанцев окончил югославскую Военную академию первым, но поскольку он был русским эмигрантом, то первую награду, саблю, вручили сербу, а ему вторую — часы. Награду вручал король Александр²⁸⁵.)

На Восточный фронт корпус так и не был отправлен. В СССР были отправлены хорватские части, сражавшиеся под знаменем борьбы с большевизмом в Крыму и других местах, — католикам Гитлер, несмотря на свою неприязнь к этой ветви христианства, доверял больше, нежели православным.

Как вспоминал Н. И. Толстой, Русский корпус туда не посылали, обоснованно опасаясь того, что увидев фашистские зверства, они бы отказались воевать против своего народа²⁸⁶.

Приведу еще одно мнение о корпусе. А. А. Заварин в своих воспоминаниях пишет: «Большинство служащих в корпусе были бывшие белые воины, которые считали своей обязанностью откликнуться на призыв и продолжать белую борьбу... они думали или мечтали, что их отправят на восточный фронт... во всем этом было очень много эмоционального и очень мало рационального. Мечты, фантазии и так мало здравого мышления. В какой-то степени это действие можно было бы назвать: “Поход Дон-Кихотов”... корпус и его судьба были частью нашей русской трагедии. Конечно, посмотрев на участников корпуса, большинство из которых было уже в преклонном возрасте, немцы и не подумали посылать их на фронт, а воспользовались корпусом для охраны железнодорожных путей в самой Сербии... Должен сказать, что в корпусе нашли прибежище многие русские люди и обеспечили свои семьи в это трудное время, так как семьям выдавали содержание»²⁸⁷.

Итак, все было не так романтично и не так уж сложно.

И здесь тоже были свои жертвы. Только три фамилии. Генерал-полковник Петр Григорьевич Бузун (? — 19.05.1943, Югославия?) был убит в бою с партизанами-титовцами. Командир 4 полка Русского охранного корпуса Борис Сергеевич Гескет в 1944 г. убит в бою. Выпускник кадетского корпуса в Белой Церкви и Королевской военной академии поручик югославской армии Игорь Жариков, уже находясь в немецком плену, добился отправки на Восточный фронт. В чине лейтенанта вермахта убит под Витебском.

В сентябре 1944 г. всем членам семей воинов Корпуса, как и другим русским беженцам, была дана возможность уехать в Германию. Однако были и такие русские, которые, устав от «бегства», остались. И судьба для многих из них была тяжела — высылка в тюремном вагоне в СССР, лагеря новой Югославии, принудительный труд, если не расстреляют раньше...

Конечно, не все пошли освобождать Россию в форме РОК или вермахта, было много и тех, кто шел в партизаны к Тито, сражался в рядах Красной армии, погибал за свою Россию.

Так, судя по воспоминаниям одного из соратников Тито, «в партизанских отрядах было много военспецов из России, в частности в их отряде был русский офицер, инженер по мостам, помогал строить и взрывать мосты»²⁵⁸.

В послевоенное время Родина встретит своих детей — одни будут свободно дышать воздухом Отечества, другие — смрадом лагерных барачков...

От военной эмигрантской Югославии останутся только некоторые организации, продолжавшие функционировать в странах «свободного мира», и воспоминания...

Спорт, «соколы», скауты

«Но душа услышала: “Гори!”»

Русский Белград мог похвастаться и своим спортом. Пожалуй, нигде в эмиграции не было столь разнообразных видов спорта: от элитарного парусного до футбола. Так, зимой 1923 г. Михаилом Павловичем Савицким — душой всего гимназического спорта — были организованы боксерские курсы²⁸⁹. В 1924 г. под его председательством был основан «Русак» (русский ученический спортивный клуб): зимой учащиеся занимались гимнастикой, боксом, летом — легкой атлетикой²⁹⁰. В 1925—1926 гг. действовали фехтовальные курсы под руководством одного из воспитателей пансиона Владимира Яковлевича Захарова²⁹¹. Была у гимназистов и своя футбольная команда «Скиф». Для любителей гребли гимназия приобрела шлюпку, на борту которой стала красоваться надпись «Русский гимназист». Образовался и кружок любителей морского дела, построивших свою яхту «Землячка» (размеры 2 на 6 метров с двумя кливерами и гротом), спущенную на воду весной 1924 г.

В 1931 г. в Белграде русские спортивные общества организовали и свой яхт-клуб имени Петра Великого на берегу Савы, где стал реять Андреевский стяг. Своей работой он должен был «содействовать развитию, организации и обучению спортов гребного, парусного, моторного, теннисного и т. д.». Командором яхт-клуба избран адмирал А. И. Сергеев²⁹². Всего в клубе, связанном с именем гинеколога И. Белоусова, вложившего много сил в его создание, было записано до 35 яхт и парусных лодок, 10 моторных и около 50 гребных судов. Яхта «Светлана», освященная 16 сентября 1934 г.²⁹³, взяла подряд 5 первых призов и получила титул самой быстрой на Саве²⁹⁴. Кроме парусного, открывались весельный и лыжный клубы²⁹⁵. В Белграде в начале 1930-х годов князь И. И. Максудов организовал клуб планеристов, девизом которого могли стать перефразированные слова одного римлянина «пришел, увидел, полетел». За два месяца там мог научиться управлению планером любой желающий²⁹⁶.

Русские спортсмены состояли членами югославянских клубов — например, альпинистских, весельных, лыжных, велосипедных в Белграде, Любляне, Загребе. Сплите, Броне и т. д. Русские планеристы входили в Югославский королевский аэро-клуб, показывая хорошие результаты: полет Б. Слюсарева продолжался целых 5 часов, югославский же рекорд — 6,5 часов. На состязаниях скаковых обществ в Белграде капитан Макаров неоднократно брал первые призы на скачках с препятствиями. Русские часто были руководителями в конькобежном, теннисном, фехтовальном видах спорта²⁹⁷.

Белградский спортклуб был основан 6 июня 1924 г. (футбол, легкая атлетика, бокс, плавание, лаун-теннис)²⁹⁸. Во главе его стоял М. К. Алексинский, заместитель председателя — П. И. Казаринов, секретарь — А. Ангелов²⁹⁹. Теперь немного о секциях. Начну с футбола: были сформированы взрослая и детская команды. Уже 3 августа русские футболисты, вступившие в Белградский футбольный союз, играя на поле спортклуба «Югославия» против спортклуба «Брджанина», победили со счетом 3 : 1³⁰⁰. В самой команде были в 1925 г. Яковлев, Семенов, Светиков, Россиус, Красинский, Виноградов, Черновольский, Андреев, Алексеев, Сергеев, Иванов, Чернявский, Есауленко³⁰¹.

Секцию плавания возглавил М. М. Асеев³⁰². Занятиями по легкой атлетике вначале руководил И. В. Эзопов³⁰³, потом — Г. Власенко, прославившийся тем, что в 1935 г. взял на международном автомобильном пробеге Белград—София первый приз³⁰⁴. Были успехи и у его легкоатлетов: в 1936 г. К. Голицын занял на первенстве Белграда первое место в кроссе по пересеченной местности³⁰⁵. О вкладе русских в югославские победы можно смело говорить: выпускник Белградского университета, инженер-технолог Евангел Михайлович Перфильев (?— 06.10.1973, Сан-Франциско), будучи членом команды Королевства Югославии на Олимпиаде в Берлине (1935 г.), завоевал по легкой атлетике серебряную медаль³⁰⁶.

Из тренеров, вошедших в историю спорта в Белграде, назову одно имя — профессор фехтования Константин Константинович Егер (Эгер), профессор театральной академии в Белграде. Бывший царский офицер, окончил кадетский корпус в Орле, в Санкт-Петербурге — Константиновскую артиллерийскую военную академию (1915 г.). Из Первой мировой вышел в чине подполковника. В частной школе князя Максимова, который в Белграде был принят как профессор фехтования в Военной акаде-

мии, совершенствовался в искусстве фехтования и после успешной сдачи экзамена получил звание учителя фехтования. С несколькими учениками из школы Максута основывает первый белградский фехтовальный клуб в конце 1927 г. В 1928 г. К. К. Егер занимает третье место на официальном первенстве, что давало возможность поехать на Олимпиаду 1928 г. в Амстердам. Но не имея паспорта подданного Королевства, он не смог туда выехать и защищать флаг страны проживания. Но в 1937 г. он принял подданство. С 1946 по 1955 г. К. К. Егер — тренер по фехтованию в спортклубах «Студент», «Црвена Звезда», в молодежном фехтовальном клубе «Югославия». С 1958 по 1974 г. преподавал сценическое фехтование в Театральной академии (Академия театра, фильма, радио и телевидения, факультет драматического искусства) в Белграде. «Был уважаем и любим как педагог, друг и лауреат многочисленных спортивных наград и признаний фехтовальных клубов и Союза»³⁰⁷.

Спорт был любим «соколами» и скаутами, организации которых получили широкое распространение на земле Королевства, в том числе и в Белграде. О них написано уже предостаточно, поэтому ограничу свою задачу предоставлением информации общего характера с выходом на всю Югославию, так как конкретика деятельности тех же «соколов» в Белграде не отличалась от жизнедеятельности их собратьев в других городах.

Но вначале два стихотворения.

[Без названия]

Выше, выше. Крылья машут.
Не страшна ночная мгла.
Мы оплот отчизны нашей —
Молодые сокола.

Поднят белый меч рассвета
В сини утренней небсс...
В алом сердце все три цвета,
Вера, чаянье чудес...

Пусть наш край поруган ныне,
Пусть за нами ряд могил, —
Но над мертвою пустыней
Слышен шум могучих крыл.

Шире крылья молодые,
Не страшна ночная мгла.
Ведь несут судьбу России
На знаменах сокола.

Е. Акаро

(1-я награда на конкурсе русского сокольского гимна на VI краевом съезде Русского сокольства в Королевстве в 1929 г.)³⁰⁸.

Гимн

Слушай, брат, раздалось пенье
Гимна русских соколов,
В мышцах — силы пробужденье,
В здоровом теле дух здоров.

Мы идем... Родного флага
Окрыляют нас цвета,
В сердце — бодрость и отвага,
Стать героем, вот — мечта.

В мыслях — родина святая,
Силы, братья, ей вдохнем...
С нами Бог! Врагов сметая,
За Славянство мы умрем!³⁰⁹

Борис Волховский

«Mens sana in corpore sano». Эти слова из Ювенала можно было поставить девизом к деятельности «Русского Сокола», отчет деятельности которого в Королевстве стал вестись с 1922 г.

Для чего нужна была эта организация с таким красивым и гордым названием?

«Сокольство, — пишет его знаток Р. В. Полчанинов, — было задумано как массовая спортивная организация. Действительными членами могли быть только лица старше 18 лет, которые до своих 27 лет должны были посещать гимнастические занятия. Занятия с детьми и подростками были задуманы как подготовка сокольской смены. Должное внимание уделялось также и патриотической и культурной деятельности»³¹⁰. Сокольство появилось в 1862 г. в Чехии и связано с именем Мирослава Тырша, виде-

шего в нем средство возрождения своего народа. На следующий год оно родилось в Словении, в Любляне, именно там это движение получило свое название «Сокол», от «любимой птицы славянского эпоса». В Хорватии сокола появились в 1874 г. В Сербии зарождение сокольства было связано с именами государственных деятелей Стевы Тодоровича и Владана Джорджевича, которые основали гимнастическое общество в Белграде в 1882 г.; с 1891 г. оно стало официально называться Сокольским. В России сокольство появилось в 1883 г. По мысли П. А. Столыпина, общества «Сокол» должны были стать одним из средств предотвращения революции, «вырабатывая новый облик гражданина и патриота». В России был создан Союз русского сокольства, издавались сокольские газеты и журналы, например, «Сокол» и «Вестник Русского сокольства». «К началу Великой войны русское сокольство насчитывает уже 36 вступивших в Союз Русского Сокольства обществ и 22 еще не вступивших в него, но сокольских по духу обществ».

К началу мировой войны 1914 г. было 113 сокольских обществ по городам и весям Словении, а в соседней Хорватии уже к 1911 г. действовали 133 гимнастических общества в рамках «Хорватского Сокола». В Сербии к 1908 г. был создан Союз сокольских обществ «Душан Сильный».

Начавшийся было процесс объединения всех югославянских соколов был прерван убийством престолонаследника Франца Фердинанда в Сараеве. Добавлю, что входивший в революционную организацию Гаврила Принцип, произведший роковой выстрел, был еще и соколом. В порыве «справедливого гнева», власти Австро-Венгрии обвинили сокольство в государственной измене, многие сокола были посажены в тюрьмы и осуждены на каторгу. Большинство «соколов» уходят воевать. Началась Великая война, в которую была втянута Россия и почти вся Европа. Потом были революции и эмиграции. Ко времени прибытия русских эмигрантов в Королевство СХС там уже успешно действовали сокольские организации.

Возрождалось и Русское сокольство. Первая попытка создания в 1921 г. русского сокольского общества в Белграде успеха не имела. Только 2 июля 1922 г. удалось учредить во главе с И. И. Максutowым первое русское сокольское общество в городе Земун, который отделяла от Белграда река Сава. С его именем связано и основание новых русских сокольских организаций в Любляне и Загребе.

В своем историческом экскурсе в историю русского сокольства в Югославии А. Б. Сергеевский отмечал, что без поддержки Югославянского со-

кольства, его столпов Г. Г. Паунковича и Б. Живковича, возродить Русское сокольство «было бы в ту пору почти невозможно»³¹¹.

«Первый слет югославянского сокольского союза (ЮСС) 14—15 августа 1922 г. в Любляне, — писал далее «сокол» А. Б. Сергеевский, — послужил толчком к дальнейшему росту и русского сокольства. Несколько русских соколов выступало с упражнениями в одном строю с югославянами, практика впоследствии частая, а 126 русских соколов и соколов приняло участие в торжественном шествии по городу, впервые снова под своим русским бело-сине-красным флагом. Население Любляны приветствовало русскую колонну восторженными криками приветствия в честь и во славу России, хотя бы и зарубежной.

Но еще важнее для дела было то, что по почину земунского о-ва РС там же в Любляне, в слетские дни состоялось «Собрание представителей Русских сокольских организаций и отдельных лиц русской национальности, входящих в состав Югославянских сокольских обществ» для выработки «Правил» для объединения русских соколов в Югославии и установления правильных взаимоотношений с Югославянским сокольством. Эти Правила послужили в дальнейшем материалом для «Положения» («Уредбы») о русском сокольстве в Королевстве СХС, основном документе для правового существования РС в стране. Оно приобрело окончательную форму и было утверждено Правлением краевого союза русского сокольства в Югославии 29 ноября 1925 г., а затем и Старейшинством югославянского союза соколов — 3 Мая 1926 г..

Первоначально русские сокольские организации предполагались составными частями местного Югославянского сокольского общества, с некоторой автономией в своей среде. Практика жизни показала, однако, насколько для русских эмигрантов было важным жить своей русской общностью — «Правила», а затем «Уредба» дали нам полную автономию, под защитой и в братском сотрудничестве с юго-соколом. Это давало русским сокольским организациям возможность пользоваться местными гимнастическими залами, получать скидки на средства сообщения, участвовать в сокольских и государственных мероприятиях югославян»³¹².

После Земуна русские сокольские общества появлялись во многих городах Королевства: в Горажде (1922 г.), в Любляне и Белграде (1923 г.), Загребе (1924 г.), в Каниже, Великой Кикинде, Сараеве, Крагуеваце. Некоторые общества вследствие отъезда тех или иных групп лиц закрывались, а потом открывались спустя несколько лет заново, как было в Сараеве³¹³.

«Силен свободным повиновением» — начертано было над входом в Сокольню (гимнастическую залу), разместившуюся в Русском доме в Белграде, ставшем в 1932 г. центром русского сокольства (ранее была Прага). Заместитель старосты Общества «Русский сокол в Белграде» полковник В. М. Пронин подчеркнул, что «сокольская идея как идея национальной государственности, жертвенности и дисциплины должна быть особенно и бесконечно дорога русским людям»³¹⁴.

И я вновь обращаюсь к Сергеевскому: во всех русских сокольских обществах, главным образом провинциальных, писал он, «кипит бурная жизнь: лекции и встречи, занятия гимнастикой разных возрастных групп соколов, соколок и соколят, проходят школьные классы по русским предметам — Закону Божьему, русскому языку, русской истории, географии, родиноведению. Проводятся вылеты в природу и летние лагеря. Часто происходят совместные мероприятия с юго-соколом, на всех их торжествах присутствуют представители местного русского Сокольского общества и наоборот, Югославянское старейшинство присутствует на наших. Чествуются церковные события и православные праздники»³¹⁵.

Общее количество соколов в Королевстве составляло примерно 3 тыс. человек, т. е. половину всего русского сокольства. Все общества входят в «Краевой совет русского сокольства в Югославии» с центром в Белграде во главе с генералом В. А. Артамоновым, бывшим российским военным агентом в Белграде с 1909 по 1920 г.

Всей своей деятельностью сокольство служило «физическому и духовному воспитанию русских людей в духе беззаветного служения своей Родине; созданию кадров русских сокольских деятелей для будущей работы в России».

Готовясь к будущему освобождению Родины, русские сокола усиленно занимались военной подготовкой³¹⁶. Так, «в лагерном сборе, организованном Краевым союзом в Югославии в июле 1939 г. ... за 28 дней сокола в количестве 50 братьев и подростков прошли теоретический и практический курс по организации вооруженных сил, тактике, топографии, стрелковому делу, охранению, разведке, установке связи, решению тактических заданий, боевой подготовке, маскировке»³¹⁷.

Для подготовки кадров руководителей организовывались технические и просветительные курсы по подготовке «учителей и борцов за наше общерусское дело». В программу физического воспитания входило и строевое учение, а также стрельба, рубка, фехтование и пр. В распоряжении

белградских соколов имелись своя парусная яхта «Светлана» и планер «Святогор». Это был уже второй планер, сделанный в соколье руками русских соколов «воздушного отдела имени капитана Нестерова». В борьбе с «денационализацией души, когда далекое русское у их сверстников уступало место европейскому близкому, сокола использовали даже театральную сцену, поставив ряд патриотических пьес в театре русского Дома. Пользуясь югославянской сокольской печатью и белградской радиостанцией, они говорили своим однолеткам на сербско-хорватском языке о России и ее будущем. Придавая большое значение печатному слову, сокола издавали ежемесячник «Пути Русского Сокольства», связывавший сокольские гнезда, рассеянные по всему миру — от Америки до Китая, от Африки до Австралии»³¹⁸.

К началу Второй мировой войны в «эмигрантском архипелаге» насчитывалось 75 сокольских обществ общей численностью примерно в 5 700 человек. Большинство обществ действовало в монархической Югославии³¹⁹.

Во время войны были «сокола», которые пошли сражаться с коммунистами, вступив в ряды Русского охранного корпуса. После ее окончания многие уехали на Запад, где начали строительство сокольских обществ уже в неславянских землях, чтобы потом, в конце века вернуться в Россию.

В помещенной в интернете информации А. Кравченко, которому помогал русский сокол В. Морозов, можно прочесть: «Оторванность от русской земли привела к постепенному угасанию большинства эмигрантских русских организаций. “Союз русских соколов” к концу 1980-х годов уже находился в фазе активного угасания, а его члены, — в основном пожилые люди, — могли заниматься лишь воспоминаниями о славном прошлом сокольской организации. Новую жизнь “Русский сокол” обрел уже в России. В 1991 году ветераны-афганцы, руководители военно-патриотических клубов, при содействии офицеров ГРУ, возродили сокольскую организацию. Первым ее руководителем стал известный деятель военно-патриотического воспитания (к сожалению, уже покойный) Николай Алексеевич Джанумов.

Сначала организация объединяла клубы Москвы и Московской области. В 1993 году в состав “Русского сокола” вошел клуб из Десногорска (Смоленская область) — и, таким образом, организация стала приобретать всероссийский характер. Уже в следующем, 1994 году, ветераны-соколы из Сан-Франциско передали возрожденному в России “Соколу” исторические знамена организации.

В силу ряда причин, — прежде всего из-за общего духовного хаоса в России в 1990-х годах, — “Русский сокол” не смог стать действительно всероссийской организацией военно-патриотического воспитания молодежи, необходимость которой стала очень остро ощущаться после натовских бомбардировок Югославии. Тем не менее история сокольских организаций, а также существование “Союза русских соколов”, как одного из немногих объединений военно-патриотических клубов, может в ближайшее время сыграть важнейшую роль в формировании системы общественной безопасности страны»³²⁰.

Другой мощной молодежной организацией, действовавшей в Белграде и других городах Королевства, была скаутская, почетным членом которой был П. Н. Врангель, которому было посвящено следующее стихотворение:

Тоскливо дней несется череда
 Вдали от нашей родины любимой...
 Ее мы не забудем никогда,
 Зывая к Господу с тоскою нетерпимой.

И клича призывного страстно ждем
 И посох скаута заменить готовы
 В урочный час покинутым ружьем,
 Чтоб снять с Руси позорные оковы.

Когда же Ты, когда, наш Старший Брат,
 Под Русский Стяг сзовешь свою дружину?
 Из русских скаутов всякий будет рад
 Служить Руси в тяжелую годину.

«Юный Витязь»³²¹.

Справка

В 1921 г. в Королевстве было зарегистрировано свыше 1 000 русских скаутов и свыше 200 русских скаутмастеров, состоявших в русской организации за период 1917—1922 гг.³²²

Для того чтобы войти в мир скаутинга (от англ. scout— разведчик), необходим краткий исторический экскурс. Итак, сначала были Великобритания и полковник Роберт Баден Пауэлл, позднее генерал. В англо-бурской войне (1889—1902 гг.) во время осады г. Мефкинга многие

мальчишки помогали ему в разведке, служили сигнальщиками, гонцами. Эффективность их действий привела английского офицера к идее о том, чтобы страсть к приключениям, столь свойственную подросткам, использовать в сфере воспитания.

В 1907 г. Р. Б. Пауэлл организовал в Великобритании на о. Броунси экспериментальный лагерь, в котором было 20 мальчиков из различных социальных слоев. «Ежедневно они получали таблицу режимного времени, список с необходимыми инструментами и другую информацию. Формы не было, но каждый патруль (волки, быки, львы, вороны) носил на плече шерстяной узел своего цвета. Наградами за успехи в выполнении требований были латунные лилии, свисток и шейный платок или галстук цвета хаки. Каждый патруль оборудовал сам себе привал, варил еду, выставял караул на ночь. Результаты этого лагеря были опубликованы в качестве особой программы “бойскаутов” (мальчиков-разведчиков). Книга Пауэлла “Разведка для мальчиков” увидела свет в январе 1908 года и имела ошеломляющие последствия. В течение недели по всей стране мальчики образовали патрули бойскаутов, и к концу года начала действовать национальная штаб-квартира по координации этого движения».

В итоге Баден Пауэлл «создал программу работы с молодежью в виде интересной, занимательной, полной захватывающих приключений игры. Основной целью этой “игры в жизнь” было воспитание людей, способных жить на лоне природы и справляться со всеми трудностями, которые на этом пути встречаются; людей сильных духом, смелых и честных. Вспоминая опыт войны, генерал решил, что новая система воспитания не должна ничем напоминать военную, а должна быть исключительно мирной. В мирной жизни дети должны быть разведчиками добрых дел»³²³.

Днем рождения российского скаутизма считается 30 апреля 1909 г., когда штабс-капитан лейб-гвардии стрелкового полка Олег Иванович Пантюхов с группой мальчиков провел в Павловском парке под Петербургом первый скаутский костер. Тогда, по воспоминаниям О. И. Пантюхова, «еще не прошло и пяти лет со времен неудачной для нас Русско-японской войны. Раны недавней войны еще не были залечены у взрослых, и у многих из них настроение было подавленное. А молодежь? Она, пожалуй, еще сильнее, еще острее переживала эти неудачи войны и ей особенно хотелось “что-то” сделать для России, но что?.. Детская игра в “казаки-разбойники”, естественно не могла ее удовлетворить. Организованные и быстро распространявшиеся повсюду отряды “потешных”

тоже не устраивали ее. А вот скаутская система — это совсем другое дело. Идея рыцарства, идея самовоспитания, идея сближения с природой, идея закалки воли и развития характера и самостоятельности, идея служения Родине и ближним не могут не захватить молодежь и не зародить в ней светлые идеалы. У скаутов на каждый отряд в 24 человека должен быть свой педагог — скаут-мастер. Вот этими мыслями я делился со своими друзьями. Так вышло, что я стал рассказывать собравшимся вокруг нас подросткам о наших кавказских походах, “разведках”, шалашах, лагерях, беседах у костра и о привольной жизни на лоне природы. Рассказал также о только что прочитанной книге Баден-Пауэлла и увидел, как глаза молодежи заблестели от желания стать скаутами нашей Родины, и я не мог не предложить желающим начать со мною скаутскую “разведку”.<...> Первые же походы, лагеря, беседы у костра и разведки так увлекли нашу молодежь, что не было отбоя от желающих примкнуть к нам»³²⁴.

После октябрьской революции и Гражданской войны деятельность русских скаутов идет в странах русского рассеяния. О. И. Пантюхов утверждает для организации название «Национальная организация русских скаутов». Скаутская работа не прекращалась даже во время Второй мировой войны. В оккупированных фашистами странах, она велась в подполье. В 1945 г., в Мюнхене, на Съезде руководителей, английское слово «скаут» было заменено русским словом «разведчик», а само движение стало называться «Организация российских юных разведчиков» (ОРЮР). В России разведчество возродилось в 1990 г., когда 6 июня в Черногоровке под Москвой вспыхнул первый после многолетнего перерыва скаутский костер, а 11 июня загорелся вновь костер в Павловском парке³²⁵.

Свои костры горели и в тогдашнем королевском Белграде и по всей Югославии, правительство которой оказывало скаутам небольшую финансовую помощь. Была даже своя песня «На Авале, на горе» у этих «сорви-голов».

Ее автором стал Владимир Львович Гальской (1908—1961). (В 1992 г. в Вологде вышел посмертный сборник стихов В. Гальского «Путь усталости».) Вступивший в начале 1920-х годов в Белградскую дружину русских скаутов, он стал в 1924 г. начальником роверов. Это английское слово «ровер» (которое можно перевести как странник, витязь, бродяга) для скаутов старше 16 лет ввел в скаутскую терминологию О. И. Пантюхов своим приказом от 14 июня 1924 г.

Вот несколько куплетов этой песни:

На Авале, на горе, роверы гуляли
И на утреней заре флаг свой подымали.
Гей, гей, гей гуляй, флаг свой поднимали.
А внизу, в лесу густом буря листья крутит.
Ветер воет о былом, в сердце горе будит.
Гей, гей, гей гуляй, сердце горе будит.
Ровер горе гонит прочь. Ровер не поддастся.
Пусть темна и мрачна ночь, звезды загорятся.
Гей, гей, гей гуляй, звезды загорятся...³²⁶

«Вариант этой песни попал, — пишет Р. В. Полчанинов, — в сборник “Скаутские песни”, составленный А. Белоусовым в Ровно (Польша) в 1932 г.» Текст се весьма отличается от слов В. Гальского:

На Авале на горе, роверы гуляли
И вечернею порой флаг свой опускали,
А в лесу густом буря ветки ломит,
Ровер помня о былом, прошлое хоронит.
Ровер тугу гонит прочь, ровер не поддастся,
Пусть темно и мрачна ночь, звезды загорятся.
Много лет прошло с тех пор,
Песни там не пелись,
Старых роверов семья... где?
Куда вы делись?
Как-то сереньким деньком,
Вспомня про Авалу,
Пели старые борцы
Про былую славу.
Не случайно в уголку чибисята дрались
И подслушав стары песни, они им поклялись:
Хранить старые заветы, не забыть Авалу,
Рассказать идущим новым, про былую славу³²⁷.

Это уже был третий вариант песни. На нее откликнулся Р. В. Полчанинов, сочинив в 1939 г. свою песню под названием «А в Сараеве...»:

На Авале, на горе роверы гуляли,
Дни былые на Руси в песнях вспоминали.
Гей, гей, гей гуляй, в песнях вспоминали.
А в Сараеве у нас песню услышали.
Через села, города эхо посылали.
Гей, гей, гей гуляй, эхо посылали.
Прозвенела песня их новыми словами.
Чувство новое зажгли юными сердцами.
Гей, гей, гей гуляй, юными сердцами.
Зов услышали везде русские ребята —
Одиночки, вожаки, пчелки и волчата.
Гей, гей, гей гуляй, пчелки и волчата.
Все ребята к нам идут в звенья и отряды.
К новой жизни путь найдут через все преграды.
Гей, гей, гей гуляй, через все преграды.
Крепнет шаг, гремят в рядах песни их лихие.
И грядет на их плечах Новая Россия.
Гей, гей, гей гуляй, Новая Россия³²⁸.

(Девочки 7—10 лет назывались «пчелками», «птенчиками»).

И судьба Р. В. Полчанинова, как и многих других, была связана с «новой Россией», о которой мечтали в скаутах, посвящали жизнь в рядах НСНП (позднее НТС). А пока были костры с вечерними беседами.

«Лагерный костер, — писал автору Р. В. Полчанинов, — был одним из символов разведчества. Место костра обкладывалось камнями, через костер нельзя прыгать, бросать в него мусор или печь картошку. Для этого есть кухня. В лагерный костер можно бросать только бумажку с написанной на ней обидой... после этого обиженный должен был забыть о своей обиде». Были и другие обычаи: замеченный в сквернословии поднимал руку и ему в рукав вливали стакан воды, поссорившихся окружали и пели на мотив арии герцога из «Риголетто» одно слово «Гуммиарабикум» до тех пор, пока они не мирились³²⁹.

А теперь возвращаюсь на мостовые Белграда, где на первый сбор, 15 ноября 1921 г., созванный активными деятелями скаутского движения А. Ф. Липским и А. Туган-Барановским, пришли всего два скаута — дети

директора Русско-сербской гимназии В. Д. Плетнева. Именно из русских учащихся был создан отряд скаутов, стая «волчат», патруль герл-гайд. Благодаря фундаментальному труду профессионального историка Ю. Кудряшова «Российское скаутское движение» (Архангельск, 2005) можно многое узнать о скаутской жизни в том же Белграде. Например, в указанный выше отряд входили сын и дочь барона Врангеля, правда, они уехали из югославской столицы в январе 1923 г. Начальником 1 Белградского отряда скаутов стал упоминавшийся А. Ф. Липский³³⁰. А теперь немного опять «серьезной» информации. Русские скауты весьма тесно были связаны с югославским скаутингом. В частности, они учились на созданных М. В. Агаповым-Таганским, известным литургистом И. А. Гарднером и Ивашинцевым югославянских курсах для руководителей на Плитвицких озерах, девизом которых были слова — «Будем как солнце», взятые из написанного в 1902 г. стихотворения Бальмонта «Завет бытия». Одним из их отличников-выпускников был Борис Борисович Мартино, который не только был приглашен к чтению лекций по звеновой системе, одного из главных предметов, но и написал книжку на эту тему³³¹.

Возвращаясь в Белград, скажу, что к 1938 г. в нем действовали четыре отряда русских скаутов: имени Богдана Хмельницкого, Александра Суворова, атамана Ермака Тимофеевича и генерала Дроздовского³³². Тогда столичные скауты пели отличные советские песни: «Веселый ветер», «Эй вратарь, готовься к бою», «Широка страна моя родная» и родную пионерскую «Крутыми тропинками в горы». В 1938 г. в Белграде усилиями русских сараевцев, прибывших учиться в университет, стал издаваться разведческий журнал — «Мы»³³³. Из скаутских изданий назову журнал «Витязь», первый сдвоенный номер которого датирован 1922 г. — издание Главной квартиры организации скаутов в Королевстве СХС³³⁴. В 1920-е годы в Белграде начали выходить журналы «Авала», «Скаут», «Волчонок», «Скаут-одиночка», «Гайда», издание роверского патруля «Будь готов»³³⁵. К ним добавлю еще «Костер одиночек» — ежеквартальник отделения скаутов-одиночек при дружине русских скаутов в Королевстве СХС и вестник национального русского скаутизма и организации юных разведчиков «Юный разведчик». В них можно было прочесть и последние распоряжения начальства и рекомендации по окапыванию палаток, и скаутские новости со всего света, и прозу, нравящуюся молодежи, и песни.

Так, у скаутов Белграда 1 дружины была своя «Походная»:

Барабан свою дробь начинает,
Вьются знаки лихих патрулей,
И дружина в поход выступает,
Провести день меж рощ и полей.

Сколько раз мы ходили в поход,
Сколько раз еще будем ходить,
И дорог и похода невзгоды
Нам не смогут пуги преградить.

Ширь полей и лесов мы встречаем,
Эхо песни в ней нашей звучит,
Солнце весело путь освещает,
И колосьями поле шумит.

Догорела заря над холмами,
И повис уж туман над водой,
И манящими город огнями
Тянет скаутов скорее домой.

Чья-то песня над рекою несется,
Барабан чей-то там громко бьет,
Эта песня тогда лишь поется,
Когда первой дружины поход³³⁶.

И думается эта песня звучала не раз на Авале, традиционном месте скаутских костров. Именно там устраивались пасхальные лагеря на второй половине Святой недели и проходило посвящение роверов в «Старые белградцы»³³⁷.

Так, осенью 1921 г. русские скауты вместе с сербами организовали 2 недельных лагеря на Авале (20 км от Белграда) и 1 на одном из дунайских островов (25 км от столицы). С началом весны скауты совершили около 100 походов³³⁸. В мае 1923 г. поэт Илья Николаевич Голенищев-Кутузов создал из состава белградских скаутов речной отряд³³⁹. Из других знаменитостей, участвовавших активно в скаутском движении, назову имя мастера балета А. М. Жуковского.

Рассказ о стиле скаутской жизни можно дополнить праздничной картинкой III слета Союза скаутов Королевства Югославии, устроенного в 1935 г. (с 4 по 11 сентября) на окраине Белграда, в Топчидерском парке³⁴⁰. Тогда в Белград прибыли, кроме венгров и чехословаков, еще делегации из Австрии, Болгарии, Польши, Румынии. Была устроена грандиозная выставка, посвященная деятельности югославянских скаутов. Примечательно, что ее готовили русские. Полчанинов называет двух человек.

Первым был один из белградских руководителей Иван Семенович Светов (20.01.1902 — 02.05.1982), выдающийся скаутский руководитель. Первый свой отряд он основал в 1918 г. в Роменском реальном училище. В 1919 г. пошел добровольцем в русскую армию, сражался с большевиками и эвакуировался в Галлиполи. Потом, до конца 1924 г., в составе своей части, служил в пограничной страже Королевства СХС, строил дороги в Боснии до конца 1929 г. После был Белград.

Как пишет Р. В. Полчанинов, Светов, «оказавшись в положении одиночного скаута, обратился через газету с призывом к таким же одиночным скаутам как он, и 10 июня 1923 г. выпустил рукописный журнал “Костер одиночек”, посланный “по цепочке”, т. е. по списку с указанием, кто кому посылает журнал и как долго может его держать у себя. Светов предложил всем объединиться в одиночный патруль (по нынешней терминологии — звено) и назвать его “Двуглавым орлом”. Это было всеми одобрено и 15 ноября И. С. Светов объявил об основании патруля. Вскоре работа расширилась, и был создан второй одиночный патруль. Одиночками были старые скауты. Новичков не было. Для связи с одиночками С. И. Светов выпускал журнал и газету под общим названием “Костер одиночек”. Условия работы на строительстве дорог не позволили И. С. Светову руководить одиночками, и он 26 октября 1924 г. передал руководство Владимиру Окуличу, который уже руководил 1БОРСом (1-й Белградский отряд русских скаутов), и 2БОРСом, которые, фактически были сведены в один отряд». Сюда добавлю, что если «целью работы с одиночками было сохранение кадров», то с 1930 г. задачей «стало привлечение в организацию новичков для распространения скаутизма-разведчества среди русской эмигрантской молодежи, желавшей состоять в русской молодежной организации, но не имевшей таковой в месте проживания. Для многих заочное участие в жизни русской молодежной организации было единственным естественным выходом из положения».

Р. В. Полчанинов отмечает, что «Светов свою работу с одиночками рассматривал как воспитательную систему работы путем переписки. Звено одиночных скаутов должно было объединять в одно целое мальчиков, живущих в разных городах. Сближением должен был служить звеновой журнал, в котором бы одиночки делились своими новостями, мыслями и переживаниями».

При этом он строил свою работу с учетом индивидуальных особенностей каждого одиночки, изучая при помощи графологии характер, а на основании писем — психологию, интересы, условия семейной жизни и т. д.

Приехав в столицу, он поступил на педагогический факультет и 16 февраля 1930 г. на должность начальника Центральной штаб-квартиры русских одиночных скаутов в Европе. В 1931 г. возглавил 1-й БОРС. «Он, — пишет далее Р. В. Полчанинов, — развернул работу с одиночками не только по всей Европе, но и на Дальнем Востоке. Некоторые начальники отделов смотрели ревниво на его успехи. Начались интриги, и в марте 1934 г. И. С. Светов ушел из организации и передал руководство Центральной штаб-квартирой русских одиночных скаутов Владимиру Львовичу Гальскому.

Уйдя из БОРС-Р — Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков, И. С. Светов продолжал разработку системы работы с одиночками, назвав ее «Семейно-уголковой» работой, изложив ее в 1939 г. в рукописи «Две главы к пониманию основ уголковой семейно-воспитательной системы».

В годы войны 1941—1945 И. С. Светов работал простым рабочим в Вене, принимая участие в подпольной разведческой работе, проводившейся в разрешенной немцами НОРМ — Национальной Организации Русской Молодежи. Его комнатка, где он жил, была неофициальным центром этой подпольной работы. У него был шапирограф и на нем 7 января 1945 г. был выпущен журнал «Вперед», посвященный Пражскому манифесту ген. А. А. Власова.

Оказавшись в Советской зоне оккупации И. С. Светов, как подданный Югославии, был отправлен в Югославию, и после проверки получил работу счетовода в Приштине (Косово). Когда в начале 1950-х годов в Югославии началось возрождение скаутской работы под названием «Извиджачей» (разведчиков), И. С. Светов принял в этом самое деятельное участие, делясь своим богатым опытом с молодыми руководителями. После

выхода на пенсию И. С. Светов устроился в старческом доме, не прекращая до своей кончины работы с «извиджачами»³⁴¹.

Вторым... был русский ровер (по нынешнему — витязь) Николай Павлович Навоев (1913—1940), ставший вскоре в Югославии известным художником, одним из создателей «стрип-романов» (романов в картинках) в Югославии. Он был единственным служащим «Главне управе» (главного управления) Союза скаутов королевства Югославии, на котором лежало все делопроизводство³⁴².

Из начальства упомяну двоих: генерала Владимира Колюбакина, возглавлявшего русских скаутов в Королевстве, и руководителя Белградской дружины Андреева, придававшего большое значение слету. На первой странице листка «Дневник разведчика» № 4 (апрель 1935), который он издавал, было написано: «Мы должны показать всему, не только русскому, но и югославянскому обществу, что мы не “сгнили”, что у нас течет еще молодая русская кровь. Мы обязаны доказать, что мы настоящие скауты...»³⁴³

Потом, уже после слета, Андреев вспоминал: «Этот съезд является одним из самых светлых воспоминаний моей скаутской работы: ночной парад — смотр войскам и организациям в честь молодого короля Югославии. С зажженными факелами в руках, широким развернутым строем прошли мы по улицам столицы, высоко неся на вытянутых руках свои знамена и русские флаги, закусив от боли губы (смола текла по рукам — мы, единственные, почти, не бросили факелов), молодые, уверенные в себе, крепкие. Скаутмастер А. М. Жуковский нес знамя дружины. Когда я подал команду “вольно”, двое скаутов, от напряжения, свалились без чувств»³⁴⁴.

«Мы, сараевцы, — писал позднее Полчанинов, — понимали чувства Андреева, но не разделяли их. Для одних, скаутизм был, по выражению Баден-Пауэлла, “Большой игрой” — развлечением, для Андреева — скаутизм был парадом и факельным шествием, а для нас, сараевцев, разведчество (иностранное слово “скаутизм” мы избегали) было ответом на призыв РОВСа — Русского общевоинского союза — “Молодежь под знамена!”»³⁴⁵

Начавшаяся советско-германская война бросила многих скаутов в свое горнило, став жестоким экзаменом для вчерашних мальчишек и девчонок.

Завет бытия

Я спросил у свободного ветра,
Что мне сделать, чтоб быть молодым.
Мне ответил играющий ветер:
«Будь воздушным, как ветер, как дым!»

Я спросил у могучего моря,
В чем великий завет бытия.
Мне ответило звучное море:
«Будь всегда полнозвучным, как я!»

Я спросил у высокого солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари.
Ничего не ответило солнце,
Но душа услышала: «Гори!»

К. Бальмонт

И многие из скаутов/разведчиков «сгорели» на той войне

Об исканиях «ультрафиолетовых» младороссов

Один из тех, кто сохранил в эмиграции способность размышлять, анализировать, обобщать, писал, что русских можно было подразделить на две группы. В первую входили те, которые жили в трезвости провинциального уклада жизни без высоких парений (хранители памяти). Во вторую — мыслившие в духе высоких предназначений о будущем родины, судьба и спасение которой во многом обуславливалась активностью новых русских (творцы памяти). Соответственно, сама эмиграция подразделялась на три большие группы:

1. «Эмиграция ничего не может сделать. Все будет сделано “там”. А поэтому нужно ждать, не забывая о личном благополучии и устройстве, и накапливать культурные силы для будущей России»;

2. «Россия погибла и никогда вновь не будет. Мы должны прочно устроиться и служить новой родине. Ну, а если Россия будет, то и нам место найдется»;

3. «Эмиграция своими действиями может весьма серьезно помочь народу в его борьбе с коммунизмом, а поэтому должна все силы, средства и возможности отдать делу борьбы»³⁴⁶.

Пожалуй, самой интересной — мыслями, фантазиями, демагогией, провокационными заявлениями, «золотыми снами» — представлялась, по моему мнению, третья группа. Наиболее привлекательными, особенно для молодежи, были предтеча НТС — Национальный союз нового поколения и Союз младороссов. Однако если о НТС есть обширная литература, то об организации «Молодая Россия» или «Союзе младороссов», т. е. о младороссах известно неизмеримо меньше.

О них, время от времени, конечно, пишут, не забывают, но мнения весьма разнятся, причем превалирует негатив. Именно негативизм современников по отношению к младороссам и нынешних толкователей минувшего привлек мое внимание к этому движению с таким звонким названием. Освещение его деятельности диктует необходимость обратиться к мыслям, идеям, планам, бродившим в умах молодежи. Удивительно, младороссы в отличие от других многочисленных эмигрантских организа-

ций «жили» теорией, будущим, планами, в корне не совпадавшими с воззрениями на Россию, ее историю, настоящее, будущее, распространенными среди изгнанников. Именно освещение идей, захватывавших умы и души, к примеру, белградских младороссов, позволяет приблизиться к пониманию сложнейшей ситуации, сложившейся в эмиграции вокруг Советской России. Конечно, можно заранее сказать, что младороссы в Белграде, Харбине, Париже, во всем русском рассеянии «мыслили по концептам», составленным на основе печатных материалов своего лидера Александра Львовича Казем-Бека. Но... если идеи руководителей отвечают времени, настроениям, заветным мыслям, стремлениям играть роль в строительстве будущей России, то младороссов нельзя упрекать в иждивенчестве мысли.

Более того, мой интерес подогревался и тем обстоятельством, что в рядах «советских» младороссов были люди, фамилии которых вошли в историю России, их поддерживал и принявший на себя титул государя великий князь Кирилл Владимирович, потом и его сын Владимир Кириллович. Среди активистов младоросского движения был и упоминавшийся в первой части моей книги белградец граф Илья Ильич Толстой, будущий профессор Московского университета. Их мысли о планах переустройства России, тактике и стратегии этой организации, деятельность которой «возмущала» эмигрантскую жизнь, побуждают меня уделить ей место здесь — в эссе о русской эмиграции в Белграде, где жили, верили и мечтали младороссы. И даже объясняли соотечественникам суть своих воззрений. Так, в белградском «Царском вестнике» (1934 г.) в статье «К какой монархии идут младороссы» граф И. И. Толстой писал, между прочим: «Младоросское движение выбросило лозунг: *Царь и советы*, т. е. Царь самодержавный, отец государства-семьи и советы, с низов выборные, поднимающие до самого верха до Царя нужды, настроения, чаяния Народа. Только в таком сочетании получается полное слияние Царя с народом. Царь таким образом оказывается в потоке жизни всей страны: может видеть, чувствовать, понимать и судить справедливо по совести.

Будучи самодержавным, Монарх независим ни от каких влияний классовых или партийных, т. е. является надклассовым, надпартийным и значит справедливым. Такую монархию мы называем общественной, или языком современным, социальной монархией.

Так как творчество страны является основным фактором ее благосостояния, вполне понятно, что все внимание в будущей Монархии России будет направлено на подъем творческих сил, поддержание творческого порыва и укрепление здоровых творческих начинаний.

Творчество есть последствие труда.

Царь творческого государства не может не покровительствовать труду, не защитить его... Только социальная монархия в состоянии вывести нашу бедную Родину из темного леса, неморального и бессовестного коммунизма на широкий путь Божественной правды. Только самодержавный монарх даст возможность России разрешить свои исторические задачи в мировых масштабах, показавши всему миру новые светлые пути. Любви и справедливости»³⁴⁷.

Теперь слово критикам младороссов. В том же 1934 г. в белградской газете «Русский голос» в статье Г. Карпова «О младороссах» были следующие строки: «В последнее время против младороссов образовался единый фронт эмиграции. Давно эмиграция не выступала так дружно.

Председатель ВМС (Высшего монархического совета. — В. К.) — А. Крупенский, глава Имперского союза — Н. Рузский, РНСД, заключившее с младороссами пакт, газеты: “Возрождение”, “Новое Слово” (Берлин), “За Россию”, “Последние новости”, демократический “Меч” (в Варшаве) и др. — в разное время и по разным поводам осудили младоросскую деятельность.

В некоторых из указанных выступлений утверждалось, что младороссы не понимают советской действительности, хотя и настаивают на обратном, компрометируют идею, которую взялись защищать и что вся их деятельность ограничивается эмиграцией». И далее: «... Младороссы, ведущие систематический обстрел сознания и воли эмигрантской молодежи на определенный большевицкий лад, прибегающие к типично большевицким приемам агитации, к упрощенно-плакатному мышлению, к хлесткой, злой и веселой фразе, на добрую половину уже большевики, конечно, национал-большевики, но это дела не меняет. Ведь и Сталина многие начинают считать за национал-большевика»³⁴⁸.

И в этом переплетении мнений сторонников и противников белградских и прочих в рассеянии живших младороссов я и попытаюсь разобраться.

Сначала небольшое примечание. В мою задачу здесь не входит освещение сюжета, связанного с идеями переустройства мира по итальянскому или немецкому образцу, вызывавшими громкий резонанс в русской эмиграции.

Анализ видения мира, предложенного изгнанниками, их мысли о прошлом, настоящем и будущем России, славянства был бы ущербным без детальной прорисовки взглядов самих младороссов и их главы А. Л. Ка-

зем-Бека, бывавшего в Белграде, ходившего по его мостовым и служившего объектом внимания журналистов из популярного издания «Бух!!!». А. Л. Казем-Бек был автором, возможно, первого проекта устройства мира, написанного им в самом начале Второй мировой войны.

В отличие от многих сверстников ему во многом «везло»: помогали талант и умение завязывать нужные знакомства. Он слушал лекции профессоров в Белграде и Мюнхене. В 1925 г. сдал экзамены в Высшей школе политических и социальных наук в Париже. Посещал занятия в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Потомок шейх-уль-ислама многого хотел, но диплом ему не дала получить сама жизнь с ее старыми проблемами в эмигрантской упаковке. Выручал блестящий ум, способность к синтезу и анализу разнообразной информации, получаемой им из самых различных по своему характеру источников.

Ставка на молодые, свежие силы, способные к творческому анализу, обусловила и монархический выбор Александра: для него «блюстителем российского престола», возглавителем императорского Дома становится великий князь Кирилл Владимирович (другой претендент — Николай Николаевич, родившийся в 1856 г., на двадцать лет раньше своего соперника, казался, видимо, слишком старым, чтобы возглавить в будущем новую Россию). Раздоры «бизонов», проигравших Россию и все еще «сидящих на чемоданах» с надеждой на возвращение в светлое и довольное прошлое, не могли не вызвать соответствующую реакцию у «детей».

В феврале 1923 года на Первом всеобщем съезде представителей организаций национально-мыслящей русской молодежи в Мюнхене Александр Казем-Бек был избран главой учреждавшегося «Главного совета объединенной русской молодежи» и возникшего в итоге съезда федеративного союза «Молодая Россия»³⁴⁹. В союз вошли 29 организаций, насчитывающих около 4 000 членов.

О содержании Декларации «Первого всеобщего съезда организации национально-мыслящей молодежи» дают представление такие строки: «Наш Идеал — Великая, Могущественная, Национальная Россия. Наша Вера — в грядущее спасение и возрождение Родины. Русский народ, обманутый и обманувшийся, исцелится от чужеземной заразы. Он найдет опять свои национальные пути и, в рамках исторической формы своего многовекового государственного строя, завершит на грани двух миров культурно-историческое призвание Русского Государства. Мы верим в великое прозрение сынов Русского народа, сознавшего свои тяжкие преступления против Родины. Мы исповедуем грехи руководящих слоев Русского

общества, в большей своей части увлекавшихся несбыточными, ложными построениями и разрушивших свою государственность, а в меньшей — допустивших своей преступной вялостью и непротивлением злу развал Русской Державы. Мы каемся в нашей доле участия, вольного или невольного, в причинах Русского бедствия... На единении Царя и народа, на мудром и твердом управлении и взаимном доверии правителей и граждан будут покоиться основы новой Русской государственности. Мы не хотим восстановления изжитых порядков, не устоявших перед смутой, и возвращения ветхих душой людей к управлению Россией... Мы хотим возрождения Русской культуры и творческого духа, воссоздания хозяйственной мощи России, оздоровления Русского быта. Самоотверженный созидательный труд всех граждан, чуждый сословной розни и классовой борьбы вернет России расцвет и благоденствие»³⁵⁰. Эта великолепная риторика вряд ли смогла бы увлечь молодежь, если бы не новые идеологемы, в частности, романтическое соединение двух слов — Царь и Советы, символизирующих связь прошлого с настоящим России.

На своем втором съезде в 1924 г. младороссы инициируют создание Союза молодой России, переименованного в 1925 г. в Союз младороссов, а в 1935 г. — в Младоросскую партию, куда входили практически все представители наций, народностей России, ее регионов, краев, областей.

В ее рядах были великий князь Дмитрий Александрович Романов — председатель Главного совета Младоросской партии, светлейший князь Леонид Павлович Ливен, граф Юрий Борисович Мусин-Пушкин, граф Павел Александрович Шувалов, граф Илья Ильич Толстой, барон Федор Мейендорф, барон Анатолий Сергеевич фон Штейгер. Среди членов новой партии можно было встретить самые разнообразные фамилии — Иванов, Али-Абас, д'Алонзо, Аштар, Баар, Безматерных, Био, дю Бош, Виркау, Войт, Гаганидзе, Гинднер, Гойер-Боот, Гульязизов, Джанкаев, Дзбановский, Дэнни, Дураков, Имерлишвили, Ишоев, Киссель, Кришталь, Лембик, Луначек, Лях-Невинский, Малхолланд, Маркопуло, Маркс, Миштовт, Мурзаев, Нувой, Освальд, Роар, Розенберг, Романов³⁵¹.

Судя по партийной картотеке, численность младороссов к 1937 г. не превышала 1 400 человек³⁵². Однако ее контрольная выверка с другими архивными документами заставляет предположить, что их количество было значительно большим.

В строительстве своего Движения руководство младороссов активно использовало такую древнюю форму организации, как орден, принадлежность к которому давала ощущение избранности, обладания некоей тай-

ной. В сущности, начало двадцатого века с его переделом мира и идеями установления нового порядка было тесно связано с мыслями о возрождении различных орденских структур. Новый Левиафан требовал тайны, которую мог обеспечить только орден. И далеко не случайно, что среди бумаг младороссов имеются выдержки из книги М. Бренстеда «Крах классово-политики». В этом весьма интересном труде автор писал: «Смысл концентричности орденской структуры заключается в том, что в орденовом происхождении качественный отбор человеческого материала для концентрации силы. В этом отборе, который происходит органически, заключается как бы социальная магия ордена... Качественный отбор человеческих масс происходит путем отбора волевых и моральных сил, путем отсеивания их от элементов слабых духом и от эгоистов всех мастей. Слабые остаются на периферии или выпадают вовсе из круга посвященных. Сильные идут вперед и вглубь, но испытанием силы может быть только борьба, только дела и поступки... орден всегда имеет мировую арену своего действия, в то время как партия действует в пределах государства, на арене национальной. Это вытекает из того, что орден борется за ценности общечеловеческого значения, между тем как социально-экономические интересы, коими руководствуется партия, ограничены рамками государственной жизни. И даже тогда, когда деятельность ордена разворачивается в национальных рамках, он стремится вывести нацию на мировую арену, в область большой политики, для осуществления нацией ее исторической миссии, ее исторической идеи, во всечеловечестве... Орден не стремится к количественному росту, он объединяет качество, партия же наоборот ориентируется на т. н. "массы". Опираясь на качества, орден воздействует и на самую партию, влияя на ее качественные элементы. Орден часто был той именно силой, которая стояла за теми или иными партизанами, влияя на них или непосредственно или путем создания для них особой среды. Такого рода тактика была бы немиссия, если бы орден был явным»³⁵³.

Официальные документы дают следующую картину. «Младоросское движение есть совокупность лиц и организаций, сочувствующих, содействующих или служащих установлению в России нового строя на началах национализма, социальности и монархизма. а) Младоросский национализм есть любовь к Российской Имперской Нации, состоящей из многочисленных народов, имеющих равные права на самобытное развитие... ведущая роль по укреплению и защите государства принадлежит народам русским... Через служение нации осуществляется и всечеловеческий идеал международной справедливости и мирного сотрудничества народов.

б) Младоросская социальность есть стремление к осуществлению в политическом, социальном, экономическом и бытовом строе национальной жизни начал справедливости в формах, соответствующих той правде, к которой на протяжении своей истории стремилась Российская нация. Младоросская социальность находит свое осуществление в проведении в жизнь младоросского социализма... исключает классовую борьбу... классовые и социальные привилегии и эксплуатацию человека человеком с построенным на ней капитализмом. Он признает частную собственность как социальную функцию и принцип национальной плановости, утверждает примат духовного начала над материальным и свободу совести.

в) Младоросский монархизм проистекает из веры в тот нравственный идеал, который лежит в основе русской культуры и русской государственности; он выражается в беззаветной преданности Природному Российскому Императору, олицетворяющему Nation и служение Ей... Верховная власть Царя, в отличие от абсолютной, ограничена нравственным идеалом, служение которому объединяет Царя с народом в соборном сотрудничестве... Младоросская Партия. Те, из входящих в Движение лиц, которые в своей политической деятельности добровольно объединяются, подчиняя ее водительству и руководству младоросской иерархии, составляют Младоросскую Партию. Партия построена на единоначалии, иерархичности и сотрудничестве.

Орден Младороссов. Те из членов партии, которые рассматривают задачи Младоросского Движения как главную цель своей жизни и добровольно согласуют с этой целью не только свою политическую работу, но и свою общественную деятельность и личную жизнь, объединяются в Орден Младороссов... Младоросский Орден является ядром Партии и Движения»³⁵⁴.

Идеологическая работа внутри партии лежала на политруках и пропагандистах-организаторах, в чьи обязанности входило разъяснение младоросской политтрамоты, составленной в форме кратких вопросов и ответов. Ее авторы, собрав в ней практически все «проклятые» проблемы, волновавшие русскую молодежь, стремились убедить ее, что лишь русский путь, только создание нового русского мира, — построенного на принципах Союзной империи, национальной плановости и монархии трудящихся, — является единственным средством возрождения новой России, в которой сливаются восточная и западная культуры с их историческими традициями и современным бытием. Одним из таких политруков и был Илья Ильич Толстой.

Вся политическая доктрина младороссов была заключена в формуле «Все национальное — наше». Программа-минимум — требование упразднения компартии. Одновременно младороссы заявляли, что они признают русской национальной властью то правительство, которое упразднит большевистскую организацию и ее филиалы³⁵⁵.

Три пункта программы-минимум.

Первый, ликвидация гонений на веру, провозглашение права свободы совести.

Второй, **«признание за русской национальностью ведущего и центрального положения в той семье народов, какой является Империя, ныне именуемая Советским Союзом.** Это было бы восстановлением прав русского большинства Империи, которые попираются в то время, как другие национальности Империи ими пользуются. Русская нация, раскрепощая народы на своей территории, как и за ее пределами (!!! — В. К.), несет на себе ответственность за защиту и неприкосновенность этих более слабых братьев. Умаление русского достоинства, доведенное до упразднения самого русского имени, не может быть допущено в то время, как русская нация возрождается в новой мощи, завоевывает воздух, дает миру героев, как Громы, Молоковы, Водопьяновы, Бабушкины, Евдокимовы».

Третий, **ликвидация классово-борьбы.** Как заявлял в 1935 г. в итоге Казем-Бек: «Мы признаем и поддержим ту власть, которая выполнит эти условия, совершенно независимо от того, кто персонально будет представлять и осуществлять эту власть»³⁵⁶.

Младоросская идеология включала в себя **персонализм** (ценность личности, ответственной за свои действия) и **органичность** (существование особых природных законов, определяющих жизнь «организмов физических и духовных», например, русский монархизм). В свою очередь из принципов вытекали начала:

служения, находящего свое воплощение в жертвенности и примате долга над правами, что коренным образом отличается от гуманистическо-либеральной трактовки человека как самодовлеющей ценности;

сотрудничества, в котором общее служение ведет к соединению личностей в «духовные организмы». «Такое органическое сотрудничество коренным образом отличается от механического (атомистического коллективизма) социализма, в котором личность насильственно приносится в жертву отвлеченному коллективу»;

единоначалия, определяющего «общее служение», согласующего права и обязанности каждого с «благом целого». «Духовный организм, объединенный единоначальствующей личностью, есть **соборность**»;

природности — «исторической жизненной укорененности в духовном организме личностей и культурных ценностей»³⁵⁷.

Все это было подчинено одной цели — воспитанию готовности к возрождению новой России, пролетарской монархии, или монархии трудящихся, или советской монархии! Звучит не столько диковинно, сколько диковато.

Поэтому насмешкам над младороссами не было конца. Так, в известном уже журнале «Бух!!!» печатали следующие строки:

Как всегда отважны россы
И отважны младороссы,
Младоросский был очаг
Полон дерзостных отваг
И отважен их девиз
«Нужен нам советский низ
И для пышности и тона
Наверху у нас корона,
А народ пусть будет в клетке —
Правда только в пятилетке.
Младороссы, Россы — млады, —
Их пожалуй нам не надо»³⁵⁸.

Но младороссы, чувствуя свою популярность, позволяли себе не замечать их, продолжая упорно трудиться над выработкой пока «бумажного» будущего.

Позволю себе привести некоторые тезисы из экономической программы, опубликованной в «Младоросской искре» в 1933 г.: «...Младоросское правительство должно ограничить собственность в хозяйственной области не только в социальных и национальных интересах, но и в интересах чисто хозяйственных: путем национального хозяйственного плана... Субъектом собственности... может быть государство, коллектив или личность... Факторами производства с младоросской точки зрения: человек, природа, капитал и культурное наследие. Человеческий фактор в производстве главный и господствующий... Собственники капитала, владеющие частью капитала национального, должны нести за него ответственность перед нацией... Спекуляция должна строго пресекаться и биржа заменена расчетными палатами... Хозяйство должно быть организовано по признаку общности целей в корпоративные, самоуправляющиеся организации (хозсоюзы, возглавляемые хозсоветами)... Государству в хозяйстве

принадлежит его органическая роль: водительства, арбитража и контроля... Наряду с хозобъединениями, должны быть объединения профсоюзные... Для осуществления сотрудничества социальных слоев должны быть созданы социальные советы... Для объединения самоуправляющегося хозяйства и согласования его с другими отраслями национальной жизни должен быть создан Высший Совет Имперского Хозяйства, состоящий из представителей Императорского Правительства, Имперского Совета, Центральных Хозяйственных Советов и Центрального Социального Совета... Высший Совет Имперского Хозяйства должен составлять хозплан... Утверждение плана и арбитраж принадлежит императору... Новое хозяйство должно депролетаризировать человека... Новое хозяйство должно осуществить синтез города и деревни, приблизить город к природе, а деревню к центрам культуры»³⁵⁹.

Чтение этих строк приводит к мысли, что младороссы брали для своей программы многое, выработанное как в сфере исторической мысли, так и в современных им процессах на территории Европы, Евразии. Главное было в неординарности, в кураже, с которым они старались завоевать молодежь. Им помогала и ограниченность стариков-монархистов с их арифметическими выкладками о времени падения большевизма. И многие приверженцы монархической идеи шли на разрыв с таким монархизмом при сохранении его идеалов.

Так, А. С. Штейгер писал З. Н. Гиппиус 9 июля 1927 г.: «Как ни странно, но в подобном моем положении оказались еще многие, теперь объединившиеся в клуб монархический, но среди монархистов имеющий репутацию сменовеховской ячейки. Нам кажется, что у монархий и монархов никогда не было больших врагов, чем монархисты, т. к. к сожалению, их единственное занятие и цель состоит в опошлении и выставлении в юмористическом виде всего того, что должно бы было быть для них свято и высоко. Это относится ко всем правым, а наши правые эмигрантские непереносимы еще своей озлобленной ослепленностью и полным отсутствием элементарного национализма и любви к России, для них несуществующей, замененной национализмом “зарубежным”, эмигрантским. На днях должен появиться в печати наш первый сборник... («К молодой России...» — В. К.). Мы смотрим, т. е. стараемся смотреть на вещи трезво и прямо, не впадая в фактопоклонство, желая, в общем, чтоб (помните Ваше стихотворение) было ультрафиолетово (“Что мне зеленое, белое, алое? // Я хочу, чтоб было ультра-фиолетово...”)³⁶⁰.

«Ультрафиолетовая» русская монархия — это нечто новое, странное и смешное, не так ли? Однако главное — есть биение мысли, даже если она и «хромоножка».

Итак: Новая Россия должна быть монархией.

В младоросской прессе идея монархизма подавалась в мощном обрамлении русских классиков.

Пушкин: «Государство без полномочного монарха — автомат. Оно — то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движением палочки всему подавал знак, никуда не пойдет оркестр... при нем и мастерская скрипка не смеет разгуляться на счет других. Блюдет он общий строй, верховодец верховного согласия».

Достоевский: «У нас в России нет никакой другой силы, сохраняющей и ведущей нас, как эта органическая живая связь народа с царем своим, и из нее у нас все и исходит...»

Гоголь: «Государь приобретает тот всемогущий голос любви, который один только может быть доступен разболевшемуся человечеству и которого прикосновение будет не жестоко его ранам, который один может только внести примирение во все сословия и обратить их в стройный оркестр государства»³⁶¹.

Николай II был расстрелян, но... «император умер. Да здравствует император!» В эмиграции им стал великий князь Кирилл Владимирович, который для младороссов был отнюдь не символом ушедшего, а олицетворением будущей русской верховной власти. Само новое время и перемены в мире подсказывали ему строить политику, которая вбирала бы в себя традиционные ценности и в то же время учитывала изменения в строе мыслей молодежи, искавшей ответа на «проклятые» вопросы и больше не верившей своим «отцам», чьи дела привели ее в эмиграцию, зачастую на задворки европейской цивилизации, например, в Бизерту.

Надо добавить, что им благоволил великий князь Дмитрий Павлович, согласившийся принять должность председателя Главного совета Младоросской партии и деятельно помогавший укреплять имя младороссов на международной арене.

В «Младоросской искре» печатались следующие строки: «России нужен такой государственный строй, который сочетал бы понятную всем идейность с удовлетворением здорового эгоизма. Таким строем может быть только народная монархия... монархия является единственным государственным порядком, имеющим идейную, морально-религиозную

основу и, в то же время, гарантирующим нации неприкосновенность ее материальных интересов и свободное развитие ее хозяйственных сил. Только монархия сможет защитить в будущем русских трудящихся от покушений как хищнического капитализма, так и отвлеченных теоретиков, каковыми являются большевики, которые пренебрегают идеей человеческого фактора, т. е. природным эгоизмом, который присущ каждому человеку. Для трудящихся личный интерес всегда был и будет выше классового»³⁶².

Безусловно, эта надежда у младороссов связывалась с той поддержкой, которую им он (Кирилл Владимирович) оказывал. В ряде его выступлений прослеживается общность его взглядов с теоретическими построениями младороссов. Так, в своем новогоднем обращении (1931 г.) к русским людям он писал: «Россия была первой ввергнута в страшный водоворот, который сокрушил вековые устои ее государственности. Пережив этот тяжелый кризис, она возродится и приступит к выполнению своей мировой миссии — созданию новой культуры. Россия на пути к великому будущему. Она отолет основы грядущей жизни народов. Коммунистическая власть обречена. Она исчезнет, оставив по себе память страшного разрушителя и угнетателя. Теперь наступает созидательный период. В России созрел закаленный в борьбе и невзгодах человек и начал ковать счастье родному народу. Долгие годы стихия разрушения господствовала на необъятных пространствах России. Но созданная веками Российская Держава устояла перед напором разрушительных сил. Ныне она оправляется. Власть пыталась скрыть ее под личиной “СССР”, но в душах Русских людей вновь ярко сияет священное имя — РОССИЯ. Разве то, что происходит на Русской земле не доказывает это? Разве строительство, которое ведется, не есть дело самого Русского народа — подлинное его стремление воссоздать свою Родину?.. Я приветствую нарождение новой жизни, как зарю величия Моей Родины и будущего счастья человечества. Каждый успех в строительстве есть победа Русского народа. Допустимо ли ему мешать в достижении полного торжества! Каждый Русский человек должен всеми силами помогать возрождению могущества своего Отечества. Особенно важно это сознавать нам, выкинутым за пределы России. Только помогая воссозданию Русской мощи, мы опять сольемся со своим народом и вернемся на родную землю»³⁶³.

Это поздравление может стать поводом для очередной злой насмешки циника или вызвать «светлую» улыбку интеллигента, знакомого с обращением (1 марта 1917 г.) Великого князя к председателю Государственной думы М. В. Родзянко: «Я нахожусь в Вашем распоряжении. Как и весь

народ, я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем солдатам гвардейского экипажа, разъяснил им значение происходящих событий и теперь могу заявить, что весь гвардейский флотский экипаж в полном распоряжении Гос. Думы»³⁶⁴.

Уже за эту — до отречения Николая II — фактическую поддержку февральской революции великий князь подлежал бы по законам Российской империи (ст. 100 Уголовного Уложения от 1903 г.) «лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение»³⁶⁵.

И тем не менее... младороссы в тех условиях делали ставку на Кирилла Владимировича, благосклонно относившегося к своим молодым верно-подданным и разделявшего их некоторые воззрения на тогдашние проблемы.

О самих младороссах влиятельные европейские газеты и журналы сообщали как о самом жизнеспособном феномене в русской эмиграции.

Белградская газета «Луч» в весьма лестных выражениях писала: «Первые же шаги младороссов оказались столь удачными, что к ним потянулось все самое активное, самое действенное и не только из эмиграции, но и из национальной глубины потусторонней России. Сильные своими качествами: сплоченностью, дисциплиной... младороссы твердо идут прямым путем к намеченной цели, предоставляя мертвым... погребать своих мертвцов. Перед младороссами как в древнем мифе о Геркулесе, лежат двенадцать подвигов, которые несомненно будут ими планомерно совершены в “ударном порядке”. На очереди — изъятие из эмиграции всего ненужного и отжившего, мешающего делу восстановления **законной русской империи**. Первым будет изъят журнал “Двуглавый орел”, где в казенном тоне поет свои проповеди елейный Тальберг или светлейший князь Горчаков, все зло, весь корень русской смуты... открывший во всемогущем масонстве. И готов гениальный план спасения России: взвалить все грехи русского народа (и главным образом свои собственные) на спину масонского козла отпущения»³⁶⁶.

Рассматривая младоросские документы программного характера, следует отметить, что в них нет ни слова о так называемом жидо-масонском заговоре, обильно представленном в идеологических установках некоторых монархических и националистических организаций. И разрешение национального вопроса не обуславливалось какими-либо ограничениями в правах народов многонациональной России. Напротив, оно прежде всего связывалось с темой общего жительства и сотрудничества российского многонационального мира.

Младороссы считали, что только многонациональное, демократическое государство может успешно противостоять расово-этнической доктрине. Одновременно они подчеркивали всю важность поставленной задачи как для судьбы многонациональной России, «имеющей прямое влияние на судьбы мира вообще», так и для многих наций.

Младороссы отчаянно хотели войти в историю и действительность своей Родины, где, как им казалось, идеи мирового пожара теряли свой блеск и жизненную силу, уступая место советскому, т. е. национальному строительству.

А. Л. Казем-Бек писал о росте национальной стихии, постепенно охватывающей всю жизнь страны: «Слово “русский” заменили словом “советский”. Страна стала “советской”, граждане “советскими”, города, горы, реки “советскими”. Но... в слове ли суть дела? Коммунисты часто не замечают, что под “советским” обликом в жизнь страны проникает русская контрабанда»; «Новый русский национализм должен пережить свои “детские болезни”. Они пройдут. Национальная же идея останется»; «В России развился настоящий культ героической личности. Живым людям ставятся памятники. В их честь окрещивают (здесь у автора собой произошел. — В. К.) не только улицы, но и города... А слова официального гимна по инерции все еще отмечают с Богом и Царем когда-то ненавистного Героя. Патриотизм из единичного явления превратился в бытовую норму»³⁶⁷.

При этом в отличие от «красных профессоров» младороссы имели свою трактовку феноменов человеческого жития и бытия. По их утверждению, «национализм есть сознательная приверженность к нации, обязывающая к служению ей... Нация есть объединение личностей, связанных общностью исторической судьбы. Это есть духовный организм, образующийся в силу общности, как духовной направленности, так и внешних условий жизни (органичность и природность). С младоросской точки зрения нация отличается от народа тем, что в ней признак происхождения (крови) играет второстепенную роль. Нация может быть сплавом многих народов, но обладает единой синтезирующей культурой. Нация зарождается в момент осознания ее членами этой культуры и умирает, когда оказывается неспособной служить своему идеалу»³⁶⁸.

Не нужно быть большим мудрецом, чтобы увидеть в младоросской “нации” прототип российской и прообраз новой исторической общности — “советского народа”.

Итак, у нас в стране были у власти *русские большевики*, что неоднократно подчеркивал и сам Сталин в своем докладе на XVI съезде ВКП(б)³⁶⁹.

Смена коммунистических лозунгов — от ставки на мировую революцию на строительство социализма в одной стране — воспринималась младороссами как эволюция в сторону национализма. Те, кто недавно мыслил в категориях «чистого коммунизма» и интернационализма, теперь утверждали: «Мы строим социализм в своей стране. Мы одни в мире. Только у нас верная идея и воля к построению нового мира. Мы построим. Мы покажем. Мы догоним и перегоним. А тогда уже держись Европа!» «В таких настроениях, — утверждала «Младоросская искра» в 1934 г., — налицо все признаки национализма, утверждение своей культурной и качественной обособленности с явной тенденцией к империализму»³⁷⁰.

В Советской России интеллигенция при власти воспевала СССР, в то время как за ее границами младороссы составляли проекты «Союзной Империи» — новейшей формы государственного единства российских народов, объединенных «под скипетром общих Императоров («всероссийских», по старой формуле, — «всесоюзных», по новой формуле)». Лидер младороссов подчеркивал, что будущее за многонациональными государствами, своеобразными наднациональными империями. Соответственно сама имперская идея — «общее достояние народов Союзной Империи». При этом цель и суть русского национализма в том, чтобы «оградить имперскую идею и дать ей очиститься и вырасти в новую, подлинно вселенскую силу. На этой базе и должна строиться Империя Союзных Народов (по сути этим занимались и большевики. — В. К.). Их сознание и их совесть — их национализм — должны жить и дышать круговой порукой под сенью... империи. Военный и таможенный союз самостоятельных национальных государств уже достаточен, чтобы Союз Народов был не эфемерной Лигой Наций, а мощным и сложным органическим целым». «Новой имперской элитой будет тот отбор людей дела и воли (т. е. младороссов. — В. К.)... которые в будущем послужат социальной и национальной (конечно, многонациональной) базой для новой Имперской Монархии»³⁷¹.

Правоту своих утверждений об эволюции большевизма младороссы усматривали в призывах ЦК комсомола обогнать Рур, Силезию, Пенсильванию, Канаду, Данию, Аргентину, т. е. эволюции превращения **социалистического соревнования в национальное**³⁷². Конечно, это была чистейшая демагогия, но она хорошо укладывалась в их теорию.

В то же время если понимать суть «национализма» так, как его воспринимали младороссы, то здесь нет никаких поводов для усмешек. Нет причин для иронии над их восторгami от фильма «Александр Невский», от слов князя отпускаемым на волю немецким кнехтам: «Идите и скажите

всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют нам в гости. Но если кто с мечом к нам пойдет — от меча и погибнет». Члены второй советской партии верили, что эти прекрасные слова «проникают в сердце советского человека, горячо любящего свою социалистическую родину»³⁷³.

Здесь только не следует забывать, что для младороссов, в том числе белградских, слова «социализм», «национализм», «советы» — из одного ряда. Хотя и здесь есть над чем подумать, если знать советскую практику: «Вы ведь советский человек, не правда ли?» — примерно так спрашивали следователи, стараясь добиться желательных сведений. Иными словами, патриотизм имел и чекистскую, охранительную форму и должен был восприниматься как помощь органам внутренних дел.

Но одновременно в СССР торжественно отмечали очередную годовщину «Слова о полку Игореве», воспринимаемого как гимн русскому народу, русской государственности.

И что же в итоге?

Первое — русский национализм не следует трактовать в узконациональных рамках. Даже в рядах националистов-младороссов было немало представителей самых различных «племен» — от ассирийцев до якутов. Что же служило критерием для младоросского определения «русского национализма»? Тезис о ведущей роли русского народа? Верно, но не совсем. Думается, что здесь надо говорить несколько шире, а именно, о естественном и органическом мировосприятии жизни в России всеми населяющими ее людьми. Причем государствообразующим в силу историко-культурного бытия является русское «племя», свободное от расовых предрасположений.

Второе — судя по всему, младороссами были и Чкалов и Рихтер, Стаханов и братья Старостины, Ботвинник и Карацупа. Более того, идя к (абсурдному!?) абсолюту, самым славным младороссом можно назвать Сталина. Отсюда еще один вывод: не национальность, а заслуги перед Отечеством — критерий для приобщения к младороссам.

Третье — как ни заманчив тезис о зависимости коммунизма от русской нации, тем не менее он весьма уязвим по многим известным параметрам. Это типичный пример словесной эквилибристики.

Хватало и романтики: в сентябре 1931 г. белградские читатели «Младоросской искры» могли прочесть: «Руководители комсомола отмечают массовый выход ударников из комсомола. Ударники разочарованы в партийцах, видя в них не передовой элемент, не возбудителей и поборников строительства, а “консерваторов коммунизма”, уже отстающих от новой

жизни, тормозящих строительство. С каждым днем обостряется противоречие между паразитарным “социалистическим строительством” и подлинным строительством, ради которого ударники и “энтузиасты пятилетки” жертвуют силами и здоровьем... Десятки тысяч ударников, которые уже порвали с партией и комсомолом, составляют авангард русской национальной революции. Эмиграция их недооценивает, так как она еще не отличает нового национального начала от начала коммунистического. Эмиграция не видит возможности национального строительства в рамках коммунистического государства. Порвав с красными, ударники не могут столкнуться с белыми. Кто эти ударники? Чьи они? Это советские младороссы, которым младороссы зарубежные шлют свой братский привет. Да здравствуют ударники русской национальной революции!»³⁷⁴

Как хорошо, что они не знали об этом, в противном случае им пришлось бы ударным трудом заниматься на Беломорканале и других стройках социализма, куда поставляло рабочую силу Главное управление лагерей, известный ГУЛАГ.

Весьма противоречивым и в то же время осторожным было отношение младороссов к Сталину. В 1935 г. они писали, что Сталина поддерживают «лучшие силы», для них падение вождя «означало бы прорыв того хаотического, кипящего начала, которое уже в первые годы режима так трудно было ввести в берега»³⁷⁵. Считая Сталина государственным, младороссы полагали, что им следует придерживаться очень осторожной линии поведения и избегать всего того, что могло бы «показаться в России контрреволюционным». И дальше младороссы пишут в излюбленном будущем времени: «Когда нам удастся завоевать доверие новых людей в России, когда нам в силу наших передовых идей удастся встать как бы впереди процесса национализации революции, когда аппарат революционного штаба будет создан и наша работа здесь поставлена на прочные рельсы, тогда наше прямое и непосредственное вмешательство в ход событий будет уже только техническим вопросом. Самое главное сейчас — работать конкретно»³⁷⁶.

Вероятно, сторонников Казем-Бека, в том числе белградских, заворачивали такие речи. Последний же призыв для них означал, по-видимому, только одно — бороться и обличать староэмигрантов, что они делали с большим вкусом. Правда, и младороссов «кусали» много, соответственно и Казем-Бека травили порядочно. Можно указать на генерала Скоблина, которого в «Возрождении» и в «голосах России» называли «рыцарем белой идеи», а главу младороссов «изменником, продавшимся большеви-

кам»³⁷⁷. Потом скандально выяснилось, что «агентом Москвы» все же оказался пресловутый рыцарь, выдавший своего шефа, руководителя РОВС генерала Е. К. Миллера большевикам.

Белградские младороссы, как и их единомышленники в русском рас-
сеянии, полагали, что если акцент ставится не на гордость строительством,
не на гордость режимом, как прежде, а на любовь к родной земле, то это
свидетельствует о пробуждении в народе национализма. «Нравится это
Сталину или нет, он уже защищает не только “страну социализма”, но
именно Русскую землю». Поэтому они полемизировали со староэмигран-
тами, утверждавшими, что «большевики упразднили само понятие о Рос-
сии, т. е. о национальном государстве, существование которого связано
с территорией»³⁷⁸. При этом Казем-Бек неоднократно декларировал, что
«национальное дело» можно строить и под «коммунистическим флагом».
Такая трактовка, разумеется, не могла быть воспринята теми, кто отрицал
всякую возможность сосуществования, некоего симбиоза советского
строительства и национальных идеалов. Можно пойти и дальше, утверж-
дая, что все содержаниис XX столетия есть борьба за социализм во всемир-
ном масштабе. Вопрос и беда только в том, что существовали и сейчас бы-
туют, живут различные представления об этом удивительном феномене,
сопровождающем человека на протяжении его истории.

Проблема чрезвычайно трудная и деликатная в своем историческом
контексте. Однако, если принять в качестве одного из идеалов сильное го-
сударство, то большевики делали национальное дело. Здесь можно возра-
зить, что в этом процессе убивали народ, вытравляли его дух, искореняли
религию. Было и первое, и второе, и третье. Но... это движение с его завет-
ной мыслью — виноваты все, только не я — началось еще до революции.
Бесмысленно также отрицать роль и значение иррационального, а если
говорить понятным языком, то божественного Провидения. Не следует
забывать и о том, что в России, вступившей на историческую авансцену
сравнительно поздно, на первом месте всегда стояли интересы государст-
ва, но отнюдь не личность и ее права, на чем отлично сыграли борцы
с самодержавием в 1917 г.

Молодежи, свободно фланирующей по улицам Белграда, Праги, Со-
фии, Парижа, Берлина, Лондона и других европейских городов, вероятно,
было по сердцу читать строки Герберта Уэллса из его выступления в Лон-
донской школе политической экономии, как будто обращенные к ним
и заставляющие сладко замирать от гибельного восторга: «Мы живем
в цивилизации, которая очень быстро распадается. Судьба, ожидающая

многих из вас, молодые люди, быть может ужасна. Вы, может быть, будете убиты, изувечены, избиваемы, обречены на голод, но одно несомненно: вам некогда будет скучать. Мир, такой, каким мы его знаем, разваливается на глазах. Каждую неделю что-нибудь низвергается или сокрушается и нет возможности сказать, до какого предела дойдет это крушение». «Как во времена Ноя вам надо строить ковчег»³⁷⁹. Для тех же белградских младороссов, видимо, было ясно, что этим кораблем может быть только пересозданная по новым революционным принципам советская Россия, монархия трудящихся.

«Революция 1917 года, — писала «Младоросская искра», — уравнила все слои русской нации НА ОДНОМ ПРОЛЕТАРСКОМ УРОВНЕ. Этого результата она достигла ценой гражданской войны, террора, принуждения и ликвидации целых классов. В итоге, к 1930 году РУССКАЯ НАЦИЯ ФАКТИЧЕСКИ СТАЛА НАЦИЕЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ.

Пролетаризированная русская нация стремится всеми своими силами к лучшей жизни, к духовному просветлению и к материальному благополучию. Из этого стремления рождается РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БУДЕТ СОВЕРШЕНА ВО ИМЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ. Новое расслоение русской нации неизбежно, но новые социальные слои образуются не сразу. Русская нация не сразу утратит свой пролетарский облик. БУДУЩЕЕ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В СИЛУ ЭТОГО НЕ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ НЕ ПРОЛЕТАРСКИМ.

Русская национальная революция даст русскому пролетарскому государству монархическое возглавление. БУДУЩАЯ МОНАРХИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО МОНАРХИЕЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ, так как только пролетариат может быть для нее социальной базой»³⁸⁰.

Конечно, при чтении этих своеобразных тезисов отчетливо чувствуется желание построить «новый дом», но... служение нескольким господам-идеям обычно заканчивается фиаско. Но младороссам этого печально-насмешливого исхода удалось счастливо избежать по причине их способности делать выбор, идти на компромисс, даже на отвержение прошлых задач — делать все, но только не застывать в догме, а двигаться к Родине.

Да, у них, как впрочем у всех революционеров и их критиков, есть осознание пробудившейся мощи пролетариата. Они отдают ему должное, но «забывают» упомянуть о том, что пролетарская база государства, даже в форме монархии, плохо и трудно может сочетаться с принципами кон-

серватизма, иерархичности, органичности. Их крик о пролетариате или гимн ему следует воспринимать не только как своеобразную дань уважения новой России, но и через призму причастности их самих к этому социальному феномену — многие работали на заводах и фабриках, трудились в мастерских и пр. Поэтому им становилась понятна формула ниспровергателей старого мира, нашедшая, кстати, свое отражение в надписи на одной из стен московского «Метрополя». Советую прочесть.

Но мне все же не ясна духовная составляющая «новых небес».

Монархия?

Слишком вульгарно.

Религия?

Зачем она нужна тому, кто осознал себя силой?

Беда младороссов в том, что при всей ясности излагаемых мыслей, они как-то не находят нужным довести свое видение той или иной задачи, проблемы до логического завершения, что чрезвычайно утяжеляет задачу исследователя. Короче говоря, дым декламаций скрывает зачастую пламя мысли.

Пожалуй самым трудным для младороссов был вопрос о сроках «изживания коммунизма» и соответственно начала мирной национальной революции. Любые срывы, промахи, неудачи в пятилетках воспринимались ими как знак приближения желанных изменений. В сущности, эта тема горизонта, бесконечного приближения, позволяла поддерживать, даже горячить надежду на скорейшее возвращение домой. Однако само время рассматривалось как некий неопределенный феномен, весьма растяжимый и неконкретный, но позволявший революцию перевести на рельсы эволюции. Даже тоталитарность большевистской власти, после спада надежд на революцию, была поставлена на службу эволюции.

Белградские младороссы могли с упоением читать строки своего вождя о том, что «кончается первая глава революции, отрицательной по своим явлениям, ошибочная по своим направлениям, но чреватая положительными достижениями, потому что за ней начинается новая глава, глава управления первоначального направления. Эта глава будет переходом от революции антинациональной к революции национальной... люди, которые вначале искренне считали себя коммунистами, стали сейчас национал-коммунистами, а многие из них стоят уже на пороге чистого Русского национализма... усилия должны быть приложены к забиванию клина между властью и нацией... выражать это противопоставление начала коммунистического и начала национального легче всего в двух определенных областях: в деле обороны страны и в строительстве. Как оборона страны

не тождественна с защитой власти, так и социалистические цели строительства не тождественны с национальной потребностью в строительстве»³⁸¹.

Весь этот набор громких фраз-перевертышей преследовал одну цель: мы — младороссы — революционеры, способные прозревать в настоящем будущее, а все остальные умы эмиграции, не видящие «за деревьями молодой поросли», голятся в лучшем случае лишь на то, чтобы сочинять различные мемуары, перемежающиеся слезливыми воспоминаниями об утраченном прошлом. И еще: открытость младороссов означала не только способность талантливо подавать себя обществу, но и некую незавершенность, расплывчатость, в чем-то даже незащищенность, в том числе и от истории, творимой на Родине. Их нежелание писать о зверствах и варварстве революционной власти, о новом «красном» рабстве соотечественников можно объяснять по-разному. Взявшие себе лозунг «Лицом к России» видели картину не лагерей, не процесс создания «механического» человека, а строительства нового мира. Для младороссов была существенна та цель, с помощью которых она реализовывалась. Больше того: свое видение процессов, происходящих в СССР, саму советскую жизнь в ее временных формах они подчиняли идеям вневременным, вечным, творящим из хаоса порядок. К таким они причисляли революцию и эволюцию. Именно эти две основополагающие идеи создают, объясняют и уничтожают мир...

Вслед за своим лидером младороссы признавали достижения революции в «постановке вопроса о человеческом достоинстве», в провозглашении «идеи сотрудничества ради общего блага» и «идеи священности труда»³⁸².

Все так, но не следует забывать, что заботы об этих «предметах» и привели к революции. Более того, известно определение Ф. А. Степуна о том, что «большевизм есть не только ложь, но в известном смысле и истина»³⁸³. Поэтому многим эмигрантам было больно читать и такие политические откровения, как например, «старая монархия и революция не сумели объединиться на деле социального обновления России. После трагического недоразумения Февраля, октябрьское углубление революции становится естественным»³⁸⁴.

Конечно, некоторая оторопь возникает при чтении процитированных строк, но это отнюдь не свидетельствует о безграмотности автора, скорее свидетельствует о спектре путей России в то грозное и лживое время смены вех на революционных «отмелях», когда «акушерки считали борьбу с самодержавием своей профессиональной обязанностью...»³⁸⁵.

Естественно, чтобы тебя заметили, необходима гиперболизация: одни обрушатся с критикой, другие «проглотят». В любом случае — цель достигнута. Даже если последует опровержение, оно все равно будет работать: ты не забыт, ты неординарен, ты умеешь один говорить «горькую правду»!

В сущности, в ход шло все, что могло подтвердить тезис младороссов о скорой национальной революции. Через устное слово и печать тем же белградским сторонникам Казем-Бека усиленно внушалось, что только их «Молодая Россия» может и должна завершить святое дело строительства новой России. Старая революция должна была эволюционировать в новую революцию.

Младороссы последовательно и упорно утверждали тезис национального возрождения. И если для «стариков» он был нелеп и одиозен, то у младороссов с их верой в Россию, даже если цвет ее знамени красный, он был вполне правомерен. Соответственно, «социалистическое отечество превращается в Россию, социалистическое строительство — в борьбу за Русскую мощь, пролетарий — в нового Русского человека. Это — наша победа»³⁸⁶.

Однако в мировой истории коммунистические идеи будут всегда находить своих сторонников и свои ареалы распространения. И не будем забывать, что многие интеллектуалы западноевропейской мысли признавали правомерность бытия национального коммунизма, т. е. с учетом особенностей той или иной страны, где идет процесс коммунистического строительства.

Для тех, кто доверчив, добавлю — идеи всегда имеют нескольких хозяев, которые хотят вместить их в прокрустово ложе своих интересов. И Сталин здесь не исключение. Проблема в том, что бесконечная борьба идей и их «хозяев» рождает персонифицированную идею, наиболее грозное и мощное оружие в умных или послушных руках.

В 1934 г. белградские приверженцы идей своего лидера могли прочесть его следующие строки, в которых он в очередной раз настойчиво повторял: **«Младороссы с самого начала стремились создать монархическую партию для советского обихода. Союз Младороссов после долгих и напряженных усилий превращается во вторую советскую партию, занимающую положение революционной оппозиции в отношении партии правящей. Правящая — коммунистическая — партия с точки зрения младороссов узурпирует руководство русской революцией. Русская революция должна была быть революцией национальной и социальной. Она должна была произойти. Но младороссы признавали бы необходимой революцию, совершенную**

не против Престола, а под Престолом, и не до победы, а после победы... Довоенная Россия была во власти устаревших порядков, устаревших идей и устаревших людей. Все это надо было смести. Надо было разрешить основные проблемы русской жизни: **проблему национальностей империи; проблему социальную; проблему хозяйственную.** Нужен был второй Петр. Вместо него пришел Ленин... **Коммунистический период стал новым периодом Русской истории.** Это бессмысленно отрицать. Из этого надо делать соответствующие выводы... **первый вывод: в борьбе за будущее надо исходить не из какого-либо произвольно выбранного момента прошлого, а из настоящего, то есть из нынешней советской действительности... все интересы, оценки и суждения младороссов, даже их настроения укоренены в советской жизни... они смотрят на все язвы советского строя и советского быта как на свою болезнь, а не как на чужое зло»³⁸⁷.**

Иными словами — «лицом к России». И это верно. Была лишь одна опасность — потерять свое лицо, пытаясь поспеть за бесконечными изменениями в зеркале сталинской России. Но это не страшило младороссов, для которых жизнь страны лишь подтверждала их тезис об эволюции Родины. Режимы приходят и уходят, нации остаются.

Политические процессы в СССР дали повод младороссам утверждать о выступлении на авансцену русского террора, русского бонапартизма. Потомок шейх-уль-ислама писал: «Революции порождают страх, но и энтузиазм. К концу революций остается только страх. И хуже всего, когда страх гримируется под энтузиазм... Происходящая концентрация власти готовит почву для монархии. В этом основной смысл всего революционного процесса (не все революции оканчивались возведением на трон очередного царя. — В. К.)... Субъективные стремления вождей, преходящие настроения толп не могут помешать историческому процессу развиваться до своего логического конца. Основные задачи не меняются от заблуждений одного поколения. Основная проблема русской нации, это имперская проблема. Обосновать, утвердить, осуществить имперское начало на шестой части земной суши — таково первое и первостепенное задание, которое сама история ставит перед Россией... В нашей русской действительности на очереди раскрепощение духа и освобождение энергии»³⁸⁸.

Основная мысль автора верна и понятна: здесь речь идет о национальной революции, так и хочется сказать — очередном апофеозе нашего вечно неудовлетворенного и вечно заблуждающегося русского духа. Вероятно, именно он диктовал такие мысли-тезисы, как: «индустриализация была нужна социализму, но и России нужны были заводы». «Надо было оберегать границы “социалистического отечества”, но это — границы России»³⁸⁹.

Однако не все было так просто с «Третьим рейхом». В первом номере 1934 г. белградские подписчики «Младоросской искры» могли прочесть: «За 1933 год германская национальная революция достигла многого. Она завершила германское единство и превратила нацию в монолит (можно вспомнить, что германский павильон на всемирной выставке в Париже был спроектирован именно в форме монолита с орлом на передней стороне. Он как бы преграждал путь знаменитой скульптуре Мухиной «Рабочий и колхозница», установленной перед советским павильоном. Весьма символично! — В. К.). Она заложила основы Третьей Империи. Она отвоевала германской дипломатии инициативу в международных делах. И этим ОНА ПРЕВРАТИЛАСЬ В УГРОЗУ для нас, русских... Во-первых, мы, русские, дали немцам обогнать себя на пути к возрождению (одно замечание: СССР оставался империей, а Германия только стремилась стать ей. — В. К.). Во-вторых, немцы приучили себя к мысли, что им удастся восстановить свое благосостояние лишь за счет России... Перед гниющим коммунизмом уже не стоит расшатанный капитализм (всего лишь хлесткая фраза, за которой ничего нет. — В. К.). Перед нами растущий мировой фашизм. И дни коммунизма сочтены. Это казалось бы то, к чему должны были бы стремиться все русские, к чему они все и стремятся. И сегодня над нашей нацией нависла новая опасность. От Сциллы гниения в коммунизме она рискует быть отброшенной к Харибде **НОВОГО ПОРАБОЩЕНИЯ ВНЕШНИМИ СИЛАМИ**»³⁹⁰.

В этой ситуации была провозглашена «двойная задача Русской Нации: освободиться внутренне и защититься вовне». В «Младоросской искре» излагались такие пьянящие своей смелостью и грандиозностью планы: «Если внутренний взрыв сбросит власть, кадры, созданные в эмиграции, должны быть приданы внутренним силам для совместных усилий по обороне и по воссозданию Русской мощи». В том случае, «если иностранное нашествие начнется до свержения власти, зарубежные кадры должны быть брошены в Россию для определенных прямых действий, имеющих целью захват власти в период осложнений, вызванных войной. По достижении этой основной цели — все внимание обороне и ликвидации войны. В этом случае своевременность прямого действия — условие успеха. Место русских в этом случае: ни на стороне “красных”, ни на стороне иностранцев. Русские кадры должны стать русскими национальными легионами. Их порыв, их воля, их штыки призваны будут обеспечить торжество русской национальной революции. (Снова — штыки?! Весьма неорганично. — В. К.) Третье решение явится результатом иностранной оккупации России.

Если Россия завоевана, если расчленение и колонизация ее из замысла претворяются в действительность, Русская Национальная Революция будет силой вещей перенесена в иную, новую плоскость. Русская национальная революция превратится тогда в Русское национальное восстание. Пример Нижегородского ополчения укажет тогда путь Русским Национальным Силам»³⁹¹.

Здесь яркий образчик того, о чем в 1934 г. писал А. Л. Казем-Бек: «Все согласны в эмиграции, что в области саморекламы, которую мы называем пропагандой, рекорд поставлен младороссами. Но в наш век, век стремительности, пропаганда должна вестись соответствующими методами и темпами. Для успешности пропаганды нужна шумиха, нужна демагогия, нужна самореклама»³⁹².

И ее хватало. В 1933 г. «Младоросская искра» писала о «догнивании коммунизма» и стоящей у двери «мировой дезинфекции»³⁹³.

Прогностика всегда является одним из самых популярных, хотя и опасных, занятий для тех, кто на политике сделал себе имя. Так, тогдашний житель Белграда П. Б. Струве в конце 1932 г. опубликовал в «России и славянстве» статью о закате господства Сталина и Гитлера. В частности, он утверждал, что «деспотия в лице Сталина, как выразителя большевизма и ленинизма, и демагогия, в лице раздувшейся до мирового значения фигурки Гитлера, терпят сокрушительное поражение». Правда спустя четыре месяца, он писал уже другое: «Историческая судьба социал-демократии должна состоять в ее **демарксизации**. Этот путь ей указывают две фигуры, одинаково, но, может быть в весьма различном смысле, для нее роковы: Ленина-Ульянова... и Адольфа Гитлера, как человека, зажегшего и поведшего большие народные массы в бой против лежащих в основе коммунизма идей классово-борьбы и интернационализма... События в Германии имеют, как я уже не раз указывал в печати (?!! — В. К.) подлинно всемирно-историческое значение»³⁹⁴.

Возвращаясь к младороссам, отмечу присущую им «смену планов»: от революции к эволюции и обратно. Так, в 1934 г. свой отказ от революционных действий объяснял ими тем, что, не будучи «вегетарианцами», они отвергают «а) ставку на интервенцию, как нереальную, несовместимую с национальным достоинством и не соответствующую интересам России; б) ставку на народное восстание, неосуществимое в общенациональном масштабе, грозящее анархией и расчленением России и несущее неоправдываемые жертвы; в) метод терроризма, организуемого из заграницы, бьющего вслепую и разлагающего не власть, а применяющую его

организацию; г) метод вредительства, приносящий больше вреда Нации, чем власти»³⁹⁵.

А в чем же заключается активность самих младороссов, за исключением самоусовершенствования в любви к Отечеству? Это — «а) создание “лаборатории национальной мысли” — разработка идеологии, программы и тактики; б) подготовка кадров политических вожakov национальной революции и участников будущего строительства; в) организация штаба и баз национальной революции, пропаганда в России и за границей и подготовка будущего сотрудничества России с иностранным миром». И далее: «Эту активную работу младороссы противопоставляют бесплодному “активизму” одних и отвлеченному философствованию других эмигрантских организаций»³⁹⁶.

Практически, это опять самореклама, где есть место фантазии, особенно о «базах национальной революции».

Хотя одним из творений «лаборатории национальной мысли» можно назвать Младоросскую партию, созданную в 1935 г. на месте прежнего Союза младороссов. Ее формирование было обусловлено не столько «сознанием» младороссами своего «долга» «дойти до замены нынешней правящей коммунистической партии — новой», сколько необходимостью постоянно будоражить молодежь своей «призванностью» к великим свершениям. Отсюда появляется лозунг о второй советской партии: «В условиях советской действительности должны быть развернуты организованные человеческие кадры для замены старой, обанкротившейся партии. Основная задача новой партии — захват власти для возглавления дальнейшей исторической эволюции Русской жизни»³⁹⁷. И, например, белградским младороссам было, надо полагать, невероятно лестно представлять себя спасателями России.

И, конечно, в Белграде, как и любом месте, где были русские, много и охотно говорили о международной политике, об отношениях России с Западом. Эта тема была широко представлена и в политических партиях, объединениях, союзах, обществах, в том числе и у младороссов.

Еще в сборнике «К Молодой России...» (1928 г.) рисовалась картина прошлых и будущих отношений России с Западом. «То, что дал Запад, мы игнорировать не можем. Мы в головах своих переварили и разобрали Европу. Под ее влияние, как наше общество Петербургского периода, мы уже не попадем. Однако мы выжмем из Запада все соки, снимем все сливки, которые могут быть полезны нашему народу. Мы смажем западным маслом скрипучие колеса родной телеги. Так сделали когда-то наши

предки с Византийским наследием, — Третий Рим возьмет все лучшее — если найдем что-нибудь пригодное, — и от Первого Рима. Только довольно раболепства перед Римским правом и латинскими кругозорами. Запад был страшен, пока наше самосознание дремало — со смерти Петра. Благодаря Петру Запад материально перестал быть угрозой. С революцией 1917 года кончается и моральная опасность — начинается ассимиляция остатков Петербургского периода, которые войдут в нас и переработаются... элемент европейских достижений войдет в нас: мы, как Петр, обучались у врагов. Но дальше нам не по пути. Мы скажем Европе, как вежливые новгородцы: «Ты себе, а мы себе»³⁹⁸.

Отдавая дань фактору крови, младороссы писали, что «в Русской смеси процент крови “широких кругозоров” значительно преобладает над кровью “узкой” Европы (какие мессианские ноты звучат!!! — В. К.)»³⁹⁹.

В 1935 г. в «Бодрости», украшенной цитатой из Мишле «Мир законности кончается там, где кончался в Средние века — на Висле и на Дунае... Если мы признаем Россию — мы признаем холеру, разложение, смерть», младороссы жестко отмечали: «Враги для нас — не расы, не нации, не племена. Враги для нас те, кто презирает нашу историю, нашу культуру, кто зарится на наше достояние, для кого борьба с ленинским наследием есть предлог для борьбы с “гнилой душой Достоевского”». Безусловно, младороссов можно было понять, когда в парижской «La presse» академик Бертран писал: «Пойдем ли мы на поводу у полуазиатской страны, которая для нас, людей древней цивилизации, представляет лишь самое отвратительное варварство и которая побеждена заранее?»⁴⁰⁰

Должно быть, академик вспомнил калмыков на берегах Сены в Париже, когда «азиатское страшилище» восстанавливало в начале XIX в. легитимность в Европе. Или ему не давали покоя сюжеты о «глупости» русских, жертвующих собой в Великой войне, чтобы помочь своим союзникам?

Большое внимание в эмиграции, разумеется и в Белграде, уделялось вопросу цены, которую придется заплатить за «свободную Россию».

Такой проблемы не существовало для младороссов, мнение которых выразила в одной из своих статей, опубликованных в 1936 г., их газета «Бодрость». В ней были чеканные строки: «Когда эмигрантские горе-“патриоты” толкуют о “неважности” территории и готовы под этим предлогом, отдать хоть всю Украину, хоть всю Сибирь, они расписываются в окончательном забвении традиционно-русского понимания государственности... И когда наше поколение предстанет перед судом истории, когда для наших потомков все наши сегодняшние внутренние распри станут историческим

воспоминанием, останется последний вопрос, — тот самый, который всякое последующее поколение предъявляет всякому предыдущему: оставили ли мы немаленной ту землю, на которой совершается историческая судьба нашей нации?»⁴⁰¹

Здесь представляется уместным порассуждать о территориях, государствах, империях, преемственности и ответственности поколений, о судьбе России. Итак, революция в Российской империи поставила перед победителями и побежденными проблему власти. В одном случае — ее укрепления, в другом — возвращения. Но общим являлось одно — сохранение территориальной целостности страны. Трудностей перед обеими сторонами было немало — одна из главных заключалась в своеобразной незаконченности революции, что требовало от победителей «железной рукой» возвращать «на мгновение» утраченное, как это было на Украине или на Кавказе. В отличие от «практиков-победителей», действовавших в своей стране и располагавших всем необходимым для строительства нового общества, «теоретики-побежденные», проигравшие Гражданскую войну, рассеянные по всему миру, не имевшие опоры на Родине даже в крестьянстве, не находящие общего языка по ключевой проблеме будущего государственного устройства территории СССР, оказались в несравненно худших условиях. В головах многих российских эмигрантов «бродил» «призрак национализма», даже, страшно подумать, «национального коммунизма»!

В эмиграции строились планы, программы, формировались партии с нелегальными отделениями в СССР, создавались подпольные военные организации, боевые группы с целью спасения «своей» Родины от «коммунистической тирании». Хотя была и разница; украинцы, сторонники «самостийной Украины», или представители кавказских народов выступали за освобождение своего народа, за самих себя, в то время как российские государственники ставили одну задачу — «единая и нераздельная Россия».

Так, в конце 1920-х годов в Белграде была создана Лига русских офицеров и солдат, состоявшая в основном из украинцев. Свою главную задачу она видела в освобождении Украины от большевизма и в создании украинского государства, независимого от СССР. Ее члены полагали, что как только на украинской земле появится русско-украинская рота, то на борьбу с ненавистной властью поднимется весь народ. *(Поражение в Гражданской их ничему не научило. Равно они не учитывали того фактора, что революция под жесточайшим контролем большевиков, «прессовавших негод-*

ных уклонистов», продолжалась в сельском хозяйстве, промышленности, просвещении.) Свою обособленность от РОВС и других подобных организаций деятели Лиги объясняли тем, что в истории создания «великого русского государства бывало и так, что отдельные ветви русского народа силою исторических судеб ставились в полусамостоятельное, а иногда и самостоятельное положение, которое обязывало их прежде всего прочно встать на ноги... для того, чтобы потом помочь своим братьям... никогда ни Украина, ни Сечь не забывали, что они русские и православные (здесь авторы настойчиво подчеркивали русскость жителей Украины. — В. К.)»⁴⁰². Эту организацию и ее программу опять-таки можно назвать «русскими». Но сплачиванию русских, как уже неоднократно указывалось, препятствовала их политическая грызня между собой; мешало также различное отношение к СССР и Германии.

В более выгодном свете представляли украинские организации, такие как Украинская войсковая организация и ее преемница Организация украинских националистов, а также Украинская народная казацкая организация во главе с бывшим гетманом П. П. Скоропадским.

И можно понять наших братьев-славян: в России многие видели лишь своеобразный конвой с его железным распорядком — шаг влево, шаг вправо... Трудно понять другое — почему среди многих просвещенных ревнителей свободы для своей родины стойко держится и культивируется убеждение, что русский — это жандарм, а остальные народы в евразийской России — его жертвы. Такие правдолюбыв заботливо хранили и пополняли запас сведений о «несправедливостях и злодеяниях» (разумеется, русских) центральной и местных властей еще с седых времен, но почему-то о своих не желали знать и помнить или выдавать их под флагом защиты своего народа, своих национальных интересов.

Те же украинские притязания также были не лишены имперского характера, например, утверждение моего однофамильца о том, что большинство населения в СССР (80%) принадлежат к украинской нации, не говоря уже о таких славянских странах, как Польша и Чехословакия⁴⁰³.

Само русское эмигрантское сообщество с его различными организациями и структурами делилось на два ярко выраженных крупных лагеря — «пораженцев» и «оборонцев». Первые видели возможность свержения большевизма и, соответственно, освобождения страны в интервенции. Вторые защищали тезис о том, что какая бы ни была власть, но Родину необходимо защищать. Наиболее последовательными сторонниками лозунга «Ни пяди русской земли» выступали младороссы.

В своей полемике с «пораженцами» младороссы охотно использовали имена авторитетных лиц, например, выдержки из заветов Виктории Федоровны:

«Если мы — великая нация, мы поднимемся сами.

Если же мы обречены на гибель, не иностранцы нас поднимут.

Иностранцы нас не только не поднимут, а просто прикончат»⁴⁰⁴.

Тактика и стратегия младороссов имела успех не только у молодежи, но и у людей, успевших повоювать, среди офицеров и генералов. Более того, их взгляды на Россию разделял Кирилл. В его новогоднем обращении, опубликованном в 1932 г. на страницах «Младоросской искры», были следующие строки: «Я от всего сердца желаю успеха в творчестве окрепшему и познавшему любовь к Родине Русскому человеку... приветствую зарождение новой жизни, как зарю величия Моей Родины и будущего счастья человечества. Каждый успех в строительстве есть победа русского народа. Допустимо ли мешать ему в достижении полного торжества? Каждый Русский человек должен всеми силами помогать возрождению могущества своего Отечества. Особенно важно это сознавать нам, выкинутым за пределы России. Только помогая воссозданию Русской мощи, мы опять сольемся со своим народом и вернемся на родную землю»⁴⁰⁵.

Именно русский дух младороссы видели в свершениях Родины. Григорий А. Бутаков в 1934 г. писал, что в «русской катастрофе мы видим не одно только разрушение. Гораздо больше, чем разрушения, мы видим в ней созидания и творчества. Русская катастрофа создала нового русского человека, который чувствует, как и мы, который, как и мы, превыше всего любит свою Родину, с ее дикой природой, с ее старой культурой, с ее новым строительством, с ее радостями и невзгодами. Среди дикой тайги и пустынных степей вырастают создаваемые творческой мощью нового русского человека (часто лагерника. — В. К.) фабричные гиганты-комбинаты. Запах фабричного дыма для нас гармонирует с запахом леса и степи»⁴⁰⁶. Омоложение страны, увеличение количества городов, рост численности рабочих, умножение населения страны — все это служило очередным доказательством для младороссов зарождения новой России.

В умы той же белградской группы младороссов широко внедрялась идея о начавшейся с 1917 г. эволюции, в результате которой на смену старой ленинской гвардии приходит молодежь с иными установками. Именно на ее энтузиазм, на «национальную гордость» каждого русского, на «землю и волю» крестьянина, на энергию «нового человека» и делалась

ставка⁴⁰⁷. Не могли не ободрять их сведения о том, что со второй половины 1930-х годов в литературоведении пошел откат от вульгарно-марксистского понимания русской классики, когда стихотворение «Смерть поэта» означало всего лишь «художественное выражение идеологии социальной группы», а творчество Гоголя объяснялось его раздумьями об «экономически слабой дворянской усадьбе»⁴⁰⁸.

Реальные картины из жизни в СССР перемежались у них с весьма упрощенными представлениями, неадекватно отражающими действительную ситуацию.

Так, неудачи в сельском хозяйстве они в 1931 г. обуславливали сознательным саботажем работников колхозов и совхозов, «срывающих план Сталина»⁴⁰⁹. В то же время, полемизируя с «отцами», младороссы восклицали, что «НЕ РАБЫ восстанавливали и увеличивали мощь России; НЕ РАБЫ выносят на своих плечах тяжесть строительства»⁴¹⁰.

По мнению младороссов, те «эмигранты, которые смешивают национальные и антинациональные элементы пятилетки и величают ударников советскими овцами, бьют не только по коммунизму, но одновременно и по национальному чувству и приносят вред не только коммунистам, но и России»⁴¹¹.

Мне представляется, что молодежь привлекало одно — вступая в ряды младороссов, они сознавали свою причастность к судьбе Родины, ее защите от германского «Дранг нах Остен».

Младороссы провозглашали лозунг: «Все, что национальное — наше». Иными словами, «все, что способствует расцвету, культуре и силе нации, независимо от того, как и при каких обстоятельствах это создано» является достоянием нации. При этом само «оборончество» младороссов было продиктовано принципом служения нации и не связано с режимом. «Смена режима — дело исключительно внутреннее и нация не может отвечать за ошибки режима головами своих членов или материальными и территориальными богатствами страны»⁴¹².

Вопреки устоявшимся суждениям правоверных эмигрантов, младороссы в Белграде и по другим городам и весям считали ту же печально известную постройку Беломорканала полезной и необходимой для государства, хотя и не оправдывали варварских методов властей при его строительстве. Признание успехов в индустриализации — Магнитка, ДнепрогЭС, в военном деле — создание огромной Красной армии, в конечном итоге — нахождение положительных сторон в сталинской конституции: все это резко контрастировало с общим тоном эмигрантской прес-

сы, на чьих страницах регулярно печатались мнимые и подлинные сюжеты об ужасах в Советской России.

Потерявшие родину, младороссы не утратили гордости за ее успехи и ее мощь. Именно лозунговость была одной из форм воздействия на молодежь. Особенно эффективно она «работала» на воспитание патриотизма, веры в Россию, в ее особый путь. На страницах прессы регулярно помещались соответствующие высказывания, например, из Достоевского: «Могуча Русь и не то еще выносила. Да и не такие назначения и цель ее, чтобы зря повернула она с вековой своей дороги, да и размеры ее не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно и останется до сути своей такую же прежнюю, святой нашей Русью, как и была до сих пор»⁴¹³.

Как вспоминал Н. И. Толстой в беседе с автором этих строк, чтение советских газет позволяло ему и его сверстникам получать информацию о жизни в России, ощущать себя частью ее удивительного бытия.

Сподвижник младоросского лидера Н. Философов писал: «Мы приветствовали победу Сталина над Троцким. Мы приветствовали пятилетки. А когда нам возражали, что это достигается чудовищными усилиями, жертвами, ценой страданий, когда нам говорили, что Сталин готовит силы для похода на мир, мы отвечали, что не важно, что думает Сталин. На мировой революции он свернет себе шею, а заводы останутся»⁴¹⁴. Все плохое можно было объяснить просто и правдиво: «Лес рубят, щепки летят». Более того, объясняя свое нежелание обширно писать о красном терроре, младороссы заявляли, что «о крови и разрушениях, которых стоил коммунистический опыт, известно всем»⁴¹⁵.

Если затронуть обязательный вопрос о лагерях, то я напомню, что их «историческая необходимость» была обусловлена самим ходом борьбы за социализм, когда новая идеология предполагала лагерь для носителей старой или иной системы взглядов. При этом лагерная система была рассчитана на «перевоспитание» вплоть до уничтожения социально-неполноценных, бывшей «расы господ». Однако всем известна положительная оценка прогрессивным Западом деятельности Сталина — главного устроителя и чистильщика новой России. Здесь можно вспомнить Лиона Фейхтвангера, Андре Жида и Ромена Роллана и многих других, видевших в России новое слово человечества.

В конечном итоге, можно заключить, что в России строился национальный социализм, о чем так упорно твердили младороссы. Плохо это или хорошо? Сам этот термин получил широкое хождение в 1950—1960-х годах, когда в странах народной демократии начались процессы «отхода»

от копирования практики в СССР. Яркий пример — восстание в Венгрии в 1956 г. Относительно России все гораздо сложнее. Национальный социализм в многонациональной стране всегда будет иметь имперскую окраску. Смена ориентиров произойдет лишь при рождении или перерождении культуры, цивилизации. Этот процесс уже идет, и до появления мира во всем мире осталось недолго, если только на небесном циферблате не сдвинется стрелка и все человеческое не обрушится, как это было с известной башней.

Возвращаясь в эмиграцию, скажу, что, конечно, с одной стороны, Сталин был для эмигрантов ненавистен, с другой — это была личность, продолжавшая стратегический курс на укрепление единой и неделимой России, соответственно, его можно было считать национальным деятелем. Здесь можно напомнить и введение Сталиным обязательного преподавания русского языка в национальных республиках, воспевание в советской прессе «великого русского народа» и Российской республики — «первой среди равных». В сущности, все младоросские споры вокруг личности Сталина сводились к следующей дилемме — поставит ли он все на национальную карту или на мировой пожар? **Иными словами: эволюция или революция. Революция в открытой или закрытой форме!?**

Тема строительства нового мира трактовалась, кстати, теми же младороссами по-разному. В 1931 г. советские пятилетки вызывали у них не только чувство гордости за возрождение невиданными темпами своей далекой Родины. Были и те, кто видел в них угрозу Европе. Так, белградские младороссы могли читать в «Младороссе» строки одного из своих руководителей К. Елиты-Вильчковского: «Пятилетка готовит не мир, а войну... Все или ничего... в населении, брошенном в котел пятилетки, проснулись крайние чувства. Тот, кто радовался новой крыше, требует теперь турбину, какой нет в Америке. Тот, кто интриговал в сельсовете, сжигает в хлеву неосторожного комсомольца. Тот, кто хотел торговать с Европой, хочет теперь покорить ее. И отсюда новый вид национализма, грозного, наступательного, пропитанного ненавистью к иностранцу, к западу, известному только по тем его представителям, которые на русских костях строят Магнитогорск, Асбест и Днепрострой... Пятилетки готовят войну для торжества социализма. Этой войны сейчас хочет каждый, — каждый по-разному. Для одних, — это возможность восстания, для других — надежда на грабеж, для энтузиастов — это исполнение миссии, для униженных — это месть... Построенная на крови пятилетка порождает ненависть. Задуманная нечеловечно, — она уже переросла человеческие силы. И если не по-

следует ее случайного срыва, или не будет разорвана противоестественная связь между Сталиным и молодежью, между разрушением и творчеством, — Европа окажется в страшном и диком положении перед стихийной лавиной, которую она сама вооружила и сама направила на себя»⁴¹⁶.

По сути дела, по-своему повторяя Струве, он в романтически-дикой форме — «кровь», «ненависть», «противоестественная связь» — излагает идею революции продолжающейся. Эффектные противопоставления типа «разрушение-творчество» все же не должны затенять роль Версаля, «Mein Kampf» и тех, кто вкладывал деньги в вооружение не России, а Германии.

В 1933 г. белградские читатели «Младоросской искры», вероятно с упоением, читали доклад Казем-Бека, посвятившего свое выступление очередному «последнему и решительному бою»: «Про Россию смеют еще говорить... что русский колосс не страшен, что ноги у него глиняные. Необходимо, чтобы во всех концах света убедились, что русский колосс стоит на гранитной глыбе, что кулак у него стальной. Это нужно не только России, но и всему человечеству, так как **ТОЛЬКО НЕПОБЕДИМАЯ РОССИЯ В СОСТОЯНИИ БУДЕТ ВЫПОЛНИТЬ СВОЮ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКУЮ МИССИЮ... И В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ПРОГРЕМИТ В РОССИИ ГРОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, РУССКАЯ НАЦИЯ ВОССТАНОВИТ СВОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СРЕДЕ НАРОДОВ ЗЕМНОГО ШАРА.** И только тогда начнется эра русской международной политики. Тогда Россия начнет разбираться в международном хаосе, чтобы осуществить реальную справедливость, чтобы утвердить мир всего мира. Ибо в этом культурно-историческая миссия России: в том именно, **ЧТОБЫ УТВЕРДИТЬ СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР НА ЗЕМЛЕ И ОГРАЖДТЬ ЕГО.** Не женеvскому торжищу, повторяющему трагикомический опыт строителей башни вавилонской, установить нормы сожительства народов (где говорят о нормах, там их и раньше всех и нарушают. — В. К.). Не международный парламент, **А МЕЧ РОССИИ-АРБИТРА — ИСТОЧНИК МИРА В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ. МИР ПОД СЕНЬЮ РУССКИХ МЕЧЕЙ: ТАКОВА ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ.** Только в создании прочного мира — оправдание гегемонии великих империй. Была «рах готана», оправдывавшая господство Рима. **БУДЕТ «РАХ ROSSICA»,** которой оправдается господство России»⁴¹⁷.

Во многом взгляды младороссов и их лидера Казем-Бека были схожи с воззрениями П. Н. Милюкова. Так, бывший министр в 1934 г. утверждал следующее: «Советская власть есть очень плохая... но это, тем не менее,

русская власть, с которой необходимо считаться... Эта власть имеет все шансы с течением времени улучшаться — общение с культурным западом может только этому способствовать, — если же она паче чаяния не улучшится, то от русского народа зависит в любой момент ее свергнуть. Для запада и его культуры опасность грозит не со стороны Советской России... а со стороны Гитлеровской Германии... Опасность грозит России не от продления советской власти, а от возможного на Россию покушения со стороны ее соседей, которое поведет за собой нарушение целостности русской государственной территории, донныне с достаточным успехом охраняемой советской властью и ее дипломатией: помогать этой дипломатии есть патриотический долг русской эмиграции»⁴¹⁸.

Другой «зубр» эмиграции, житель Белграда П. Б. Струве и его сторонники в 1934 г. считали иначе: «Советская власть не есть русская власть: Россия оккупирована властью ей чуждой и органически ей враждебной; эта власть органически враждебна не только по отношению к России, но и ко всякой другой власти во всяком другом государстве; именно как с такой, органически враждебной властью с ней надлежит считаться каждой иностранной державе... Советская власть не имеет никаких шансов улучшаться с течением времени — идея органической эволюции ей чужда, и она совершает "эволюции" лишь в плане тактическом... по-прежнему советская власть ждет лишь случая, чтобы обрушиться всеми своими средствами на культуру "буржуазную", ей принципиально враждебную. Напротив, гитлеровская Германия, при всех ее внутренних пороках, есть явление исторически враждебное советскому строю и в этом качестве выполняющее роль защитника западноевропейской культуры от грозящей ей с востока смертельной опасности. То же *mutatis mutandis* (с оговорками (лат.). — *В. К.*) надлежит сказать о современной Японии... Нужно прежде и превыше всего думать об его (СССР. — *В. К.*) свержении, которое при настоящих условиях может стать результатом сравнительно незначительного толчка извне; вопрос территориальной целостности России не должен быть во всех случаях рассматриваем как основоположный при господстве большевиков в России, тем более что самое господство в России советской власти есть наибольшая угроза целостности России и может неотвратимо повести к ее конечному внутреннему распаду (выделено мной. — *В. К.*)»⁴¹⁹. Какие-либо комментарии здесь не нужны: все предельно четко и ясно. Правда, потом, в годы войны, П. Б. Струве изменил свою позицию, о чем сказано уже в первой части этой книги. Напомню. В годы войны он жил в разрушенной бомбардировкой квартире (ул. Милашева, 11) без отопления и света и не скрывал

своей убежденности в победе русских. Поэт Владимир Львович Гальской, встречавшийся с ним в Рождественские праздники 1942 г., посвятил ему стихотворение:

Ты в памяти моей таким остался,
Завернутым в шотландский старый плед,
Когда твой голос гордо возвышался
Над грохотом бессмысленных побед.

Стальная двигалась на Русь лавина,
А ей навстречу русский плыл мороз.
Меня, из оснеженного Берлина,
Принес заледенелый паровоз.

И город юности, почти забытый,
Под саваном рождественских снегов,
Меня встречал поруганным, разбитым,
Придавленным под каблуком врагов;

Но в холоде нетопленной квартиры,
В тот страшный год бесчисленных могил,
Ты так высоко говорил о мире,
Так вдохновенно Божий мир любил.

И стало мне невыносимо стыдно
За мой костюм, за мой «приличный» вид,
Но стало в этот вечер очевидно,
Что враг моей страны не победит.

Благодарю тебя, Великий Старец,
За эту и за много прежних встреч,
От юности до старости скиталец,
Всегда несущий вышней правды меч⁴²⁰.

Теперь слово покровителю младороссов Кириллу Владимировичу, который 24 марта 1938 г. в своем обращении писал: «Долгие уже годы я веду борьбу за восстановление на родине исторического строя («Царь и Советы» — это другая форма государственного устройства. — В. К.), при котором она веками крепла и развивалась, не личные побуждения заставляют

меня бороться за русскую законную монархию, а уверенность в том, что она одна способна изгладить все зло, причиненное смутой России и ее народам.

Недовольство народных масс навязанной стране диктатурой проявлялось с начала революции в разных формах, но могло казаться, что хотя бы люди, возвысившиеся при этой диктатуре, преданы ей. События последних лет, последнего года, в особенности, показали, однако, что и среди этих людей, достигших власти, почестей и материальных благ, беспрестанно возрастает брожение.

В окружении самого диктатора постоянно возникают заговоры, попытки — пока не увенчавшиеся успехом — свергнуть тираническую власть, исходят из среды, с нею тесно связанной. Более убедительного доказательства общей ненависти к существующему строю не может и быть.

Диктатор всюду видит измену. Ему не на кого положиться. Он беспощадно уничтожает своих действительных или мнимых противников. В кровавой борьбе с оппозицией, проявляющей себя во всех областях государственной и хозяйственной жизни страны, диктатура громит государственный аппарат, подрывает военную мощь России и разлагает ее вооруженные силы. Этим диктатор доказывает всему миру, что им руководит лишь властолюбие, что он преследует личные цели, что ему чужда забота о благе народа.

Он, однако, клеймит, как «врагов народа» всех, кого он подозревает в неверности самому себе, но первый и подлинный враг народа — он сам.

...При неизбежном крушении нынешней диктатуры отсутствие новой власти, которая могла бы сразу взять в руки управление страной, грозило бы России неисчислимыми бедствиями (так не бывает: всегда найдется кто-то, который скажет — «Есть такая партия» и подберет власть. — *В. К.*). Главной опасностью была бы новая гражданская война, которая повлечет за собой угрозу расчленения государства и отторжение исконных русских земель... (Сталин уже успел воспитать в новом поколении ненависть к таким выступлениям и страх перед ними. — *В. К.*) Для преодоления смуты, разлагающей русскую жизнь на протяжении почти четверти века, необходимо быстрое установление национальной власти. Это может быть обеспечено лишь законной монархией, строительство которой сочетает преемственность управления с новым духом и требованиями времени.

Монархия, основанная на единении нации, на уничтожении партийной и классовой розни, на религиозной терпимости и свободе совести, на равноправии всех народностей империи, на широком участии народа в управлении страной и хозяйством, на наследственности власти монарха,

постоянного, беспристрастного и природного судьи, — спасет Россию от внутренней слабости и внешних опасностей и выведет ее на путь благоденствия и процветания... православная церковь... должна сохранить каноничное устройство... Никому, однако, не может быть возбранено прославлять единого Бога и в ином исповедании веры... монархия не несет кары и мщения. Она высоко оценит заслуги перед отечеством в годы лихолетия русских людей внутри и вне России и сумеет вознаградить их... Я не могу не отдать должного усилиям русских военных, благодаря которым создавалась на суше, на море и особенно в воздухе вооруженная сила России. Воскрешение воинского духа и овладение современной военной техникой останутся заслугой военачальников, на которых поднялась преступная рука безумной власти.

Военное могущество нынешней России послужило гарантией неприкосновенности нашей земли. Вооруженные силы России, еще подвластные обреченной диктатуре, создавались на исконных воинских основах. Они составляют среду, в которой я вижу преемницу прежней военной силы России. Интернациональные теории, программы и лозунги не смогли поколебать в этой среде любовь к отечеству... Она — неотъемлемая и лучшая часть русского народа, наследница многовековой славы российских армии и флота»⁴²¹.

Если революционаризм есть высшая форма патриотизма, то Кирилл Владимирович блестяще подтвердил свою репутацию. Но здесь важна не только его личность, но и мысли, идеи, перепутанные с «фразами». Можно с достаточной уверенностью говорить, что, повторяя младороссов, он тогда делал ставку на военный переворот и диктатуру мундиров. Именно армия своими победами будила надежды в эмиграции.

В августе 1938 г. белградские читатели «Бодрости», в связи с вооруженными провокациями страны Ниппон в районе озера Хасан и занятием японцами сопки Безымянной и Заозерной, могли прочесть слова кавалера пяти орденов Красного Знамени, маршала Блюхера: «Какое солнце вы предпочитаете видеть на Дальнем Востоке? То ли, которое красуется на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю после очищающей революционной грозы»⁴²².

Эти слова, произнесенные еще в 1922 г., не теряли своего значения уже потому, что речь шла о русской земле, о территориях, освоенных еще российскими мужиками и казаками. Как и в Советской России, в младоросской прессе патетически писали: «Сопки Безымянная и Заозерная стали заслуженными горами страны. Когда-нибудь вершины их будут украше-

ны памятниками. Они сослужили нам, русским, великую службу. На склонах их русский дух претворился в кровь. Эта кровь была пролита за отечество, за землю — за русскую землю, ради ее обороны и неприкосновенности ... они превратились в вершины русского сопротивления... Отечество в опасности — вечная магическая сила, стремительно мобилизующая патриотизм... Будущее России — в русском патриотизме. Борьба за отечество есть прежде всего борьба за оборону отечества. Сегодняшний режим не облегчает, а затрудняет эту борьбу. Русские патриоты, русские националисты именно поэтому должны противостоять ему»⁴²³.

Отсюда следовал еще один лозунг: «Вся власть Армии». Только она могла, разгромив начисто императорскую Японию, привести к свержению Сталина, к национальной революции. Несмотря на всю слабость, даже безнадежную беспомощность таких рассуждений, эти мысли в младоросской среде имели успех. Почему? Ответ может быть один: вера в действие, в армию, в народ-строитель. Но романтизм тех же белградских младороссов был «вреден» для «комсомольцев-добровольцев», сталинских соколов.

Конечно, для нашей бедной России борьба за оборону отечества зачастую связана с войной, с внешними действиями, с кровью. И само существование патриотизма держится не только на любви к отечеству, но и «благодаря» войнам!?

К этому вопросу можно подвести рассуждения К. Елиты-Вильчковского. Говоря в 1938 г. о расизме, как идеологической базе будущей войны против СССР, он подчеркивал, что этот «племенной» феномен дает плоды даже в свобододлюбивой Франции, где газета «Матэн», говоря о России, заявляла о том, что 180 миллионов «двуногих животных», «предводительствуемых животными», «не интересны для цивилизованного мира». В Италии, продолжал Елита-Вильчковский, газета «Дифеза делла Рацца» («Защита расы») писала о запрете властей возможности брачных союзов между итальянцами и турками, а также «представителями славянизированных народов азиатского происхождения в Восточной Европе, к которым принадлежит основная масса москвитов или великороссов»; в свою очередь газета «Верита» обращала внимание на то, что «для Советского Союза после мюнхенского поражения остается одно: судьба Австро-Венгерской империи»⁴²⁴. Дальше не буду, таких высказываний из Европы было много...

Скажу одно, читая эти старательно подобранные строки, те же белградские младороссы, да и не только они, вероятно, вспоминали Александра III, завещавшего помнить, что единственными союзниками России являются ее армия и флот.

А пока следовало в очередной раз довольствоваться заклинаниями о необходимости устранения Сталина! В статье «Новая Европа» (6 марта 1938 г.) Казем-Бек писал: «После Мюнхенской мирной конференции, когда рождается новая Европа, нашим единственным лозунгом... может быть только: **ВСЯ ВЛАСТЬ АРМИИ**»⁴²⁵.

Итак, надежды на человека-строителя не оправдывались: оставался уже проверенный человек с ружьем!

(Иными словами, старое как мир преторианское лекарство!)

Только все эти рассуждения-призывы не укладывались в единую картину возможного очередного эпохального перелома, на которые так богата российская земля. Разумеется, надежды на армию были в некоторой степени вызваны «**признаниями**» героев процессов 1937 г. о своих антисоветских планах. При этом сторонники Казем-Бека, видимо, считали, что в армии тем не менее есть офицеры, которые могут решиться на свержение Сталина.

Хотя со Сталиным, повторяю, все было неизмеримо сложнее. И младороссам в Белграде было трудновато в спорах о праве на истину со своими многочисленными неприятелями, ядовито прохаживавшимися по тому же лозунгу «Царь и Советы», желая им обрести «царя в голове». Спасал как всегда острый ум их руководителя, умевшего одноцветную картину превращать в многоцветное полотно.

Так, в октябре 1938 г. А. Л. Казем-Бек, обращаясь к проблеме тоталитаризма, утверждал, что все тоталитарные режимы суть революционные. Объясняя свою мысль, он писал: «Новая эпоха порождает тоталитарность. Если революция захватывает страну, в ней утверждается тоталитарность... когда три великие державы, как Россия, Германия и Италия утвердили на своих территориях... определенную тоталитарность внутренней политики, можно ли было ждать, что международная жизнь будет ограждена и отмежевана от этого новшества?.. Дело в том, что революционный цикл мировой истории далеко не закончен. Мировая революция нарастает. Ее процесс в полном развитии... Каждая страна участвует в мировой революции через свое внутреннее обновление. Чем менее революционно по форме это обновление, тем счастливее данная страна. Но эволюционные формы обновления не всем даются... Пока мировая революция не завершилась... нечего надеяться на лучшую жизнь. Революции, как результат исторической необходимости, всегда оправданы (например, задним числом. — В. К.). Они всегда приводят к стремительному прогрессу. И после них жизнь стабилизируется на новом и высшем уровне (особенно, если вспомнить африканские революции. — В. К.). Нет основания для песси-

мизма в прогнозах. Человечество построит новый и лучший мир... Закон концентрации силы, закон тоталитарности подчинил себе фактически всю планету»⁴²⁶.

Много «умной воды» и веры в «светлое будущее». Вероятно, цель всех этих строк заключалась в одном — в утверждении того, что революция в своем «тоталитарном смысле и качестве» оправдывает средства.

И еще немного о будущем, о котором задумывались в Белграде, Париже, Харбине, Праге... 12 ноября 1939 г. в передовице, озаглавленной «К новому миру» Казем-Бск, опережая время и предвосхищая международные инициативы, писал: «Но наше дело, дело всех нас, всех современников отдать себе уже сегодня отчет в том, что свержение Гитлера еще ничего не решит в области конструктивной. Пока надо, разумеется, прежде всего обуздать этого виновника мирового разбоя. И пусть это непосредственная **цель войны**. Но за этой целью войны, непосредственно и сразу встанет **цель мира**.

Новый мир должен быть построен и организован так, чтобы четверть века спустя он не привел к новой, **третьей великой войне**. Такова аксиома, перед которой будут поставлены устроители этого нового мира...

Нашей России будет принадлежать первое место в ряду держав, на которых ляжет ответственность за мир всего мира, за утверждение нового вселенского равновесия, за осуществление международной справедливости, за создание мировой гармонии на месте мирового хаоса.

От нас, русских, зависит, чтобы наша Империя была достойна своей великой миссии»⁴²⁷. Здесь можно «прицепиться» к последнему предложению, обвинить автора в великодержавном шовинизме, но сам интернациональный состав младороссов препятствует этому.

В 1939 г. формула русского национализма у младороссов, жили они в Белграде ли, в Праге ли, в Рио-де-Жанейро ли, гласила: «Освободиться внутри, обороняться вовне». Ее смысл хорошо раскрыл их лидер, писавший, что «Русского национализма нет в “красном” лагере, в котором необходимость внутреннего освобождения — освобождения от сталинской тирании — не осознана и не признана. Русского национализма нет также... в том “белом” лагере, в котором необходимость обороны от внешней опасности не понята. О том, с позволения сказать, “лагере”, в котором существует ставка на самую внешнюю опасность, говорить вообще не приходится. Это просто сборище отщепенцев — предателей русского происхождения, утративших право называться русскими (здесь речь о тех, кто видел спасение родины в интервенции, в тех, кто пошел потом вместе с Гитлером. — В. К.)»⁴²⁸.

Здесь младороссы практически разворошили эмигрантский муравейник. В том же Белграде насчитывалось немало врагов младороссов. Проблема власти и средства по ее достижению были и оставались всегда центральными в эмигрантском интеллектуально-политизированном сообществе. Я не буду здесь говорить о белградце генерале Шкуро, видевшем в будущей войне возможность посчитаться за изведенную им горечь поражения и освободить Россию немецким оружием. Лучше приведу выдержки из статьи, опубликованной в 1939 г. в «Новой России», Г. П. Федотова: «Власть Сталина менее всего советская. Давно уже было замечено, что лозунг “*Вся власть Советам!*” звучал бы революционно в России... Нет ни малейшего сомнения в том, что в ближайшее... время государственной формой национальной России не может быть ни западный парламентаризм, ни монархия. Остаются советы... торопиться надо со Сталиным, а не с советской властью или с коммунизмом. “*Долой Сталина*” — сейчас единственный общенациональный лозунг для поработенной России». «Коммунизма в России нет, — продолжает автор, — партия сохранила от коммунизма только имя. Все настоящие коммунисты или в тюрьме, или на том свете. Партия стала лишь необходимым аппаратом власти в тоталитарно-демагогическом режиме. Она лишь приводной ремень, передающий очередные приказы диктатора страны». «*Ради России*, — писал далее Федотов, — мы должны желать в настоящий момент, чтобы власть перешла в руки честных и беспартийных людей (первый пункт нашей программы-минимум — уничтожение коммунистической партии и ее филиалов. — *Ред.*), специалистов государственной работы, а не расправы. Правительство красных командиров и инженеров, отдавших все силы обороне и хозяйству страны — вот о чем мы должны просить Бога для России... Будут ли они выходцами из народа, детищами революции или сынами старой России и старой интеллигенции, это все равно. Символически было бы прекрасно соединение двух слоев — старой и новой России — в одной правительственной команде. Численный перевес явно будет на стороне рабоче-крестьянской России, созданной октябрем. Вероятно, сохранится и символика октября, нам здесь одним чуждая, другим ненавистная. И от нас потребуются усилие ума и воли, чтобы признать желанное воплощение национальной России в новой форме “*советской власти*”»⁴²⁹.

Все это было близко младороссам, давно выступавшим с подобными идеями и предложениями в духе «согласия и примирения». Но здесь опять-таки заметна старая черта интеллигенции, я говорю о прекраснодушии, которое не раз ее подводило в недавней истории нашего Отечества. Здесь каждый может вспомнить свой пример.

Начавшийся отсчет «бардака» в Европе после провала революции в Испании, после Мюнхена отчетливо показывал, что время аллюра «красной лошади», время революции прошло. Иное дело «славянский кентавр». Еще в 1934 г. «Младоросская искра» в одном из своих материалов о путях спасения родины от грядущего Интернационала как бы мимоходом отмечала важность опоры на славянские народы, для которых «разгром России означал бы начало их собственного конца»⁴³⁰. Эта мысль была развита позднее в речи Сталина от 28 марта 1945 г.: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе с друг другом против нашего общего врага — немцев. Вся история жизни славян учит, что этот Союз нам необходим для защиты славянства... Как в первую, так и во вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы: Россия, Украина, белорусы, сербы, чехи, словаки, поляки. Разве в этой войне не то же самое? Разве Франция больше пострадала? Нет. Французы открыли фронт немцам. Немцы слегка оккупировали северную часть Франции, а южную даже не тронули. А Бельгия и Голландия сразу подняли лапки вверх и легли перед немцами. Англия отделалась небольшими разрушениями... Значит, больше всех страдали от немцев славяне... мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян. Поэтому мы, новые славянофилы-ленинцы, так настойчиво и призываем к союзу славянских народов. Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, т. к. знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия... В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства. Заключив союз, славянские страны могут оказывать друг другу хозяйственную и военную помощь. Мы можем это делать теперь с большим успехом»⁴³².

Нам известно, что «соответствующие условия» такого союза были созданы. Однако он «рассыпался», не выдержав испытаний времени. Вопрос в другом: сможет ли он возникнуть вновь, но на иной основе? Может, но только в том случае, если Россия обретет былую мощь. Только какой она будет и на чем она будет построена? Если наше мировоззрение опять будет «грешить» смешением понятий типа «славянофил-ленинец», то очередной крах будет неизбежен.

Возвращаясь к славянству и младороссам, многие из которых жили на славянских землях, в Белграде, Праге, Софии, следует еще раз обратиться к их руководителю, который в 1939 г. писал: «Помимо чисто принципиальных соображений, мы не можем забывать, что славянские народы в Европе должны быть ограждены нами — и вовсе не из сентиментальности... от германского засилья. Западные и южные славяне так уж расселены, что они могут увеличивать “потенциал” либо нашей империи, либо германской.

В настоящий момент под германским игом томится — это выражение надо в данном случае понимать буквально — свыше тридцати миллионов славян разных национальностей, которые еще к началу текущего года не были подвластны немцам и жили в рамках своих национальных государств.

Надо быть лишенным не только всякого имперского, но и просто национального русского чувства, чтобы не понять, что с таким положением мириться не могут ни русское достоинство, ни русская честь, ни элементарные русские интересы»⁴³².

Продолжая эту тему славянского мира, он несколько позднее писал, что сама борьба с Германией должна будет помочь обрести славянское единство в форме федерации «во всяком случае культурной, — вероятно экономической — может быть государственно-политической... Из будущего единения славян возникнет великая мировая сила. Она нужна всему человечеству. Она позволит утвердить мир всего мира»⁴³³.

В сущности, здесь то, о чем писал Леонтьев и напишет Сталин.

Замечу, что сами младороссы были своеобразными оглашенными. Слабость их была в том, что они как бы проводили жизнь в «зале ожидания поезда в Россию», но уже без Сталина. В этом же скрывалась и их инерционная сила, позволявшая сохранять себя длительное время. Однако Вторая мировая война впрямую поставила перед ними проблему выбора пути. Она решалась в пользу «русскости», но этот термин мог толковаться по-разному.

Для одних он выкристаллизовался в активное «оборончество» и защиту внешней политики СССР.

Для других «русскость» в военных условиях определялась возможностью помочь в 1941 г. той же Сербии, вступив в ее армию, для защиты от германской агрессии. Защищая Сербию, они защищали Россию.

Для третьих «русскость» диктовала необходимость защиты интересов Родины, веры в народ, в его великое будущее — «режимы уходят, нация остается».

Для четвертых она проверялась в ходе борьбы с Красной армией в составе различных русских национально-освободительных формирований. Достаточно вспомнить Русский корпус на Балканах, в рядах которого воевало немало белградской молодежи.

Для пятых «русскость» требовала возвращения на Родину, даже если там и оставался Сталин. Так произошло и с младоросским политруком графом И. И. Толстым, вернувшимся на землю своих предков, своего народа.

«Молодая Россия» как организация сошла с политической сцены, но ее идеи, размышления и сейчас представляют не только исторический интерес — они созвучны мыслям многих из тех, кто задумывается о судьбе и пути России. Хотя не могу не удержаться от горькой иронии: патриотом в России быть легко, но России трудно!

Подводя черту,

хочу сказать, что буду считать себя счастливым человеком, если мои строки о Белграде напомнят читателям об их соотечественниках, близких и далеких, живших семьей, работой, идеалами, мечтами, политикой, Россией,

напомнят, что мы счастливы, живя на Родине, и у нас нет той жуткой тоски, говоря по-ученому, ностальгии, от которой нет спасения тому, кто «потерял» «дом» и «род»,

напомнят о «русской идее», помогавшей жить на чужбине.

Говорят, что историк должен быть объективным. Возможно. Но я честно признаюсь в своей субъективной любви ко всему русскому, родному, чему свидетельство мое эссе. Можно, конечно, меня упрекнуть, что я не отразил тяжелых и мрачных страниц эмигрантской жизни. Что ж, я такой упрек принимаю. Они были. Но я не приму упрека в приукрашивании, уж скорее в недосказанности...

Утверждают, что история пишется прозой. Жалко. Хотя, напомню, что лучшие поэты всегда историки. Поэтому, пользуясь возможностью совершить «законную кражу», процитирую из антологии поэзии русского Белграда стихи выпускницы девичьего института в Белой Церкви Нонны Сергеевны Белавиной:

Моя земля всегда была щедра:
Ковром трава ложилась на дороги
И не жалела речка серебра
Струей студеной мне ласкала ноги.

И лес своей прохлады не жалел,
И луг стелился пестрым покрывалом.
Роняя с неба сноп горячих стрел,
Мне солнце щеки нежно целовало.

Весь мир был мой! И до конца светло
Я сохраню любовь ко всей вселенной...
Опавший лист и бабочки крыло
Все в памяти останется нетленно

Здесь нет «истории», но есть чувство Родины, помогавшее переживать расстояние от Белграда до родимых мест.

Примечания

¹ Старое время. 1924. 18/5.V.1924. № 40. С. 1.

² *Прот. Владислав Цыпин*. История Русской Церкви 1917—1997. М., 1997. С. 555.

³ *Троицкий С. В.* Правовое положение русской церкви в Югославии // Записки Русского Научного Института. (Белград), 1941. Вып. 17. С. 106.

⁴ *Зернов Н.* Юрисдикционные споры в русской церкви эмиграции на I всезарубежном соборе в Карловцах в 1921 г. // Вестник Русского Христианского Движения (Париж—Нью-Йорк—Москва). 1974. № 114. С. 142.

⁵ Там же. С. 139.

⁶ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943. Сб. в 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 193.

⁷ *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 144.

⁸ Вестник Русского Христианского Движения. 1974. № 111. С. 147.

⁹ *Троицкий С.* Митрополит Сергей и примирение русской диаспоры. Сремские Карловцы, 1937. С. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней. 1917—1970 / Авт. коллектив: М. Б. Данилушкин, Т. К. Никольская, М. В. Шкаровский и др. СПб., 1997. Т. 1. С. 294.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 9145. Оп. 1. Д. 959. Л. 107.

¹³ *Архиеп. Иоанн Шаховской*. Время и достоверность. Париж, 1982. С. 25.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Глигориевич Б.* Русская православная церковь между двумя войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 115.

¹⁶ Архив автора. Запись воспоминаний А. В. Тарасьева.

¹⁷ *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. В 2-х т. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 135—136.

¹⁸ Православная Русь. 1977. № 14. С. 7.

- ¹⁹ Цит. по: *Маевский В.* Указ соч. Т. 2. С. 36—37.
- ²⁰ *Протопр. Георгий Граббе.* Путь Русской Зарубежной Церкви // Вертоград. М., 1993. № 1. С. 24.
- ²¹ Цит. по: Православная Русь. 1956. № 9. С. 11—12.
- ²² *Маевский В.* Указ. соч. Т. 2. С. 23.
- ²³ *Архиеп. Никон (Рклицкий).* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. В 17 т. Нью-Йорк, 1960. Т. V. С. 97—98.
- ²⁴ Архив автора. Запись воспоминаний А. В. Тарасьева.
- ²⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 3. Д. 18. Л. 8/72.
- ²⁶ Часовой (Брюссель). 1931. 15. V. № 62. С. 13.
- ²⁷ *Богословский А. В., ротмистр.* Русские памятники и музеи в Югославии // Часовой. 1939. 5. VI. № 236—237. С. 30.
- ²⁸ Там же. 1931. 31. V. № 56. С. 23.
- ²⁹ *Валецкий О.* Волки белые. Сербский дневник русского добровольца 1993—1999. М., 2006. С. 57.
- ³⁰ См.: Православная Русь. 1971. № 15. С. 7.
- ³¹ Царский вестник. 1930. № 82. С. 4.
- ³² Русский голос. 1940. 13. X. № 497. С. 3.
- ³³ Архив автора. Запись воспоминаний А. В. Тарасьева.
- ³⁴ *Арсеньев А.* Кончина о. Василия Тарасьева настоятеля Русского храма Св. Троицы в Белграде // Единение (Сидней). 1996. 12. VII. № 28. С. 15.
- ³⁵ *Прот. Тарасјев В.* Чувати сећање о онима који су отишли // Руси без Русије Српски Руси. Изд: Д. Јанићијевић, З. Шлавик. Београд, 1994. С. 353.
- ³⁶ *Завалишин Вяч.* Лучший иконописец нашего времени (К пятилетию со дня кончины Пимена Софронова) // Русское возрождение (Нью-Йорк—Москва—Париж). 1980. № 12. С. 177—187.
- ³⁷ Архив автора. Запись воспоминаний А. В. Тарасьева.
- ³⁸ Новое время. 1922. 22. IX. № 422. С. 4.
- ³⁹ Царский вестник. 1930. 5. III. № 2656. С. 3.
- ⁴⁰ См.: Там же. 1931. 22./9. III. № 137. С. 4.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² I Русско-Сербская гимназия. Памятка. Белград 1920—1944. Нью-Йорк—Вашингтон—Сан-Франциско—Каракас—Буэнос-Айрес, 1986. С. 17.
- ⁴³ *Молчанов В.* Живая летопись // I Русско-Сербская гимназия. С. 170.
- ⁴⁴ Архив автора. Запись воспоминаний А. В. Тарасьева.
- ⁴⁵ *Жилина Т.* Дни бегут, унося за собой года ... // I Русско-Сербская гимназия. С. 134—135.

- ⁴⁶ Старое время. 1924. 30. III. № 25. С. 4.
- ⁴⁷ Там же. 8. V. № 37. С. 3.
- ⁴⁸ *Арсеньев А.* У излуцины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 33.
- ⁴⁹ Православная Русь. 1959. № 13. С. 9.
- ⁵⁰ *Маевский В.* Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и Белграде. Белград, 1932. С. 30.
- ⁵¹ Православная Русь. 1977. № 8. С. 9.
- ⁵² См.: *Архиеп. Нафанаил.* Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. New York, 1992. Т. 3. С. 82.
- ⁵³ *Маевский В.* Иверская богородица на Афоне... С. 34—35.
- ⁵⁴ См.: Там же. С. 58—59.
- ⁵⁵ Новое время. 1930. 1. X. № 2831. С. 2.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 959. Л. 14 и об.
- ⁵⁷ См.: Там же.
- ⁵⁸ Церковная жизнь. 1937. № 6. С. 93.
- ⁵⁹ Царский вестник. 1937. № 6. С. 93.
- ⁶⁰ См.: Православная Русь. 1971. № 3. С. 4.
- ⁶¹ Новое время. 1929. 5. IV. № 2378. С. 2.
- ⁶² Там же. 14. X. № 5446. С. 2—3.
- ⁶³ ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 959. Л. 151—154.
- ⁶⁴ См.: Царский вестник. 1932. № 275. С. 2.
- ⁶⁵ *Терпигорев С.* «Слет белых клубуков». Оттиск. Королевство СХС. 1925.
- ⁶⁶ *Маевский В.* Русские в Югославии... Т. 2. С. 149—150.
- ⁶⁷ Там же. С. 134.
- ⁶⁸ Царский вестник. 1934. № 395. С. 3.
- ⁶⁹ Цит. по: Православная Русь. 1995. № 11. С. 3.
- ⁷⁰ Вестник Русского Христианского Движения. 1974. № 114. С. 144.
- ⁷¹ *Митр. Евлогий.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 410—411.
- ⁷² Архив автора. Запись воспоминаний владыки Василия (Родзянко).
- ⁷³ Православная Русь. 1985. № 8. С. 16.
- ⁷⁴ За рубежом. Белград—Париж—Оксфорд (хроника семьи Зерновых), (1921 — 1972) / Под ред. И. М. и М. В. Зерновых. Paris, 1973. С. 23—25.
- ⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 175 об.
- ⁷⁶ Православная Русь. 1962. № 15. С. 6.
- ⁷⁷ Архив автора. Запись воспоминаний владыки Василия (Родзянко).
- ⁷⁸ За рубежом. Белград—Париж—Оксфорд... С. 29— 30.
- ⁷⁹ *Маевский В.* Русские в Югославии... Т. 2. С. 275.

- ⁸⁰ Цит. по: *Маевский В.* Русские в Югославии... Т. 2. С. 274—275.
- ⁸¹ Там же. С. 275—276.
- ⁸² Там же. С. 29—30.
- ⁸³ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934—1940 гг. Сб. док. В 2-х кн. М., 1998. Кн. 1. С. 342.
- ⁸⁴ См.: Русское трудовое христианское движение (РТХД) в Югославии. Белград, 1937.
- ⁸⁵ *Маевский В.* Русские в Югославии... Т. 2. С. 102—108.
- ⁸⁶ *Полчанинов Р. В.* НТС в преддверии войны 1941—1945 // За свободную Россию. 2004. Июль. № 22 (42 и 42-4).
- ⁸⁷ *Маевский В.* Русские в Югославии... Т. 2. С. 260—263.
- ⁸⁸ Цит. по: Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны, 1941—1945 гг. Нью-Йорк, 1963. С. 13.
- ⁸⁹ Православная Русь. 1985. № 8. С. 12.
- ⁹⁰ *Маевский В.* Русские в Югославии... Т. 2. С. 277—278.
- ⁹¹ Цит. по: *Маевский В.* Русские в Югославии... Т. 2. С. 297.
- ⁹² Цит. по: *Тимофеев А. Ю.* Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // Славяноведение. 2006. № 4. С. 52.
- ⁹³ См.: Русский корпус на Балканах. С. 39—280.
- ⁹⁴ *Лозо С.* Од двоглавог орла до кукастог крста. Руска беломиграција у Југославији // Политика Експрес. Београд, 1976. 20. II. С. 17.
- ⁹⁵ Православная Русь. 1964. № 21. С. 5.
- ⁹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 29.
- ⁹⁷ Там же. Л. 23 и об.
- ⁹⁸ Там же. Л. 30.
- ⁹⁹ Там же. Л. 35.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 37.
- ¹⁰¹ Архив автора. Запись воспоминаний А. В. Тарасьева.
- ¹⁰² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 991. Л. 10.
- ¹⁰³ Там же. Д. 18. Л. 78.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 80.
- ¹⁰⁵ См.: Там же. Л. 81.
- ¹⁰⁶ См.: Там же. Д. 134. Т. II. Л. 266.
- ¹⁰⁷ См.: Там же. Д. 580. Л. 11.
- ¹⁰⁸ Архив автора. Запись воспоминаний А. В. Тарасьева.
- ¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 580. Л. 40—41.
- ¹¹⁰ См.: Журнал Московской Патриархии. 1946. № 5. С. 42—43.
- ¹¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 134. Т. II. Л. 264.

- ¹¹² Там же. Д. 580. Л. 7.
- ¹¹³ Православная Русь. 1964. № 21. С. 5.
- ¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 580. Л. 49.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 991. Л. 4.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 580. Л. 71.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 75.
- ¹¹⁸ Там же. Д. 737. Л. 5.
- ¹¹⁹ Там же. Д. 991. Л. 4.
- ¹²⁰ Там же. Д. 422. Л. 91.
- ¹²¹ Там же. Д. 580. Л. 7—8.
- ¹²² Архив автора. Запись воспоминаний А. В. Тарасьева.
- ¹²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 422. Л. 89.
- ¹²⁴ Там же. Д. 580. Л. 76.
- ¹²⁵ Русская эмиграция. Альманах. 1920—1930. Beograd, 1931. С. 26—29.
- ¹²⁶ Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. В 2 т. Београд, 1994. Т. I. С. 43—44.
- ¹²⁷ Там же. С. 47.
- ¹²⁸ I Русско-Сербская гимназия 1920—1930. Белград, 1930. С. 2.
- ¹²⁹ I Русско-Сербская гимназия. Памятка. С. 17.
- ¹³⁰ I Русско-Сербская гимназия 1920—1930. С. 14.
- ¹³¹ Там же. С. 16—17.
- ¹³² Там же. С. 5.
- ¹³³ Там же. С. 6.
- ¹³⁴ Съезд-Совещание представителей Русских учебных заведений при Учебном Совете Державной Комиссии Королевства С.Х.С. по делам русских беженцев в Белграде 29 апр. — 3 мая 1924 г. Прага, 1924. С. 44—46.
- ¹³⁵ *Иловайская И. А.* // <http://radiosofia.ru/ia.html>.
- ¹³⁶ I Русско-Сербская гимназия 1920—1930. С. 37.
- ¹³⁷ Там же. С. 46.
- ¹³⁸ Там же. С. 47.
- ¹³⁹ *Арсеньев А.* У излуцины Дуная. С. 148.
- ¹⁴⁰ *Полчанинов Р. В.* Проф. М. А. Георгиевский // За свободную Россию. 2006. Июль. № 75, 75—2.
- ¹⁴¹ *Трегубов Ю. А.* Восемь лет во власти Лубянки; Пережитое: Записки члена НТС. Frankfurt, 2001 // http://www.sakharocenter.ru/asf/auth/auth_pages.xml?key=19384&page=68.
- ¹⁴² *Полчанинов Р. В.* Проф. М. А. Георгиевский // За свободную Россию. 2006. Июль.

¹⁴³ Качаки *J.* Руске избеглице у Кра евини СХС/Југославији: библиографија радова 1920—1944. Београд, 2003. С. 170.

¹⁴⁴ Там же. С. 254—255.

¹⁴⁵ Руско-Српска женска гимназија у Београду. Извештај за школску 1934—1935 г. Београд, 1935. С. 18—19.

¹⁴⁶ Там же. С. 30.

¹⁴⁷ Там же. С. 12.

¹⁴⁸ Там же. С. 14.

¹⁴⁹ Февр *H.* «Солнце восходит на Западе» // «Кадетская переключка» (Нью-Йорк). 1980. № 25.

¹⁵⁰ Русский голос. 1934. 8. VII. № 170. С. 3.

¹⁵¹ Росसेлевич *A.* Первые студенты // «Кадетская переключка». 1973. № 6. С. 12, 13, 15.

¹⁵² Наше будущее (Белград). 1925. II—III. № 1 (11). С. 18.

¹⁵³ Там же. С. 21.

¹⁵⁴ Там же. С. 18.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6795. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

¹⁵⁷ Военный журналист (Белград). 1939. 1. XI. № 3. С. 10.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Росसेлевич *A.* Первые студенты. С. 13.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 6795. Оп. 1. Д. 25. Л. 8, 19, 20, 25.

¹⁶² Росसेлевич *A.* Первые студенты. С. 16.

¹⁶³ Вестник правления об-ва галлиполийцев (Белград). 1924. 27. IV. № 5. С. 3—5.

¹⁶⁴ Сальников *B.*, Бурђевих *B.* Константин Петрович Вороњец (1902—1974). Отисак из публикације «Живот и дела српских научника, 7 (Српска академија наука и уметности, Биографије и библиографије. Књ. VII, II одељење књ. 7)». Београд, 2001.

¹⁶⁵ Незабутые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—2001. В 6-ти т. / Сост. В. Н. Чуваков. М., 2001. Т. 3. С. 195.

¹⁶⁶ Новое время. 1922. 24. III. № 274. С. 3.

¹⁶⁷ Съезд-Совещание представителей Русских учебных заведений. С. 51—52.

¹⁶⁸ Там же. С. 52—55.

¹⁶⁹ Старое время. 1924. 4. IX / 22. VIII. № 71. С. 1.

¹⁷⁰ Качаки *J.* Руске избеглице... С. 21.

¹⁷¹ Там же. С. 23.

- ¹⁷² Там же. С. 25.
- ¹⁷³ Русский Дом имени императора Николая II. Белград, 1933. С. 18.
- ¹⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 327. Л. 1.
- ¹⁷⁵ Качаки *Ж.* Руске избеглице... С. 27.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 31.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 32.
- ¹⁷⁸ *Серапионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. 1890—1937 годы. М., 2006. С. 438.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 319. Л. 41.
- ¹⁸¹ Русский стяг. 1926. 27/14. VI. № 11. С. 1.
- ¹⁸² Антология поэзии русского Белграда / Сост. перев., биограф. справки О. Джурич. Белград, 2002. С. 37.
- ¹⁸³ Там же. С. 70.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 40.
- ¹⁸⁵ Старое время. 1924. 3. III/19. II. № 22. С. 1.
- ¹⁸⁶ Там же. 3/18. III. № 26. С. 1.
- ¹⁸⁷ Качаки *Ж.* Руске избеглице... С. 42.
- ¹⁸⁸ Старое время. 1924. 20/7. VII. № 58. С. 1.
- ¹⁸⁹ *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 56.
- ¹⁹⁰ Наше будущее (Белград). 1925. Февраль—март. № 1 (11). С. 5.
- ¹⁹¹ *Голенищев-Кутузов И.* Русская культура и Югославия // Числа (Париж). 1930. № 2—3. С. 293.
- ¹⁹² На страже России. Десять лет Союза Русских Писателей и Журналистов в Югославии 1925—1935. Белград, 1935. С. 45—52.
- ¹⁹³ Там же. С. 44.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 57.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 61—62.
- ¹⁹⁶ *Raunković Z.* Kongres predstavnika saveza ruskih književnika i novinara u inostranstvu u Beogradu 1928 godine // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata Rubovi, memorija. Zagreb, 2006. S. 263, 264.
- ¹⁹⁷ На страже России. С. 60.
- ¹⁹⁸ *Raunković Z.* Op. cit. S. 265.
- ¹⁹⁹ Ibidem.
- ²⁰⁰ Ibid. S. 269.
- ²⁰¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 334. Л. 1.
- ²⁰² Там же. Л. 1 об.

- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Там же.
- ²⁰⁵ *Paunković Z.* Op. cit. S. 270—271.
- ²⁰⁶ На страже России. С. 12—13.
- ²⁰⁷ Там же. С. 16.
- ²⁰⁸ Там же. С. 19.
- ²⁰⁹ Там же. С. 21.
- ²¹⁰ Там же. С. 22.
- ²¹¹ Там же. С. 26.
- ²¹² Там же. С. 29—32.
- ²¹³ Там же. С. 32.
- ²¹⁴ Там же. С. 33.
- ²¹⁵ Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Белград. [б.д.] С. 3—8.
- ²¹⁶ *Спекторский Е.* Св. Владимир и русская культура // Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. С. 27—30.
- ²¹⁷ *Лаппо И. И.* Держава Владимира Святого // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. 988—1938. Белград. С. 71.
- ²¹⁸ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 319. Л. 31—32.
- ²¹⁹ Старое время. 1924. 17/4. IV. № 31. С. 1.
- ²²⁰ *Карпов В.* Русские Воинские Организации в Югославии // Часовой. 1939. № 236—237. С. 16.
- ²²¹ Партизан. 1938. 1. VI. № 9 (16). С. 4.
- ²²² *Стерјовски А.* Битола Руската колонија. Битола, 2003. С. 51.
- ²²³ Старое время. 1924. 14. II. № 17. С. 2.
- ²²⁴ http://www.mochola.org/russiaabroad/encyclopaedia/data/17/1801500300619000015002_0060050090140060140140270220000150210090230060170180110090220000150020260060.html.
- ²²⁵ ГАРФ. Ф. 7001. Оп. 1. Д. 10. Л. 42—64.
- ²²⁶ Там же. Д. 4. Л. 89. 1921 г.
- ²²⁷ Старое время. 1924. 8. VI/ 26. V. № 46. С. 1.
- ²²⁸ *Милетич Н.* Русские летчики как пионеры в нашем воздухоплавании // Наша стихия (Novi Sad). 1923. Май. № 1. С. 25.
- ²²⁹ Там же. С. 26.
- ²³⁰ Архив автора // Воспоминания Р. В. Полчанинова. «Летчик Стрельников — мой дядя Ваня».
- ²³¹ Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914—1918 годов. Биографический справочник / Сост. М. С. Нешкин, В. М. Шабанов. М., 2006. С. 281—284.

²³² Новое время. 1927. 10.V. № 1805. С. 3; Александров Е. А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Хэмден (Коннектикут)—Сан-Франциско (США)—Санкт-Петербург (Россия), 2005. С. 42; Соперник Чкалова и Кожедуба // Вечерний Харьков. 24. 02. 2006. № 21 // <http://vecherniy.kharkov.ua/ind2.php?Division=pro&id=32668r=a>

²³³ *Оумтрић III*. Владимир Иванович Стрижевски «стриж» // Руси без Русие Српски Руси. С. 213—224; Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия... С. 273—275.

²³⁴ Русский голос. 1940. 1. IX. № 491. С. 6.

²³⁵ Незабывтые могилы. М., 1999. Т. 1. С. 457.

²³⁶ Там же. М., 2004. Т. 5. С. 217—218.

²³⁷ Там же. М., 2001. Т. 3. С. 121—122.

²³⁸ Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георги... С. 87—88.

²³⁹ Там же; Незабывтые могилы. М., 2004. Т. 4. С. 108.

²⁴⁰ Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия... С. 231—232.

²⁴¹ Там же. С. 219.

²⁴² Там же. С. 295—296.

²⁴³ Новое время. 1926. 29. IX. № 1625. С. 3; Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия... С. 134—135.

²⁴⁴ Незабывтые могилы. Т. 3. С. 657.

²⁴⁵ Там же. Т. 4. С. 256—257.

²⁴⁶ Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия... С. 304—306.

²⁴⁷ Орехов В. Несколько предварительных слов // Часовой. 1939. 5. VI. С. 22.

²⁴⁸ Благодаря исследователю русской эмиграции Иоанну Николаевичу Качаки, переиздавшему в Белграде в 2003 г. свою книгу «Руске избеглице у Краевини СХС/Југославији: библиографија радова 1920—1944», представляю регистр периодических военных изданий, печатавшихся в Белграде:

Артиллерийский Вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом. Издатель: Центральное Правление русских артиллеристов в Югославии. Владелец журнала М. Н. Добророльский. Отв. ред. С. Н. Стаевич. 1932—1940. № 1—24.

(До 1937 г. редактором был полковник С. И. Лашков, потом полковник М. Д. Тимофеев. Этот «Вестник» заменил собою «Артиллерийский Журнал», издававшийся с 1927 по 1930 г. в Париже, под ред. полк. А. Н. Андреева.)

Ведомости Охранной Группы. Nachrichten für die Werkschutz-Gruppe des Generalbevollmächtigten für die Wirtschaft in Serbien. Выходит еженедельно. Отв. ред. Виктор Иванов-Гордовский. Гл. ред. др. Евгений Месснер. 1941—1942. № 1—53 (С 9 декабря 1941 г., № 51—Ведомости Русского Охранного Корпуса

в Сербии *Nachrichten fur die Werkschutzkorps Serbien*), 1943 (№ 54—75). Владелец и издатель — Охранная Группа. Начиная с № 14 упразднена буква «Ъ», «в целях экономии места, очень ценного при маленьких размерах нашей газеты».

Военное дело за границей. Ежемесячник Правл. Общества русских офицеров Генерального Штаба в Королевстве С. Х. С. 1924—1925. № 1—24.

Вестник Волянца. Издание Правления О-ва офицеров Лейб-гвардии Волянского полка. 1929—1930. № 1—3.

Вестник Главного Правления Общества Галлиполийцев (Вестник Галлиполийцев). 31 декабря 1923—1924 (№ 1—11), 1925—1926 (№ 1—5).

Вестник зарубежной Кубани. Ред.-изд. ген. А. П. Филимонов и П. И. Курганский. Издание Группы Кубанцев в Королевстве СХС. На правах рукописи. 1925. № 1—3.

Вестник Объединения кадет Российских Императорских Кадетских Корпусов в Королевстве Югославии. 1930. № 1.

Вестник Объединения Российских Пажеского, Морского и Кадетских Корпусов в (Королевстве) Югославии. Ред.: ген.-лейт. В. П. Агапеев, полк. В. В. Добровольский, С. А. Кашкин, полк. Н. В. Мамонтов. Издавался в 1930—1931 гг.

Вестник Районного Правления Общества Русских Офицеров Генерального Штаба и Центрального Правления Общества Русских Офицеров в Королевстве С. Х. С. (Югославии). Ред.: ген.-майор В. Н. Полтавцев, Н. А. Саборский, К. М. Перевалов. 1924—1940. № 1—147.

Военный Журналист. (Всегда за Россию!). Двухнедельный Орган Национально-Общественной Мысли. Издание группы членов Русского Национального Союза Участников Войны (РНСУВ). (С № 4 — издание РНСУВ). Ред. комиссия: корнет Константин Попандопуло, ротмистр Е. А. Шелль. Техн. ред. капитан С. В. Грузинцев. 6 октября 1939 — 15 января 1941. № 1—32.

Военный Сборник Общества ревнителей военных знаний. (Прим.: иногда «... и кружков военного самообразования»). *Revue publiee par la Societe des Etudes Militaires.* Воини зборник Друштва пријате а војних зна а. Ред.: Ген. Штаба полк. В. М. Пронин и И. Ф. Патронов. Ред. Военно-Морского отдела: адмирал А. Д. Бубнов. Август/сентябрь 1921 — сентябрь 1930. Вып. 1—11.

Добавлю, что объем каждого номера колебался от 200 до 450 страниц. В нем печатались такие известные в военной среде авторы, как Н. Головин, В. Драгомиров, С. Добrorольский, а также получившие впоследствии известность Б. Штейфон, Е. Месснер.

Галлиполи. Издание Общества Галлиполийцев. 15 февраля—8 августа 1923. № 1—2.

Донская Летопись. Издание Донской Исторической Комиссии. 1923—1924. № 1—4. Сборник материалов по новейшей истории Донского казачества со времени Русской революции 1917 г. (Атаманы Каледин, Краснов, Богаевский).

Журнал Кружка Морского Училища. Бизерта—Белград, 1922 (январь—апрель). № 1—4.

Журнал Кружка Морского Училища во Владивостоке. Бизерта—Белград, 1922. № 1—4.

За Веру, Царя и Отечество. Однодневная газета по случаю десятилетия принятия на себя Его Императорским Величеством Государем Императором Кириллом Владимировичем титула Императора Всероссийского и десятилетия учреждения Корпуса Императорских Армии и Флота. 31 августа / 13 сентября 1934 г. Владелец Леонид Князев.

За Веру, Царя и Отечество. Однодневная газета по случаю пятнадцатилетия учреждения Корпуса Императорских Армии и Флота. Издание Корпуса Императорских Армии и Флота. 15 / 28 июля 1939. № 15. Владелец Леонид Князев.

Извещение Союза русских царских офицеров Армии и Флота. 1931.

Императорский Штандарт. Издание периодическое. Ред.-изд. А. Лашкарев. 1930—1931. № 1/2/3—5.

Информационный бюллетень IV Отдела Русского Обще-Воинского Союза. 1935 (№ от февраля—октября); 1937, № 36, 38.

Информационный еженедельник. Орган Совета Объединенных Офицерских Обществ в Королевстве С. Х. С. 1922—1923. «Имеет задачей: 1. Служить связью между разбросанными по всему свету зарубежными русскими офицерами. 2. Освещает события в Сов. России. 3. Следит за текущими событиями в военном мире и всесторонним развитием военного дела. 4. Всесторонне освещает русский вопрос и жизнь русской эмиграции».

Информационный лист Главного правления Союза участников I Кубанского генерала Корнилова похода. 1926—1939. № 1—3, 17—51.

Информация № 1 Белградского отдела Союза русских военных инвалидов. (24 февраля) 1938.

Информация казакам всех казачьих войск. Изд. Правления Кубанского Союза. 1925. (№ от 15 ноября).

Информация Начальника группы I Армейского корпуса и председателя отдела Общества Галлиполийцев в Королевстве С. Х. С. 1929. № 1—2.

Информация Объединенных правлений Обще-Казачьего Объединения в Королевстве С. Х. С. и Белградской казачьей имени ген. от кав. Петра Краснова

Станицы. № 6 (ноябрь 1925); № 7 (10 февраля 1926). На правах рукописи. Не для печати.

Информация Объединения чинов XVII Армейского корпуса. 1936. № 2; 1937. № 1, 14.

Информация Объедин. (ения) чинов XVIII Арм. (ейского) корпуса. 1933. № 6.

Информация Центрального Правления Союза русских военных инвалидов в Королевстве С. Х. С. и за границей. 1926. № 6.

Кадет Сибиряк—Александровец. Издание Общества Сибиряков-Александровцев в Белграде. 1925. № 1—2.

Кавказский Казак. Ежемесячная информация о жизни казачьей за рубежом и в родных краях. «Издается Кубанской канцелярией». Ред.-изд. Михаил К. Соломахин. 1929—1938. № 1—144; 1932—1939. № 1—145.

Казачья Лава. Литературно-политический журнал. Ред. П. Поляков. 1937.

Кубанский Зарубежный Вестник. 1923.

Михайловцы. Сборник воспоминаний бывших юнкеров Михайловского артиллерийского училища и Академии и их питомцев. Издание Правления Общества Михайловцев. Ред. полковник С. И. Лашков. 1936—1937. № 1—2.

Наша Станица. Информационный журнал Кубанской казачьей имени кошевого атамана Сидора Белого станицы в Белграде. Ред. колл.: П. И. Курганский, Л. В. Зверев. На правах рукописи. 1935—1937. № 1—34. С 1938 г. продолжил выходить в Праге.

Осведомитель. Периодический военно-научный журнал. Редактировала специальная комиссия Института. Издание Русского Военно-научного Института. Гл. ред. проф. генерал Н. Н. Головин. Отв. ред. Милिवое М. Милич. 1936—1938. № 1—5.

Первопоходник. Однодневная газета. Издание Главного Правления Союза 1-го Кубанского похода. Ред.: Ген. Штаба полковник В. М. Пронин и капитан А. Н. Коморовский. 1928—1938. № 1—3. Первый номер вышел 9/22 февраля 1928 г., второй номер — 9/22 февраля 1933 г.

Протокол заседания Совета Объединенных Офицерских Обществ в Королевстве С. Х. С. 1924. № 17 (29. 10), 19 (26. 11).

Родной Корпус. Издание Общества кадет 2-го Московского Императора Николая I-го Кадетского Корпуса. (Март) 1925. № 1. Шапирограф.

Русский Военный Вестник. Независимый орган русской военной мысли. Выходил два раза в месяц. Издание Совета Объединенных Офицерских Обществ. IV Отдел Русского Обще-Воинского Союза. Ред.-изд. Николай Павлович Рклицкий. 7 января 1925 г. (25 декабря 1924 г. ст. ст.)—12 августа 1928. № 1—157. (В конце 1927 г. «Военный Вестник» стал газетой общественной)

и через год был переименован в «Царский Вестник» (еженедельный), утратив свой специальный военный характер).

Терский Казак на чужбине. Официальный орган Терского Правительства. 1926—1929. № 1—23. (1931: Информация Терской Канцелярии, № 44). В 1929 г. объединился с «Кавказским Казаком», а в 1935 г. переименован, получив название «Терский Казак».

Терский Казак. Ежемесячная информация Терской канцелярии. Ред.-изд. инж. Л. В. Гавриленков. Апрель 1936—1937. № 1—21; 1938. № 22—33; 1939. № 34—42.

Уланы Его Величества 1876—1926. Издание полкового Объединения. 1926.

Чугуевцы. Исторически-бытовой сборник Объединения юнкеров Чугуевского Военного Училища. Под ред. И. А. Зыбина. 1936 (I выпуск: 1921—1936) — 1939 (II выпуск).

²⁴⁹ Лашков С. И. Военно-Учебное Дело // Часовой. 1939. 5. VI. С. 21.

²⁵⁰ Там же. С. 22.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же. С. 23.

²⁵⁴ http://www.opec.ru/news_doc.asp?tmpl=news_doc_print&d_no=52549

²⁵⁵ Лашков С. И. Указ. соч. С. 24.

²⁵⁶ Волков С. Трагедия русского офицерства // <http://www.samisdat.ru/5/55/553-p07.htm#1230>.

²⁵⁷ Лашков С. И. Указ. соч. С. 24.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же. С. 25.

²⁶¹ Там же. С. 24—25.

²⁶² Волков С. Трагедия русского офицерства.

²⁶³ Качаки J. Руске избеглице... С. 231.

²⁶⁴ Там же. С. 111.

²⁶⁵ Там же. С. 210.

²⁶⁶ Там же. С. 81.

²⁶⁷ Там же. С. 280.

²⁶⁸ Там же. С. 257.

²⁶⁹ Там же. С. 143.

²⁷⁰ Там же. С. 86.

²⁷¹ Там же. С. 87.

²⁷² Заварин А. А. Воспоминания. (Рукопись).

- ²⁷³ Русский Корпус на Балканах. С. 15.
- ²⁷⁴ http://www.kongord.ru/Index/Screst/skrest_26.htm.
- ²⁷⁵ *Скородумов М.* Воспоминания // Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Шифр — М-11. С. 61/73.
- ²⁷⁶ Ведомости Русского Охранного Корпуса в Сербии. 1943. 17. II. № 61. С. 3.
- ²⁷⁷ *Мицковић Е.* Шуцкори на сцени // Политика Экспрес (Београд). 1996. 23. VIII. С. 9.
- ²⁷⁸ *Волков С.* Трагедия русского офицерства.
- ²⁷⁹ Цит. по: *Арсеньев А.* У излуцины Дуная. С. 188.
- ²⁸⁰ *Волков С.* Трагедия русского офицерства.
- ²⁸¹ Там же.
- ²⁸² Там же.
- ²⁸³ Русский корпус на Балканах. С. 19.
- ²⁸⁴ *Тихонов П. П.* «Вспоминая лейтенанта» // Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Шифр — М-238. С. 6—8.
- ²⁸⁵ Там же. С. 6.
- ²⁸⁶ Архив автора. Запись воспоминаний Н. И. Толстого.
- ²⁸⁷ *Заварин А. А.* Воспоминания. (Рукопись).
- ²⁸⁸ <http://aliksandar.livejournal.com/55513.html?nc=10>
- ²⁸⁹ I Русско-Сербская гимназия 1920—1930. С. 60.
- ²⁹⁰ Там же. С. 60—61.
- ²⁹¹ Там же. С. 61.
- ²⁹² Часовой. 1931. 15. IX. № 64. С. 9.
- ²⁹³ Русский голос. 1934. 23. IX. № 181. С. 3.
- ²⁹⁴ *Т. Ф.* Русский спорт в Югославии // Часовой. 1939. 5. VI. С. 34.
- ²⁹⁵ *Бранковић З.* Руски емигранти у науци, просвети, здравству и спорту Србије // Руси без Русије Српски Руси. С. 177.
- ²⁹⁶ Царский вестник. 1931. 2. VIII. № 224. С. 2.
- ²⁹⁷ *Т. Ф.* Русский спорт... С. 34.
- ²⁹⁸ Иллюстрированная Россия (Париж). 1925. 15. IV. № 17. С. 12.
- ²⁹⁹ Там же.
- ³⁰⁰ Новое Время. 1924. 6. VIII. № 982. С. 3.
- ³⁰¹ Иллюстрированная Россия. 1925. 15. IV. № 17. С. 12.
- ³⁰² Новое Время. 1924. 6. VIII. № 982. С. 3.
- ³⁰³ Там же.
- ³⁰⁴ *Т. Ф.* Русский спорт... С. 34.
- ³⁰⁵ Там же.
- ³⁰⁶ Незабываемые могилы. Т. 5. С. 403.

³⁰⁷ *Јанићијевић Д.* Константин Константинович Егер // Руси без Русије Српски Руси. С. 236.

³⁰⁸ Новое время. 1929. 29. III. № 2372. С. 2.

³⁰⁹ Там же. 1930. 1. VII. № 2752. С. 2.

³¹⁰ *Полчанинов Р. В.* Русские студенты, сокола и НТСНП в Хорватии // За свободную Россию. 2005. Май. № 32 (61). Сообщения местной организации НТС на востоке США.

³¹¹ *Сергеевский А. Б.* Организация «Русский сокол» и ее деятельность в Югославии (1922—1941) // <http://www.srpska.ru/article.php?nid=1291@sq=19,235@crypt=>

³¹² Там же.

³¹³ Там же.

³¹⁴ Русский Дом. С. 30.

³¹⁵ *Сергеевский А. Б.* Организация «Русский сокол».

³¹⁶ *Кадесников Н.* Русское сокольство в Югославии // Часовой. 1939. 5. VI. С. 33.

³¹⁷ *Окороков А. В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920—1945 гг.). М., 2000. С. 10.

³¹⁸ *Кадесников Н.* Указ. соч. С. 34.

³¹⁹ *Окороков А. В.* Указ. соч. С. 9.

³²⁰ <http://www.stjag.ru/article.php?nid=2928>

³²¹ Витязь (Белград). 1922. Январь—февраль. № 1—2. С. 1.

³²² Там же. С. 33.

³²³ <http://delo.teolog.ru/deloN7901>

³²⁴ Там же.

³²⁵ Там же.

³²⁶ *Полчанинов Р. В.* Неизвестная песня поэта В. Л. Гальского // Страницы истории разведчества-скаутизма. 2004. Октябрь. № 36 (93).

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Архив автора. Письмо Р. В. Полчанинова автору.

³³⁰ *Кудряшов Ю.* Российское скаутское движение. Архангельск, 2005. С. 215.

³³¹ *Полчанинов Р. В.* Борис Борисович Мартино // Страницы истории разведчества-скаутизма. 2002. Июль. № 19 (76—2).

³³² Там же; *Кудряшов Ю.* Указ. соч. С. 219—220.

³³³ *Полчанинов Р. В.* Борис Борисович Мартино.

³³⁴ Витязь. 1922. Январь—февраль. № 1—2. Оборот первой обложки.

³³⁵ *Кудряшов Ю.* Указ. соч. С. 217.

³³⁶ ГА РФ. Ф. 6799. Оп. 1. Д. 20. Будь готов. № 2.07.04.1928 г. С. 3 об.

- ³³⁷ Там же. С. 5.
- ³³⁸ Витязь. 1922. Январь—февраль. № 1—2. С. 32.
- ³³⁹ Кудряшов Ю. Указ. соч. С. 217.
- ³⁴⁰ Полчанинов Р. В. На слете скаутов Югославии. Белград. 1935 // Страницы истории разведчества-скаутизма. 2004. Декабрь. № 38 (95).
- ³⁴¹ Полчанинов Р. В. И. С. Светов (1902—1982). К 25-летию со дня смерти / Страницы истории разведчества-скаутизма. 2007. Апрель. № 119.
- ³⁴² Там же.
- ³⁴³ Полчанинов Р. В. На слете скаутов Югославии. Белград. 1935 // Страницы истории разведчества-скаутизма. 2004. Декабрь. № 38 (95).
- ³⁴⁴ Там же.
- ³⁴⁵ Там же.
- ³⁴⁶ Петрович Р. Младороссы. Материалы к истории сменовеховского движения. London; Ontario; Canada, 1973. С. 2.
- ³⁴⁷ Царский вестник. 1934. 4. III. № 386.
- ³⁴⁸ Русский голос. 1934. 2. XII. № 191. С. 2.
- ³⁴⁹ Младоросская искра. 1933. 25. II. № 27. С. 1.
- ³⁵⁰ Там же.
- ³⁵¹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 64. Оп. 1. Д. 18.
- ³⁵² Там же.
- ³⁵³ Там же. Д. 8. Л. 30—31.
- ³⁵⁴ Там же. Д. 3а. Л. 7—8.
- ³⁵⁵ Младоросская искра. 1934. 20. IX. № 41. С. 2.
- ³⁵⁶ Бодрость. 1935. 16. VI. № 33. С. 3.
- ³⁵⁷ Младоросская искра. 1934. 1. I. № 35. С. 3.
- ³⁵⁸ Бух!!! Bouh — revue satirique russe (Белград). 1932. Март. № 9. С. 5.
- ³⁵⁹ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 922.
- ³⁶⁰ «...Помочь другому разобраться я всегда готова...» Переписка Зинаиды Гиппиус с Анатолием Штейгером // Русская мысль (Париж). 2000. 4. V. № 4316.
- ³⁶¹ Младоросская искра. 1931. 15. X. № 6. С. 1.
- ³⁶² Там же. 1932. 15. X. № 23. С. 4.
- ³⁶³ Там же. 15. I. № 11. С. 1.
- ³⁶⁴ Цит. по: Младоросская искра. 1931. 1. VIII. № 1. С. 4.
- ³⁶⁵ Пушкарев С. Г. Воспоминания историка. 1905—1945. М., 1999. С. 91.
- ³⁶⁶ Младоросская искра. 1932. 1. II. № 12. С. 4.
- ³⁶⁷ Там же. 1934. 5. VIII. № 40. С. 2.

- ³⁶⁸ Там же. 1. I. № 35. С. 3.
- ³⁶⁹ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 22, 24.
- ³⁷⁰ Младоросская искра. 1934. 1. I. № 35. С. 2.
- ³⁷¹ Бодрость. 1939. 19. II. № 214. С. 1.
- ³⁷² Младоросская искра. 1931. 15. I. № 11. С. 3.
- ³⁷³ Бодрость. 1938. 10. X. № 196. С. 3.
- ³⁷⁴ Младоросская искра. 1931. 15. IX. № 4. С. 1.
- ³⁷⁵ Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 37.
- ³⁷⁶ Там же.
- ³⁷⁷ Младоросская искра. 1938. 7. I. № 176. С. 4.
- ³⁷⁸ Там же. 1934. 25.V. № 39. С. 2.
- ³⁷⁹ Там же. 1932. 12. VII. № 20. С. 1.
- ³⁸⁰ Там же. 1931. 1. IX. № 3. С. 1.
- ³⁸¹ Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 12.
- ³⁸² Там же. С. 35.
- ³⁸³ Россия и славянство. 1933. 15. III. № 218. С. 2.
- ³⁸⁴ Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 12.
- ³⁸⁵ Там же. С. 20—21.
- ³⁸⁶ Там же. С. 25.
- ³⁸⁷ Младоросская искра. 1934. 20. IX. № 41. С. 1.
- ³⁸⁸ Бодрость. 1938. 2. I. № 158. С. 1.
- ³⁸⁹ Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 12.
- ³⁹⁰ Младоросская искра. 1934. 1. I. № 35. С. 2.
- ³⁹¹ Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 16.
- ³⁹² Там же.
- ³⁹³ Младоросская искра. 1933. 5. IV. № 28. С. 3.
- ³⁹⁴ Там же. С. 4.
- ³⁹⁵ Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 19.
- ³⁹⁶ Там же.
- ³⁹⁷ Там же. С. 34.
- ³⁹⁸ К молодой России... Сборник младороссов. Paris, 1928. С. 158.
- ³⁹⁹ Там же. С. 149.
- ⁴⁰⁰ Бодрость. 1935. 31. III. № 22. С. 1.
- ⁴⁰¹ Там же. 1936. 16. II. № 68. С. 2.
- ⁴⁰² За Русь святую!.. Лига русских офицеров и солдат запаса за границей. Белград, 1937. С. 11.

- ⁴⁰³ Косик В. Україна Німеччина у другій світовій війні. Париж; Нью-Йорк; Львів. 1993. С. 36.
- ⁴⁰⁴ Бодрость. 1939. 5. III. № 216. С. 1.
- ⁴⁰⁵ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 11.
- ⁴⁰⁶ Младоросская искра. 1934. 1. XII. № 42. С. 3.
- ⁴⁰⁷ Там же. 1931. 1. XII. № 9. С. 1.
- ⁴⁰⁸ Бодрость. 1936. 16. VIII. № 94. С. 3.
- ⁴⁰⁹ Младоросская искра. 1931. 1. XII. № 9. С. 1.
- ⁴¹⁰ Там же.
- ⁴¹¹ Там же. 1. X. № 5. С. 2.
- ⁴¹² РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
- ⁴¹³ Младоросская искра. 1932. 20. VIII. № 21. С. 1.
- ⁴¹⁴ РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 80.
- ⁴¹⁵ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 35.
- ⁴¹⁶ Младоросс. 1931. Май. № 8. С. 6.
- ⁴¹⁷ Младоросская искра. 1933. 10. VI. № 30. С. 1.
- ⁴¹⁸ Россия и славянство. 1934. Январь—февраль. № 228. С. 1.
- ⁴¹⁹ Там же.
- ⁴²⁰ Гальский В. Л. Ты в памяти моей таким остался // Антология поэзии русского Белграда. С. 49.
- ⁴²¹ Бодрость. 1938. 3. IV. № 171. С. 1.
- ⁴²² Там же. 14. VIII. № 188. С. 1.
- ⁴²³ Там же. 21. VIII. № 189. С. 1.
- ⁴²⁴ Там же. 13. XI. № 200. С. 1.
- ⁴²⁵ Там же. 6. III. № 167. С. 1.
- ⁴²⁶ Там же. 9. X. № 195. С. 1.
- ⁴²⁷ Там же. 1939. 12. XI. № 258. С. 1.
- ⁴²⁸ Там же. 15. I. № 209. С. 1.
- ⁴²⁹ Там же.
- ⁴³⁰ Младоросская искра. 1934. 1. I. № 35. С. 2.
- ⁴³¹ 1945 Шум времени 1953. Из дневника сталинского наркома Малышева В. А. // Независимая газета. 1999. 29. IX. С. 3.
- ⁴³² Бодрость. 1939. 5. XI. № 250. С. 1.
- ⁴³³ Там же. 1940. 1. II. № 258. С. 2.

Именной указатель

А

Аверкий (Александр Павлович Таушев) 27, 39, 40
Агапеев 108
Агапов-Таганский М. В. 127
Агнеса (Явор) 49
Адамова К. А. 67
Акаро Е. 117
Аккерман 106
Александр I 70
Александр I Карагеоргиевич 11, 12, 18, 19, 86, 112
Александр III 171
Александров А. 18
Алексеев 115
Алексеев М. В. 102
Алексей, св. 25
Алексий, св. 32
Алексий I (Сергей Владимирович Симанский) 33, 43, 45—47, 50, 52—54
Алексинский М. К. 115
Али-Абас 137
Алонзо, де 137
Амфитеатров А. В. 73, 83
Анастасий (Александр Алексеевич Грибановский) 7, 8, 10, 11, 13—15, 19, 26, 27, 29, 32, 33, 36, 39, 40—44
Анастасия (Мосолова) 49
Ангелина (Грачева) 49
Ангелов А. 115
Андреев Л. Н. 85
Андреев 131
Андроник (Владимир Александрович Никольский), сщмч 32

Анисия (Волкова) 49
Аничков Е. В. 88
Аносов И. А. 58
Антоний (Андрей Георгиевич Бартошевич) 18, 43, 48, 50, 53
Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) 6, 8, 10—17, 19, 20, 24, 29, 31—33, 35, 74, 89
Антоний 30
Антония (Гошко, Гожко) 49
Антонов 97
Аполлинарий (Андрей Васильевич Кошевой) 7
Аргунов А. 85
Артамонов В. А. 120
Архангельский А. А. 21
Арцыбашев 85
Асеев М. М. 115
Ахматова А. А. 82
Аштар 137

Б

Баар 137
Бабушкин М. С. 140
Баден Пауэлл Р. 122—124, 131
Байдак А. А. 109
Байдак Л. И. 99
Бакунин М. А. 85
Балабанов Ф. Ф. 58
Бальцар (Бальцар) 106, 108
Бальмонт К. Д. 73, 127, 132
Баранников Г. 42
Бартошевич Г. В. 48

Баскаков В. 109
 Баскевич Ю. М. 108
 Батюшин Н. С. 106, 107
 Баумгартен В. Ф. 108
 Безматерных 137
 Белавина Н. С. 178
 Белич А. 21, 58
 Беловидов П. 13, 15—17, 19, 21, 22,
 38
 Белоусов А. 125
 Белоусов И. 114
 Бем А. Л. 85
 Бертран 159
 Бехтеев С. С. 76, 77
 Био 137
 Блок А. А. 34, 82, 88
 Блуа Л. 34
 Блюхер В. К. 170
 Боголюбский В. Н. 109
 Большаков 74
 Богословский К. 18
 Бородин 109
 Бортнянский Д. С. 21
 Ботвинник М. М. 148
 Боткин Г. Е. 93
 Бош, дю 137
 Браиловский Л. М. 82
 Бренстед М. 138
 Бузун П. Г. 112
 Бунин И. А. 73, 83
 Буссов К. Н. 101
 Бутаков Г. А. 162

В

Варвара (Суханова) 49
 Варнава (Петр Росич) 11, 13, 14,
 18—20
 Василий (Владимир Михайлович
 Родзянко) 24, 33, 35, 47, 52, 53
 Васильев А. В. 16
 Вахрушев 105

Велимирович Е. 73
 Велимирович З. 87
 Велимирович М. 73
 Велихов Б. 64
 Вениамин (Василий Павлович Ка-
 занский), сщмч 32
 Вениамин (Иван Афанасьевич
 Федченков) 7, 33
 Вернер А. Ю. 27
 Веселовский Н. И. 50
 Виктория (Водолазова) 49
 Виктория Феодоровна 162
 Виноградов 115
 Виркау 137
 Вишняк М. В. 85
 Владимир, св. 89, 90
 Владимир (Василий Никифоро-
 вич Богоявленский),
 сщмч 32
 Владимир (Любомир Раич) 44, 45
 Владимир Кириллович, вел. кн. 134
 Власенко Г. 115
 Власов А. А. 90, 104, 130
 Водопьянов М. В. 140
 Войт 137
 Волховский Б. 117
 Воробьева Елена 49
 Воронеж К. П. 69, 70
 Востоков В. И. 76
 Врангель П. Н. 18, 42, 57, 70, 93,
 94, 98—100, 102, 122, 127
 Вячеславский-Хомицкий В. В.
 см. Хомицкий В. В.

Г

Гавриил (Георгий Дожич) 45
 Гавриил (Григорий Маркеллович
 Чепур) 29, 35
 Гавриила (Морозюк) 49
 Гаганидзе 137
 Гальской В. Л. 124, 125, 130, 168

Гандурин И. 42, 48
 Ганиевский В. 18
 Гарднер И. А. 24, 27, 127
 Георгиевский М. А. 23, 62—64, 89
 Гермоген, св. 32
 Гермоген (Георгий Ефремович Долганов) 32, 42
 Гермоген (Григорий Иванович Максимов) 21, 29, 42
 Гернгросс 106
 Герцен А. И. 85
 Гершельман Б. И. 26
 Гескет Б. С. 112
 Гешатов В. 18
 Гинднер 137
 Гиппиус З. Н. 73, 84, 142
 Гитлер А. 41, 42, 110—112, 157, 174, 175
 Глуздовский В. П. 84, 88
 Гоголь Н. В. 143, 163
 Гойер-Боот 137
 Голенищев-Кутузов И. Н. 83, 84, 87, 88, 128
 Голицын К. 115
 Головин Н. Н. 42, 106, 107, 109
 Горгония (Ковальчук) 49
 Гордеев-Зарецкий 105, 106
 Горн Б. А. 101
 Горчаков 145
 Горький М. 85
 Граббе Г. (Ю.) П. 14, 35, 75
 Граббе Н. 49
 Гранитов В. В. 91
 Гречанинов А. Т. 21
 Гринков А. В. 21, 64
 Гринченко Л. А. 34
 Гринь В. И. 57, 58
 Громов М. М. 140
 Гульязизов 137
 Гусаковская Августа 49

Д

Давати В. Х. 75, 88, 105
 Данилевский Н. Я. 62
 Деникин А. И. 6
 Джанкаев 137
 Джанумов Н. А. 121
 Джорджевич В. 118
 Джорджич 83
 Дзбановский 137
 Дзецино 102
 Димитрий (Павлович) 6, 12, 16—18, 23
 Диолора 51
 Дитерихс М. К. 18
 Дмитрий Павлович, вел. кн. 143
 Доброклонский А. П. 23, 27
 Добровольский 108
 Дорофея (Мойсеюк) 49
 Досифей (Васич) 6, 84, 85
 Досифея (Гусева) 49
 Достоевский Ф. М. 12, 27, 62, 64, 86, 143, 159, 164
 Драгомиров А. М. 105
 Дрейлинг 105, 106
 Дураков А. П. 87
 Дураков 137
 Дурова Н. 69
 Дьяков А. В. 69
 Дэнни 137

Е

Евгения (Вишневская) 49
 Евдокимов 140
 Евлогий (Василий Семенович Георгиевский) 7, 8, 29, 33
 Евреинов Н. Н. 88
 Евсевия (Пятничук) 49
 Евсталия (Лискович) 49
 Егер (Эгер) К. К. 115, 116
 Екатерина (Кудрякова) 49
 Елачич А. К. 84, 88
 Елена, св. 90
 Елевферий (Дмитрий Яковлевич Богоявленский) 33

Еликанида (Полещук) 49
 Элита-Вильчковский К. 165, 171
 Есауленко 115
 Есфирь (Румса) 49
 Ефремов А. 48

Ж

Жариков И. 112
 Жаркова Анна 49
 Живкович Б. 119
 Жид А. 164
 Жлоба Д. П. 98, 99
 Жуков Е. А. 83—85, 87
 Жуковский А. М. 128, 131
 Жуковский В. А. 70
 Журавская Е. М. 5, 25, 72, 78, 88

З

Завадский П. Н. 69
 Заварин А. А. 112
 Зайцев Б. К. 73, 84
 Замятин Е. И. 80
 Захаров В. Я. 114
 Зеньковский В. В. 35
 Зернов Н. М. 33, 34
 Зосима (Йованович) 50
 Зосима (Машкина) 49
 Зощенко М. М. 88

И

Иванов 137
 Иванов 115
 Ивашинцев 127
 Иларион (Скляр) 48
 Илария (Голуб) 49
 Иловайская И. А. 61
 Имерлишвили 137
 Имшенецкий А. К. 71
 Иннокентий (Анисимов) 43
 Иннокентий (Иоанн Кульчицкий), св. 64

Иоанн (Михаил Борисович Максимович), св. 21, 32—34
 Иоанн (Дмитрий Алексеевич Шаховской) 10
 Иона, св. 32, 49
 Иосиф (Цвийович) 45
 Ипполитов-Иванов М. М. 21
 Ишоев 137

Й

Йованович Л. 50

К

Кабанова О. Н. 69
 Кадесников Н. З. 101
 Казанцев Л. Б. 112
 Казаринов П. И. 115
 Казем-Бек А. Л. 134, 136, 140, 146, 149, 150, 154, 157, 166, 168, 172, 173
 Капитолина (Пилота) 49
 Караджич В. 83
 Каратеев М. Д. 70
 Карацуня Н. Ф. 148
 Карич М. 74
 Карпов Г. 135
 Касаткин-Ростовский Ф. 81
 Кассиан (Сергей Сергеевич Безобразов) 34
 Кастальский А. Д. 21
 Качаки И. Н. 73
 Качинский А. 48, 50, 54
 Керсновский А. А. 109
 Кизеветтер А. А. 88
 Киприан (Константин Эдуардович Керн) 34
 Киреевские 70
 Кирилл Владимирович, вел. кн. 10, 31, 134, 136, 143—145, 162, 168, 170
 Киссель 137
 Ковалев М. Г. 73, 74
 Ковалевский 107
 Кованько А. А. 97, 102, 103
 Козачинский Э. 83

Колчак А. В. 18
 Колюбакин В. Н. 106, 131
 Константин, св. 79, 90
 Корнилов Л. Г. 18
 Короленко В. Г. 85
 Котов Г. 18
 Кравченко А. 121
 Краинский Н. В. 74, 88, 108
 Крамарж К. П. 75, 84
 Красинский 115
 Краснов Н. Н. 106, 108
 Краснописцев Д. М. 108
 Крижанич Ю. 83
 Крицкий Б. 42
 Кришталь 137
 Круликовский 20
 Крупенский А. Н. 135
 Крыжко А. Ф. 50, 52
 Ксения (Колобова) 49
 Ксюнин А. И. 83—85, 87
 Кудряшов Ю. 127
 Кузнецов 98
 Кузьменко 64
 Кульбакин С. М. 23
 Куприн А. И. 73, 84, 85
 Кутейников Н. А. 103

Л

Ланин А. В. 42, 85, 86
 Лаппо И. И. 90
 Лашков С. И. 106, 108
 Левицкая Надежда 49
 Легат Б. В. 97, 101
 Лембик 137
 Ленин В. И. (Ленин-Ульянов) 157
 Леонтий (Лев Юрьевич
 Бартошевич) 24, 34
 Леонтьев К. Н. 62, 176
 Лепоринский В. 48, 50

Лесков Н. С. 87
 Ливен Л. П. 137
 Липский А. Ф. 126, 127
 Лихачев 69
 Лодыженский А. И. 26
 Ломакин Г. Я. 21
 Лопухин П. С. 31, 35
 Лука (Родионов) 48, 50
 Лукомский А. С. 57
 Луначек 137
 Лучинская В. Н. 48
 Лычев А. П. 103
 Лычев П. Е. 103
 Лях-Невинский 137

М

Маевский Вл. А. 12, 31, 39, 41
 Макарий (Матвеев) 50
 Макаров 115
 Маклаков В. А. 38
 Максимов С. 42
 Максудов И. И. 114—116, 118
 Малинин И. М. 58, 60, 63
 Малхолланд 137
 Манефа (Шадук) 49
 Мариам (Мария Шатилова) 18
 Мария 18
 Мария (Антонюк) 49
 Мария Феодоровна 24
 Марков С. 45
 Маркопуло 137
 Маркс 137
 Марино Б. Б. 127
 Махин Ф. Е. 81
 Машин В. А. 27
 Медведев А. 42
 Мейендорф Ф. 137
 Мелетий 14

Мелешко С. см. Мережко
 Мельгунов С. Р. 85
 Мережко С. 18
 Мережковский Д. С. 64, 73, 84, 86
 Месснер Е. Э. 88
 Милетич Н. 97
 Миллер Е. К. 99, 150
 Милюков П. Н. 166
 Мирошниченко А. Т. 50
 Миткевич Г. Г. 38
 Митрофан (Димитрий Иванович
 Краснопольский) 32
 Михаила (Яковлева) 49
 Михеев 106
 Мишле Ж. 159
 Миштовт 137
 Мищенко В. 110
 Могилев В. 42, 99
 Модрах Вера 49
 Мокранец С. 21
 Молоков В. С. 140
 Молчанов Б. 42
 Морозов В. 121
 Мошин В. А. 43, 45, 48
 Мурзаев 137
 Мусин-Пушкин Ю. Б. 137
 Мухина В. И. 156

Н

Набоков В. В. 56
 Навоев Н. П. 131
 Нафанаил (Василий Владимиро-
 вич Львов) 25
 Неклюдов В. 19, 22, 36, 39, 43,
 48—54
 Нектария (Кудрякова) 49
 Немирович-Данченко В. И. 84, 86
 Неофита (Фурса) 49
 Нестеров П. Н. 98
 Нечаев Н. 42
 Никандр (Беляков) 50

Никодима (Головка) 49
 Николай (Борис Дорозевич
 Ярушевич) 52—54
 Николай II 18, 19, 25, 36, 143, 145
 Николай Николаевич («Никола-
 ша»), вел. кн. 30, 31, 94, 136
 Никон (Николай Павлович Рклиц-
 кий) 16, 31, 35, 42, 51
 Нищенко А. 18
 Нина (Наталья Григорьевна
 Коссаковская) 49, 51
 Ноаров С. 39, 40, 48—50
 Нувой 137
 Нушич Б. 84

О

Обер Т. 87
 Окшевский Л. В. 101
 Окшевский О. В. 101
 Окулич В. 129
 Ольга Николаевна, вел. княжна 76
 Ольшановская Мария 49
 Орбини М. 83
 Орехов А. Л. 108
 Орлов С. 38
 Освальд 137
 Осипов В. Н. 101
 Острогорский Г. А. 27
 Охотин А. Д. 48

П

Павел, кн. 95
 Павленко 74
 Павловский Р. 67
 Пантюхов О. И. 123, 124
 Парийский Л. Н. 51
 Парчевский К. К. 85
 Паункович Г. Г. 119
 Пашич Дж. 17
 Пашич Н. 17, 84
 Перфильев Е. М. 115

Петр, св. 32
 Петр I 159
 Петров С. А. 108
 Петронила (Пинкевич) 49
 Пильц Р. 100
 Платон (Порфирий Федорович
 Рождественский) 29—31
 Плевицкая Н. В. 64
 Плетнев В. Д. 21, 58, 59, 61, 127
 Плонский М. Н. 101
 Погодин А. Л. 88
 Поликсения (Левчук) 49
 Полчанинов Р. В. 4, 63, 117, 125,
 126, 129—131
 Полянский 106
 Попов 74
 Попов 74
 Попов Д. 18
 Попович Пелагея 49
 Потемкина Варвара 49
 Принцип Г. 118
 Прокопов Л. А. 108
 Пронин В. М. 42, 105, 106, 120
 Пуятин М. С. 18
 Пушин Н. А. 58, 106, 109
 Пушкин А. С. 143

Р

Ракитин Ю. Л. 84, 88, 89
 Распутин Г. Е. 107
 Редкин (Редькин) А. П. 18
 Ремизов А. М. 73, 80, 82
 Решиков Я. Н. 108
 Рихтер С. Т. 148
 Рклицкий Н. П. см. Никон
 Роар 137
 Родзянко М. В. 144
 Розенберг 137
 Розов В. А. 27
 Роллан Р. 164
 Романов Д. А. 137
 Романов 137
 Романовы 7, 10
 Росселевич А. 67
 Россиус 115

Рудин В. 20
 Рудченко П. И. 58
 Рузский Н. Н. 135
 Румянцев 106, 108
 Рыбинский Н. З. 88
 Рябушинский Д. 70

С

Савва (Ранисавлевич) 50
 Савватия (Машкина) 49
 Савелова Е. 96
 Савинский С. В. 45
 Савицкий М. П. 114
 Салинович М. А. 103
 Салтыков А. 62
 Салтыков-Щедрин М. Е. 87
 Сарнавский И. Л. 109
 Сафонов В. 18
 Сватиков С. Г. 109
 Светиков 115
 Светов И. С. 129—131
 Свищев И. С. 106, 109
 Святополк-Мирская М. А. 24
 Севастьяна (Ковальчук) 49
 Семенов 115
 Семенов И. В. 108, 129
 Серафим (Леонид Георгиевич
 Иванов) 24, 34, 51
 Сергеев 115
 Сергеев А. И. 114
 Сергеевский 106, 120
 Сергеевский А. Б. 118, 119
 Сергей (Сергей Иванович Ларин)
 45, 47, 48, 50
 Сергей (Стефан Алексеевич Пет-
 ров) 7, 29
 Сергей (Иван Николаевич Стра-
 городский) 8, 9, 32, 33
 Сидония (Аниховская) 49
 Симеон 45
 Скоблин Н. В. 149

Скородумов М. Ф. 35—37, 42, 75,
110
Скоропадский П. П. 161
Слоним М. Л. 80
Слюсарев Б. 115
Соболевский В. Т. 80
Сокаль А. И. 54
Сокаль И. И. 19, 39, 40, 43, 45—50,
52—54
Сокаль М. С. 54
Сокаль Н. И. 54
Соколов Б. 83
Соловьев А. В. 27
Сондермайер Т. 99
Сопощко-Сырокомля М. А. 74
София (Бердяева) 49
Софронов П. М. 20, 21, 50
Спекторский Е. В. 27, 85, 89
Спиридонов 109
Сталин И. В. 51, 52, 110, 135, 146,
149, 150, 155, 157, 164—166,
169, 171, 172, 174, 175, 177
Старостины 148
Стаханов А. Г. 148
Сташевский В. В. 16, 25
Степун Ф. А. 153
Стерьовски А. 95
Стефан Пермский, св. 64
Столыпин П. А. 118
Страхов С. С. 88, 89
Стржижевский (Стрижев-
ский) В. И. 99, 100
Струве П. Б. 27, 84, 88, 106, 157,
166, 167
Суворин А. С. 75
Суворин М. А. 17, 73, 75, 90
Суворов М. 83
Сухотин Л. М. 64, 88

Т

Тавифа (Михайлова) 49
Тальберг Н. Д. 146
Тараканов В. М. 106, 108, 109
Тарановский Ф. В. 84, 88
Тарасьевы 19, 55

Тарасьев Вас. В. 20, 55
Тарасьев Вит. В. 19, 20, 40, 43, 45,
48, 50, 55
Татьяна Николаевна, вел. княжна 76
Таубер Е. Л. 87
Твердохлебова Л. 24
Терпигорев С. 29
Тимолай (Пастухов) 50
Тито Й. Б. 47, 51, 52, 63, 81, 111,
113
Титов Ф. И. 23
Тихон (Василий Иванович Бел-
лавин), св. 7, 8, 14
Тихон (Тимофей Ляшенко) 29
Тихонов П. 111
Тихонравов В. И. 104
Ткачев В. М. 97, 98
Тодорович С. 118
Толстая А. Л. 87
Толстой И. И. 84, 134, 137, 139, 177
Толстой Л. Н. 64, 84, 85
Толстой Н. И. 112, 164
Трегубов Ив. 90
Трегубов Ю. А. 63
Трегубович 106
Троицкий 105
Троицкий В. 49
Троицкий С. В. 23
Троцкий Л. Д. 164
Троянов И. И. 23
Туган-Барановский А. 126
Тырш М. 117

У

Уваров С. С. 82
Ульянцев В. 42
Успенский Н. П. 58
Уэллс Г. 151

Ф

Февр Н. 64
Федотов Г. П. 174
Фейхтвангер Л. 164
Феодора (Нина Николаевна Льво-
ва, урожд. Тунковская) 49, 51

Феодосий (Мельник) 7
 Феофан (Василий Дмитриевич Быстров) 35
 Феофан (Федор Георгиевич Гаврилов) 17, 29, 30
 Феофан (Шишманов) 50
 Феофания (Слободенюк) 49
 Философов Н. 164
 Флоровский Г. В. 22, 23, 39, 40
 Фомагин Г. Ф. 101, 102
 Фрадынский В. Ф. 45, 48
 Франк М. 66
 Франц Фердинанд 118

Х

Холодовский Л. В. 97
 Хомицкий В. В. 88
 Хомяков А. С. 90
 Худая (Худан) Анна 49

Ц

Цветаева М. И. 80
 Цветков Д. 45
 Цветкович К. 87
 Цыпин Вл. 6

Ч

Чаадаев П. Я. 62
 Чапаев В. И. 98
 Чаплиц Мария 40
 Чекалин Д. 18
 Чекмарев Н. М. 88
 Челищев В. Н. 84, 87
 Черновольский 115
 Чернышевский Н. Г. 85
 Чернявский 115
 Чернявский В. К. 108
 Чириков Е. Н. 73, 84, 85

Чкалов В. П. 148
 Чубинский М. П. 84, 88
 Чухнов Н. В. 85, 86

Ш

Шавров А. В. 109
 Шапиро 80
 Шатилова М. П. 18
 Шашинов В. см. Сафонов
 Шебалин С. К. 97, 103, 104
 Шеншин И. И. 109
 Шимкевич В. К. 97
 Шкуро А. Г. 174
 Шмелев И. С. 73
 Шрамченко Л. 64
 Штейгер А. С. 137, 142
 Штейфон Б. А. 111
 Штрандман В. Н. 23
 Шуберский А. Н. 106, 107
 Шувалов П. А. 137

Щ

Щербаков 27

Э

Эвенбах 106
 Эггер 106
 Эзопов И. В. 115
 Эккерсдорф В. А. 88

Ю

Ювенал Д. Ю. 117

Я

Яблоновский А. 85
 Яковлев 115
 Якшич Д. 81
 Янко Мария 49

Оглавление

Объяснение к тексту	4
Церковь: клир и миряне	5
Три праздника русской эмиграции	56
О русском военном промолвлю я слово	93
Спорт, «соколы», скауты «Но душа услышала: "Гори!"»	114
Об исканиях «ультрафиолетовых» младороссов	133
Подводя черту	179
Именной указатель	180

Научное издание

КОСИК ВИКТОР ИВАНОВИЧ

ЧТО МНЕ ДО ВАС, МОСТОВЫЕ
БЕЛГРАДА?

Русская диаспора в Белграде.
1920—1950-е годы.

Эссе

Книга подготовлена к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Подписано в печать 20.11.2007. Печ. л. 13,0.
Тираж 300 экз. Заказ № . Цена договорная.

Виктор КОСИК
Что мне до вас, мостовые Белграда?

Виктор
КОСИК

**ЧТО МНЕ ДО ВАС,
МОСТОВЫЕ
Белграда?**

ЭССЕ